

ПИОНЕР

СЕНТЯБРЬ

9

Это ребята одного из отрядов-победителей во Всесоюзном пионерском соревновании [отряд имени Лени Голикова из Орехова-Зуева]. Они были награждены путевками в Артек.

Фото И. Гольдберга

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО
КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА
ВСЕОБЩЕЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

К

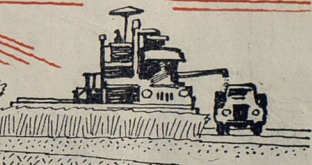
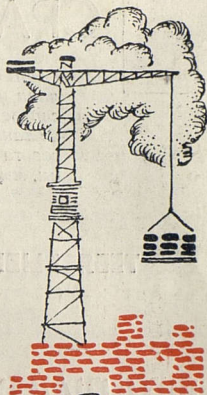
омандир подал команду. Конец привалу. Боевой отряд снова в пути, правофланговые задают тон, по ним равняются другие. И хотя поход предстоит долгий и трудный, тверд шаг солдат, ровные ряды.

Кончился и твой летний привал, твой отряд держит путь в новый учебный год. Чтобы не сбиться с шага, не потерять равнения, отряду нужны хорошие правофланговые.

Кто может стать правофланговым в пионерском строю!

Тот, кто первым примется за работу, кто самое нужное дело разыщет, самую веселую затею подскажет, тот, по кому хочется равняться в учении.

Становись правофланговым, друг! Время не ждет. Горнисты играют сбор!

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ПРАВДА" СЕНТЯБРЬ 1963

СРАЗУ ПОСЛЕ ВЫБОРОВ...

В отряде закончились выборы. Новым активистам торжественно вручили узенькие красные полоски — кому сколько положено. И почему-то считается, что с этой минуты каждый знает, что ему делать. Но ведь это не так! Еще немало времени пройдет, пока звеньевой или председателю совета отряда узнают все хитрости новой своей работы. Чтобы помочь им, мы открываем на этих страничках несколько важных секретов...

ТЕБЯ ВЫБРАЛИ

В АКТИВ? ПЛОД РАВЛЯЕМ

НО ПОМНИ:

ПРАВИЛО ПЕРВОЕ:

не зазнаваться. Это не такое уж легкое правило, как кажется на первый взгляд. И сам не заметишь, как начнут в отряде шушукаться: «Смотрите, нос задрал, подумаешь, предсе-да-тель».

Ты, конечно, возмущаешься, ты и не думал зазнаваться. Но присмотришься: не появились ли у тебя в голосе начальнические нотки? Не кажется ли, что все вокруг должны подчиняться тебе? Если так, то это первые признаки зазнайства.

ПРАВИЛО ВТОРОЕ:

работать, а не командовать. Что бы отряд ни делал, будь первым. Вот пошел, например, отряд пилить и колоть дрова для детского сада. Все работают, а председатель ходит и других подгоняет: «Иванова, чего сидишь? Петров, сейчас как дам! Сидорова, бери пилу!» — а сам к полюну не притронулся. Конечно, такого никто уважать не будет!

ПРАВИЛО ТРЕТЬЕ:

помнить, что ты в отряде не один. В отряде много пионеров, кроме тебя, и надо сделать так, чтобы всем было интересно. Мы однажды познакомили с таким председателем. Он и над октябрятами шефствует, и в пионерскую разведку идет, и газету рисует. Я спросил его:

— Чего ж ты за все хватаешься, будто ты индийский бог Шива, у которого, говорят, было много рук?

«Индийский бог Шива» нахмурился и сказал:

— Никто работать не хочет. У нас, знаете, какие пионеры...

— А ты просил кого-нибудь помочь?

— Просил. Ладно, говорят, сделаем, но разве дождешься?

Вот ведь какой нетерпеливый — и подождать не хочет! У него налицо все признаки зазнайства: он уверен, что он самый лучший пионер в отряде, что он любое дело сделает лучше всех.

ПРАЗДНО ЧЕТВЕРТОЕ

требуй от ребят немного, но то, что требуешь, требуй до конца. Только не думай, что требовать — значит понукать. Ты, наверное, замечал: один человек только слово скажет, только глазами поведет, а все торопятся выполнить его просьбу. А другой и кричит, и шумит, и ногами топает, но на него никто не обращает внимания.

Почему так получается?

Потому что у одного есть авторитет, а у другого нет. Посмотри: умеет человек быть справедливым, честным и твердым. Зря слова не скажет. Но если уж скажет — как ножом отрежет. И все ребята любят и уважают его.

Вот у Тимура был настоящий авторитет. Если тебя товарищи выберут вожаком, постарайся быть таким, как Тимур.

Вожатый Сима СОЛОВЬЕВ.

НУЖЕН ОТРЯДУ ВОЖАТЫЙ

Без вожатого что за жизнь? Ни в поход пойти, ни в военную игру поиграть...

А где взять вожатого, если его нет? Как тут быть?

Самим найти! Пойти на завод, на ферму, где работают комсомольцы, рассказать им про ваш отряд. Может быть, предложить комсомольцам свою помощь. А может, даже и концерт веселый показать, чтобы увидели комсомольцы, какой у вас в отряде народ. И вскоре — вот увидишь! — будет и у вас вожатый. И может, даже не один, а целая бригада.

КАКОЙ ПЛАН ЛУЧШЕ И ПОЧЕМУ?

Три отряда шестиклассников составили три разных плана. Вот они. Какой из этих планов лучше и почему?

8-го — костер «Сожжение старых грехов». И тут же устроить выборы совета отряда.

11-го — конкурс мастеров «Золотые руки».

16-го — открытие штаба зоны «Ракета».

22-го — поход в заповедник.

15-го — культпоход в цирк.

21-го — в театр на «Сомбреро».

30-го — в кино на фильм «Ехали мы, ехали».

12-го — отчетно-выборный сбор.

14-го — организация отрядного уголка.

18-го — выпустить альбом «Счастливое детство».

29-го — обсуждение нового плана работы.

КТО ВХОДИТ В ОТРЯДНЫЙ АКТИВ?

Обычно считают — председатель, звеньевые, редактор стенгазеты. А на самом деле не только они. Еще и

отрядный запевала,

октябрятский шеф,

горнист,

костровой,

барабанщик,

заведующий хозяйством,

разведчик-проводник,

отрядный казначей,

главный затейник,

библиотекарь,

санитар.

Словом, чем больше ребят в активе, тем лучше. Только надо, чтобы активисты были в самом деле активные.

СПРАШИВАЙ, НЕ БОЙСЯ

ВОПРОС. Нужен ли отрядный дневник? Старшая вожатая говорит: обязательно!

ОТВЕТ. Пионеры сами решают, нужен дневник их отряду или нет. Дневник, который пишут по требованию, во всяком случае, не нужен!

ПРИЕМ ПОСЛОВ

Что-то скучно на политинформациях. Сделаем так: назначим своих пионерских полномочных представителей в несколько стран мира. Например, на Кубу, в Польскую Народную Республику, в США, в Индию, во Францию. Каждый посол, как ему и положено, должен изучать жизнь той страны, куда он получил «назначение», ее нравы и обычаи, ее политику.

В один прекрасный день состоится торжественный прием у наших послов. Каждый из них расскажет о своей стране.

ОТКРЫВАЕМ «СТОЛ НАХОДОК»

«Стол находок» работает без перерывов и выходных дней.

В «столе находок» собираются не забытые в травмах зонтики и галоши, а рассказы о делах, которых пока еще не было,— идеи сборов, маршруты походов, планы игр— словом, все самое интересное.

Такой «стол находок» можно открыть в дружине.

ТОЛЬКО НАШЕ

У всех отрядов одинаковые форма, флажок, приветствие. Это хорошо: все пионеры— члены одной детской коммунистической организации. Но хорошо, когда у отряда есть и свои отличия.

Своя песня.

Свой девиз.

Свой тайный знак.

Как запоет отряд «Веселого барабанщика», все знают: идет четвертый отряд!

«ПИОНЕР» СПЕШИТ НА ПОМОЩЬ

Горнист спрашивает: как обращаться с горном?

Отрядная редколлегия: как оформить стенгазету?

Член совета дружины: как организовать соревнование отрядов?

Возьмите в библиотеке журнал «Пионер»

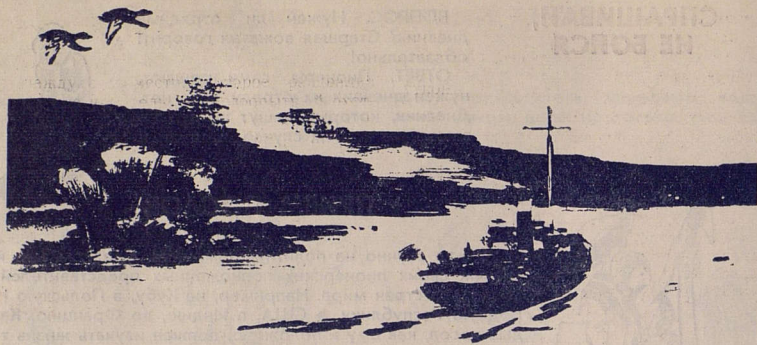
№№ 5, 6, 7 за 1961 год— в них есть все для горнистов и барабанщиков,

№№ 3, 4, 10, 11 и 12 за 1960 год— все для редакторов и оформителей стенных газет.

№№ 11, 12 за 1962 год— о соревновании отрядов.

№ 9 за 1961 год— о работе с октябрятами.

*Внимание! В следующем номере «Пионера»:
как работать в зонах пионерского действия.*

Просто-напросто

Олег ТИХОМИРОВ

Маленькая повесть

Рисунки Д. Пяткина.

Возвращаясь с утиной охоты, многие любят говорить, что теперь, мол, не то, теперь утки осталось мало, а вот раньше... И далее идут воспоминания о том, как много уток было когда-то, а непросвещенному слушателю остается только делать широкие глаза и сочувственно говорить: «Да, брат, это верно».

Такое сопоставление — раньше и теперь — охотнику выгодно. Во-первых, это объясняет, почему у него с уткой не густо, а во-вторых, на него уже смотрят как на бывалого, повидавшего всякие виды и знавшего лучшие времена. Вот послушаешь эти рассуждения и станешь думать, что утку всю перебили и утиных мест не осталось вовсе.

А между тем место, которое расхвалил Румневу его приятель — многоопытный охотник — и куда теперь Румнев ехал, было действительно утиным.

Дни стояли солнечные и для начала октября в Новгородской области на редкость теплые. Виктор Румнев сидел на палубе небольшого катера и разглядывал медленно проплывающие берега. У его ног лежали туго набитый рюкзак и чехол с ружьем. Румнев вез около сотни патронов, пять надувных резиновых уток, которых на охотничьем языке зовут «чучелами», и казалось, все было бы в порядке, если не считать того, что охотиться «по утке» ехал он впервые. Да и вообще охотой он стал заниматься недавно. И да-

же высокие резиновые сапоги, в которые он был обут, принадлежали приятелю. А купить себе такие Румнев как-то еще не успел.

Было очень тихо. Низкое осеннее солнце золотило желтый лист ивовых кустов, которыми заросли берега, а протянувшаяся речная гладь безукоризненно отражала все, как черное толстое стекло. Казалось, кругом все замерло, все погрузилось в сон, и только приглушенный стук двигателя тщетно пытался растормошить уснувшее речное царство.

После московского шума и суеты, после тесного вагона Румнева пьянили этот простор и тишина, и какие-то радостные предчувствия будоражили его и волновали.

К нему подсел парень в сдвинутой набекрень ушанке и промасленном ватнике.

— Здравствуйте! — сказал парень. — За уткой?

— За уткой. Во Взадово еду.

— В онешный год ее много. Только брать, говорят, трудно: вода большая. — Он помолчал, поправил ушанку и спросил: — Закурить не будет?

Они закурили.

— С Ленинграда? — спросил парень.

— Да нет. Из Москвы.

Сосед Румнева кивнул головой и затаился. Его красное, обветренное лицо было как-то зимним, словно на него только что дохнуло морозцем.

— А сапоги-то хороши, — сказал он. — Сколько отдали за них?

Румнев не стал объяснять, что сапоги не его, а просто ответил, что не помнит, сколько они стоят, и поспешил перевести разговор на утную тему.

— Пролет начался. Наверное, уже северные появились — чернеть, гоголь? — заинтересовался он, вспомнив предположения приятеля.

— Да я ж не охотник, — улыбнулся краснотлицый. — Толку в них не знаю. Вон летит, — он посмотрел в сторону, — а кто они есть? Черт их разберет.

От неожиданности Румнев чуть было не схватился за чехол, но вовремя успел увидеть три маленькие черные точки, которые быстро удалялись от катера.

— Это верно, что утки? — спросил он, стараясь быть спокойным.

— Они самые. — Парень даже удивился. — А кто ж еще?

Теперь время от времени Румнев сам замечал уток и поспешно толкал своего соседа: «Вон идут! Смотрите ж!», — но тот смотрел на них с таким равнодушием, что Румнева брала досада.

По левую и по правую сторону все тянулись бесчисленные острова и притоки, а река стала шире.

— На Ловать вышли, — сказал парень.

Румнев молча кивнул.

Солнце опускалось все ниже и ниже, густило понемногу, и от телеграфных столбов, скирд и одиноких деревьев на берегу поползли длинные, холодные тени.

2

Во Взвядово приехали через два часа. Потемневшие избы лепились к пристани. Поодаль, справа от нее, виднелся небольшой рыбозавод. Все местные или работали на нем, или ловили для него рыбу.

Сойдя на берег, Румнев вынул из кармана записную книжку и стал перечитывать адрес, по которому он должен был остановиться.

— Здравствуйте! А вы, может, к нам приехали? — услышал вдруг Румнев и увидел перед собой мальчика лет тринадцати-четырнадцати.

Он был светлоголов, а прядка волос у крутого лба совсем выгорела. В серых глазах его светилось любопытство. Он смотрел доверчиво и слегка улыбался.

«Как это хорошо — здороваться с незнакомыми!» — подумал Румнев и сказал:

— Здравствуйте! Мне Темяниковы нужны. Знаешь таких?.. Ивана Петровича?

Мальчик заулыбался шире.

— Значит, к нам. А меня Венькой зовут. — И он поспешно пояснил, словно боясь, что его могут не знать: — Ну, Вениамином...

— А-а-а! — протянул Румнев, вспомнив, что приятель как-то упоминал про хозяйского мальчика.

По дороге Венька оживленно говорил:

— Дядя Миша нам письмо прислал и велел вас встретить. А я сразу подумал, что вы к нам.

— Это почему?

— Да так. Просто-напросто увидел и подумал. Вон он, дом наш.

— А Иван Петрович, это кто же — отец твой будет?

— Это дед мой, — сказал Венька и весело добавил: — Сердитый.

— Чего так?

— Понятно чего. Чтоб боялись.

— И ты боишься?

— А уж! — неопределенно ответил Венька и хлестнул себя прутиком по сапогу.

Венькин дед, Иван Петрович, был небольшого роста старик с колочим и неприветливым взглядом. Он здесь родился, чуть ли не с детских лет начал здесь рыbachить и другой жизни, кроме как во Взаводове, не представлял и не хотел.

Усов и бороды он не носил, но брился редко и всегда ходил заросший рыжеватой щетиной, которая напоминала высохшую ломкую траву в позднюю осень. Все его четыре дочери давно поразъехались, повыходили замуж, а он все жил по-прежнему: ловил рыбу, ругался с приемщиками да иногда, подвыпив, бранил старуху.

Дни шли за днями, и все они походили один на другой, все были наполнены мелкими, привычными хлопотами. Но все чаще стало казаться Ивану Петровичу, что тихой и спокойной жизни в его доме приходит конец. И виной этому был Венька.

Родители Веньки жили в Ленинграде, а он ехал туда не хотел. Уезжал иногда к ним в каникулы, да и то ненадолго. Как-то пробыв там год — жил на седьмом этаже, учился в ленинградской школе. Но зимними вьюжными ночами снились Веньке взаводовские места: широкие реки, заболоченные зеленые острова, рыбацкие снасти — мерёжи, растянутые на шестах для просушки; и еще видел он дедов челн — тонкий и легкий, словно ореховая скорлупа. Когда Венька вернулся к деду, тот не знал, хорошо ли это. У Веньки жизнь впереди. Можно выбрать что и поинтересней. «Ладно, — рассуждал Иван Петрович, — поживем — посмотрим. Может, добрых булок захочет — сам в город попросится». Порой дед радовался, глядя, как наловчился Венька шить мерёжи, смолить их или делать к ним обручи. «Хозяин растет. Мне замена будет», — думал Иван Петрович.

Но прошло два-три года, и Венька стал меняться. Не всегда слушал деда, перечил, поступал по-своему.

Первая крупная ссора случилась вроде бы по пустяку, а все же запомнилась она Ивану

Петровичу крепко. Венька тогда сидел и ел хлеб с молоком. В избу зашел соседский Колька — его сверстник. Иван Петрович не любил соседей, но на Кольку, как на мальчика, внимания не обращал. Пусть дружатся, думал, чего там. Венька встал, налил еще стакан молока, подошел к шкафу, что-то поинкал, а потом спросил: «Куда нож делся, не знаешь, дед?» — «На что тебе?» — «Хлеба отрезать». Иван Петрович взглянул на Кольку, на его большую отцовскую шапку и вдруг сказал мягко, но уверенно: «Да он поевши». Тогда внук отломил кусок хлеба, положил его сверху на станан и протянул Кольке: «Бери». Иван Петрович медленно подошел к столу и произнес: «Положь». Затем он поглядел на дверь, на соседнего мальчика, и тот вышел. «Хозяин здесь я. Понял?» — И он тяжело опустил ладонь на стол, будто навеки припечатывая сказанное. «Хлеба пожалел просто-напросто», — буркнул Венька и тут же получил такую затрещину по уху, что отлетел к скамейке.

Потом они помирились, но нет-нет, а Венька опять выкидывал что-нибудь такое, отчего в груди у Ивана Петровича все переворачивалось и вскипало. «Ну как черт в его влез, — говорил он в сердцах старухе. — Нет, не наш он есть. Нет... Не темяниковский».

И все же они продолжали любить друг друга, хотя к добрым чувствам теперь примешивались порой настороженность и обида. Боялся ли Венька деда, он и сам не знал. Поэтому на вопрос Румнева он и произнес короткое «А уж!», произнес просто так, чтобы что-то ответить.

3

Неширокая улица тянулась вдоль берега. Она поросла травой, и было видно, что ездили тут очень редко. По обе стороны возле домов и оград из выгоревших от солнца жердей вились гладкие тропинки.

Бескрайняя тишина поглотила все вокруг. Ветра по-прежнему не было, и два встретившихся дерева, которые сбросили почти всю листву и стали от этого молчаливыми и строгими, напоминали больших, недвижно стоящих часовых. Где-то далеко позади раздался скрип колодезного ворота. Затем булькнула и плеснула вода. Затем опять закрипел ворот — только уже устало и натруженно.

Дом Темяниковых ничем особенно не выделялся, разве что резные окна были окрашены в ярко-зеленый цвет. Перед окнами

теснилось несколько голых кустов сирени. От небольшого чистого дворика изгородью отделился огород, в котором еще не убрана была только свекла. Задворье выходило к Ловати.

Иван Петрович встретил Румнева, как встречал всех охотников, — в меру гостеприимно, в меру услужливо. Охотники всегда навозили с собой всякой провизии, угощали хозяина водкой, а уезжая, расплачивались с ним за постой, дарили порох, дробь, гильзы.

Войдя в комнату, Румнев осмотрелся. Слева, возле окна, стояли скамейки и высокий фикус в крашеном голубом чугунке, вдоль стены — еще одна скамейка, в углу — шкаф. Напротив, у другой стены, примостилась печка-плита, а справа почти во всю стену белела большая русская печь. В углу под иконой чуть светилась лампадка, рядом же на небольшой полке стоял приемник «Родина» очень давнего выпуска. Из второй комнаты виднелся комод да выглядывали синие спинки двух кроватей с блестящими шарнирами по краям.

Откуда-то вышел огромный рыжий кот, на секунду замер, настороженно сверкнул на нового человека зелеными глазами.

— Живем как есть, — сказал, наблюдая за Румневым, Иван Петрович. — Может, что не так, что не понравится — извините.

— Ну что вы! — отвечал Румнев. — Я поохотиться приехал. Больше мне ничего не нужно.

— Надолго? — поинтересовался Иван Петрович.

— На недельку. А там посмотрю.

— Дело хозяйское.

Иван Петрович почесал за ухом прыгнувшего на скамейку кота и вышел в сенцы. «Мужик он неплохой, — вспомнил вдруг Румнев слова приятеля, — да приbedняться любит».

— Это Митрий наш, — сказал Венька про кота. — Ужас до чего понимающий... Академик! Дедов мотор разячает. Как услышит — стучит, скорей на берег деда встречать... Ни разу не ошибся. — И он дернул головой, улыбнувшись. — Интекуресно!

— Как, как?

— Интекуресно, — расплылся в улыбке Венька.

Это слово он привез из Ленинграда, и оно ему очень нравилось.

За ужином Иван Петрович и Румнев немного выпили ради знакомства.

— Хороша! — говорил повеселевший Иван Петрович, рассматривая бутылку

«Старки». — А к нам все портвейн завозят. Простая беляя-то не всегда бывает.

— А тебе уж больно спонадилось, — вставила старуха, зевнув. — Что б ее, проклятой, век не было.

Иван Петрович серdito покосился на старуху, и она умолкла, засуетилась возле кастрюли с рыбой.

— Ну, хозяйствуйте, — сказал он Румневу, кивнув на бутылку.

— Так вы ж хозяин, — возразил Румнев.

— Теперь чья пол-литра, тот и хозяин. Румнев налил ему.

— А себе, Виктор Сергеевич?

— А я больше не хочу.

— А чего же?

Опять заговорила старуха:

— Чаво, чаво... Может, Виктор Сергеевич ее не уважают.

— Зато дед наш уважает, — сказал Венька, отломил корку хлеба, понюхал, поморщился и помотал головой точь-в-точь, как Иван Петрович.

— Что, сдурел? — впился колючими глазами дед в Веньку, но кругом все смеялись, и тогда Иван Петрович, ухмыльнувшись, добавил: — Артист... Кабы не досталось тебе, Вениамин.

Румнев взглянул на приемник и предложил:

— Может, последние известия послушаем?

— А он испортившись, — ответила старуха.

Постучав по корпусу пальцем, Румнев спросил:

— Батарейный?

— Был батарейный, — не сразу отозвался Иван Петрович. — Потом на сеть переделали. Неделю поговорил — и все тут.

Румнев сказал:

— Завтра посмотрим.

— Понимаете? — оживился Иван Петрович.

— Вроде понимаю.

— Инженер, небось?

Румнев кивнул.

Затем разговор зашел об охоте. Румнев узнал, что из-за дождливого лета везде высоко поднялась вода. Она залила многие болота, затопила кое-где низенькие острова. Ивовые кусты торчат теперь прямо из воды, и добраться к ним можно только на лодке. Куст нужно выбирать побольше, чтобы лодка вошла в него целиком. А утки много, только в такие безветренные дни к ней не подступиться. Издалека слышит. Поэтому и

бить ее удобно влет с запрятанной в кустах лодки. А то, может, какая утка и к «болванам» сядет.

— К болванам? — удивился Румнев.

Иван Петрович пояснил:

— Это, по-вашему, чужелю будут.

— У вас есть? — живо спросил Венька.

— Прихватил.

— А билет охотничий не забыли?

Румнев вместо ответа постучал себя по нагрудному карману.

— Хотите, я с вами на зорьку завтра поеду? Я на Зимняке такие места знаю! — И Венька прицелился языком.

— Охотник, значит?

— Ходит помаленьку, — коротко ответил за внука Иван Петрович.

Но в том, как были сказаны эти два слова, Румнев почувствовал и одобрение и какую-то скрытую гордость.

— На Зимняке с прошлого воскресенья никто не охотился, — проговорил Венька.

Румнев спросил:

— А ты откуда знаешь?

— Услышал бы просто-напросто. Когда ветру нет, хорошо слышно.

— А Зимняк далеко?

— На той стороне. Ловать переплыть, и Зимняк начнется. Далеко уходит. А напротив нас остров Передний будет. — Он вдруг встал. — Идемте, с крыльца покажу.

Остров они не увидели. Было совсем темно. Дальний берег реки пропадал в черной бездне, и веяло от нее холодом и неизвестностью. «При луне здесь, должно быть, красиво, — подумал Румнев. — Столько воды». Он закурил. Где-то закричали гуси. Сначала два или три, а затем уже много голосов слились в беспокойный, надрывный гот.

— Это колхозные, — сказал Венька. — На Зимняке жируют. Слышите, испугались чего-то.

Гуси стихли, и вдруг раздался выстрел, не ружейный — громкий и раскатистый, а какой-то хилый, приглушенный выстрел. Опять закричали гуси, и тут же снова щелкнул выстрел — коротко и боязливо.

Венька постоял, послушал, а затем, не сказав ни слова, быстро шмыгнул в дом. Румнев докурил папироску и зябко поежился.

Когда он вошел в комнату, Венька чуть не сбил его с ног.

— Вы ведь слышали, Виктор Сергеевич? — говорил он возбужденно. — Вы ведь тоже слышали, правда?

— Время поздняя. Спать ложись, — подтолкнула Веньку старуха. — Не твоя об том работа.

— Ты о чем спрашиваешь? — Румнев присел на скамейку.

— Выстрелы слышали?

— Слышал.

Венька бросился к деду:

— Вот видишь... Я ж говорю, стреляли... И вчера тоже...

Захмелевший Иван Петрович шатко встал, потянулся.

— Отстань, Венька... Я кому сказал?

— Ехать нужно, — упрямо проговорил Венька.

— Ишь ты-ты! — повернулся Иван Петрович к Румневу, ища сочувствия. — Совсем от рук отбился, — и закричал на Веньку: — Ты мне не указ, понял?... Молод еще своим умом жить.

— Без тебя поеду, — сказал Венька и взял в углу ружье.

— Не вольничай! — Дед раньше Веньки успел подскопыт к двери. — Из дому выгнано.

— Проживу как-нибудь.

Иван Петрович зло бросил:

— На какие медные?

Венька положил ружье, молча полез на печку и обиженно затих.

— Куда это он собрался? — спросил Румнев.

— А, пустое, — отмахнулся Иван Петрович. — Дури в голове много.

Он сел к столу и сокрушенно мотнул головой.

— Каков, а? Думаете, он что про билет выпрашивал? Билета не было б, не пошел с вами никуда. А то еще егерю сказал бы. Егерь тут, Игнат, приезжает. Первый друг стал. — Иван Петрович подцепил вилкой кусок огурца. — Ну ладно, спать будем. На зорьку-то вам в шесть подниматься.

4

Выехали затемно.

Румнев шел вторым. У него была старая большая лодка, на которую Иван Петрович когда-то ставил мотор. В лодке валялась сумка с чучелами да лежало ружье. Впереди на легком, вертлявом челне шел Венька.

Неподвижная черная вода казалась густой, а весла резали ее легко и бесшумно. В темноте река была необъятной, бездонной, словно ночное небо, и поэтому фонарик, который Румнев дал Веньке, то и дело вспыхивал на стоящей путеводной звездой.

Кого из охотников не охватывало чувство радостной тревоги, когда приближаешься к месту, когда вот-вот что-то должно случиться, что-то должно непременно произойти? Конечно, вздрогнет и сладко замет сердце каждого охотника, если после удачного выстрела перелегит через голову и распластается на земле убитый заяц или камнем шлепнется в воду срезанная дробью утка. Но не в том ли чувстве тревожного и радостного ожидания и есть главное удовольствие на охоте?

От работы веслами стало жарко, и Румнев скинул ватник. Предрасветная свежесть приятно охватила спину и грудь.

Неожиданно весло коснулось дна. «Веррег? — подумал Румнев и оглянулся. Фонарик Веньки все так же мелькал впереди. — Значит, просто отмель. Не сесть бы». Потом еще несколько раз попадались отмели. Но вот весла начали загребать в воде какую-то траву, и продвижаться стало труднее. Справа расплывчато темнели кусты. Где-то в той же стороне деловито покрякивали гуси.

Челн остановился, подождал Румнева.

— Зимняк начинается. Только он весь водой залит, — тихо сказал Венька.

Вокруг слышались мягкие воплески.

— Что это? — спросил Румнев.

— Окунь играет.

Двинулись дальше. Теперь уже челн и лодка шли рядом. Венька, стоя, орудовал шестом. Иногда с воды с шальным криком срывались утки. В темноте их не было видно, но они подпускали совсем близко, казалось, шагов на пять.

Еще один раз остановились — у двух больших кустов. Румнев встал в лодке.

— Приехали?

— Да нет. Веток надо нарезать. Срезайте, чтоб длинней были.

Когда добрались до места, темнота начала таять. Все стало понемногу окрашиваться в густо-серые тона. Резче обозначились кусты, которые там и сям выступали над водой.

Венька показал на широкий куст:

— Вы здесь оставайтесь, Виктор Сергеевич, а я малость дальше проеду. — Он оттолкнулся несколько раз шестом и исчез.

Румнев расставил на воде чучелá с привязанными к ним грузиками и вогнал лодку в куст. Сверху он прикрылся заготовленными ветками, взвел курки и стал ждать.

Рассветало быстро. Вскоре уже можно было различать цвета: желтые ивовые кусты, еще по-легкому зеленый камыш, а на воде — розовые круглые листья кувшинок и узкие ленты какой-то болотной травы. Но сколько ни вглядывался Румнев, увидеть чучелá через ветки и листву он никак не мог.

Время от времени он слышал в воздухе прерывистый повист крыльев. Даже несколько раз сквозь листья над головой видел, как быстро промелькнули большие птицы. Но стрелять он не успевал, да и вернуться в лодке было нельзя: мешали плотно уложенные сверху и с боков ветки. Всплески уже не особенно тревожили Румнева. Он понимал, что это «играет окунь».

Три или четыре выстрела сделал Венька. Последний раз дробь, посыпавшая сверху, звонко забубукала по воде недалеко от Румнева. Он крепко сжимал ручьи, и от напряжения его бросало в жар, но дичь та и не появлялась.

Только когда совсем рассвело, Румнев рассмотрел двух своих резиновых уток, в сторону которых делиться было крайне неудобно. Румнев забеспокоился: утки могли подесть к чучелам с минутой на минутой, и он уже хотел было изменить положение, да вспомнил, что Венька советовал сидеть тихо.

Наконец позади посыпавшиеся сильные всплески. Румнев, не дыша, сжался в комоч, но тут закричал Венька:

— Ви-и-иктор Сергеевич!

Румнева вздада досада. Показался челн.

— Ты куда же? — заворчался в кусту Румнев.

Домой, — ответил Венька, — а то в школу опоздаю. — Он оперся о шест и спросил: — Что вы не били, Виктор Сергеевич? Патроны оставили?

— Не садился у меня утки. — А делало-то над вами... ух ты! — Венька причмокнул. — Я сам видел. И на посадку шел. Я бы...

— Ты бы... ты бы... — рассердился Румнев. — говори, не садился!

— А болтавы где? — Венька оглянулся по сторонам и свистнул.

— Далеко?

— А то нет, — сказал Венька. — Вот бы куда. — Он показал на открытую, свободную от водорослей площадку воды метрах в шести от куста.

— Так близко? — удивился Румнев.

— Утки-то сядут дальше. Вот и будет в самый раз.

— А укрывся я хорошо? — спросил Румнев с надеждой на похвалу.

— Вас-то не видеть, — неторопливо проговорил Венька, — а лодка приметная. Цельный нос выступает. — Он помолчал. — А стоя стрелять ловчей. Я стою всегда... Ну, поедем?

— Ты-то хоть что подстрелил?

— Двух взял. — Венька кивнул вниз на челн.

Румневу не хотелось уезжать, но Венька сказал, что больше уток не будет.

— Днем они в кустах таятся, — пояснил он. — А на вечеру опять сюда приедем.

Обратно продвигались быстрее. Румнев все же отстал от Веньки: очень много всплывшей травы было на воде. Весла увязали. А Венька шел легко. Он привычно погружал шест в воду и отталкивался. Это походило на движение большого маятника.

Вот и Ловать. Теперь в ней отсвечивало утреннее небо, и вода поэтому была голубой и воздушной.

Через просвет между двумя стогами на острове Переднем выглянуло хозымянное вымателное око пробудившееся солнце. Так закончилась для Румнева первая зорька.

5

Ивана Петровича в доме уже не застали. Он уехал на озеро Ийропидное: увез для бригады хлеб, картошку, масло и сахар.

В комнатах было тепло, пахло жареным луком.

Наевшийся рыжик нот лежал на скамейке и лишь слегка притотирывал один глаз.

Венька, позавтракав вместе с Румневым, убежал в школу.

Румнев снял с полки приемник и поставил его к окну, поближе к свету.

— Хозяин надолго уехал? — спросил он.

— На три дня уехали, — сказала старуха. — А рыбы будет мало, и то дольше останется.

— Бригада у него большая?

— Четверо их.

— А живут где? — Румнев вынул крышку приемника.

— Тама шалашка есть.

В приемнике все было покрыто густым слоем пыли, как на заброшенном чердачном хламе.

Румнев вынес приемник во двор, смахнул и выколотила всю пыль.

На крыльцо вышла старуха.

— Сами, что ль, пробовали чинить? — спросил Румнев, вслягнув на перепуганные, обранные провода и на вставленные как попало лампы.

— Зачем же? Специалист чинил. Студю звали. Все как положено смотрел.

— Кого звали?

— Студю. На пилораме работает.

— На пилораме? — улыбнулся Румнев.

— Ну да. Не то механиком, не то монтером. Да он все может, Студя-то, — важно заявила старуха. — Способностей бог дал. Только что водку жрать горазд. А на гармонии играет — одна наслаждения.

Василий Студенкин, о котором рассказывала старуха, или попросту Студя, как все звали его в селе, появился во Взадове с весны. Колхоз купил пилораму, а работника к ней долго не могли найти. Наконец прибыл Студенкин. Это был парень среднего роста, со встрепанными, слегка рыжеватыми кудря-

ми и пугливым носом. Он и голову поворачивал рывками, как петух, и казалось, что вот-вот должен быть кого-нибудь клонуть.

Работой он себя не утруждал, все говорил, что мотор перевернется, требовал запчасты. Когда же запчасты достали, Студя расшумелся, что ему вовсе не это нужно, а таких железок он и сам наделает может сколько угодно. Пилорамы действовала все хуже и хуже. «Что сидишь? Нам доски нужны», — наседали на Студю. Он не спеша докуривал папиросу и отвечал: «Успеешь, дай мотору остыть». — а вспомнил, что год учился в техникуме, снисходительно добавлял: — Мотор, небось, не лошады». Студю не раз вызывали в правление, стидили, грозилась выгнать. Но он хитро дергал пугливиной головой и кричал: «А мотор новый дадите? То-то!» Напившись, Студя хорохорился по-другому: «А что мне работа? Ха! Меня гармонь прокрывает. Я одиннадцатый валтос знаю и польку «Карусель». За мной отовсюдова людей шлют. Потому как культурной свадьбы без меня не сыграешь».

Нередко делал Студя в рабочее время зажималки для продажи. А еще был у него фотоаппарат, и за умеренную плату Студя изготавлял карточки. Иногда в углу карточек красовались изображения двух голубков, подковы с ключами или сердца со стрелой. За эту работу Студя брал больше.

Насылавшись о таких «способностях», старуха Темянинова как-то пригласила Студю починить приемник. «Трещит только, а разговорно не слышать!» Студя не отказался — а вдруг заговорит! Но, несмотря на целый час работы, приемник умолк окончательно. «Вся индукция вышла», — развел руками «специалист». «Чаво?» — прошенала старуха «Индукция, говорю, мамаша, вышла, — важно повторил Студя. — Ничего не попишешь: закон Ома. Что же сразу не знаешь?» Старуха виновато молчала.

Теперь она с беспомощным гледилом, как Румнев вынимал лампы, и спрашивала:

— Может, пособить, Виктор Сергеевич?

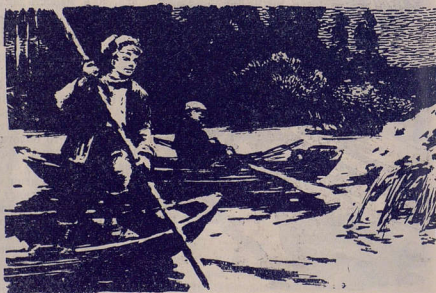
— Я уж сам как-нибудь. Спасибо, — говорил Румнев.

Но она все не уходила, все топталась на месте.

— А эту... ну... ну... индукцию, — решила она, — тоже справите? — и недоверчиво прищурилась.

— А как же! — улыбнулся Румнев.

Когда он гудко оторвал какой-то красивый проводок, старуха ойкнула и несколько раз переступила с ноги на ногу.

— Паяльничка не найдется? — Румнев отматывал еще один проводок.

— Кажись, нету, — растерялась старуха.

— Что ж, тогда Веньку подождем. Разыщет где-нибудь. — И Румнев унес приемник в комнату.

А пока Венька был в школе, он решил поехать по Зимняку с шестом.

Солнце уже поднялось высоко, но пригрело по-осеннему, скупо. Вода в Ловати была прозрачной и желтой, словно крепкий чай. Долго тянулось мелководье, а потом дно как бы сразу проваливалось. На конце шеста расширился лопаткой, и поэтому на глубоких местах им без труда можно было пользоваться как веслом.

У Зимняка Румнев угодил в густые травяные заросли, в которых челн основательно застрял. Сколько он ни отталкивался шестом, вперед челн не продвигался, а лишь разворачивался то в одну, то в другую сторону. Румнев отвернул высокие голенища резиновых сапог и шагнул в воду. Метров двадцать пришлось тащить челн за собой на цепи. «Вот бы ночью такое случилось!» — нерадостно подумал Румнев, и тут из-под куста с шумом выскочила серая птица и пошла, пошла бить по воде крыльями, быстро удаляясь, но не взлетая, будто кто держал ее за ноги. Затем она все же оторвалась от воды и улетела.

Забравшись в челн, Румнев взвел курки, осмотрелся. Его окружало полное безмолвие. Как театральные декорации, не шевельнув ни единым листиком, стояли желтые кусты. «Здесь никого нет. Все живое давно покинуло нас. Здесь только мы одни», — внушали они молчаливо. Но, побродив по Зимняку на челне, Румнев убедился, что утка есть и что ее немало, да только на выстрел она не подпускает.

Он вернулся домой, и Венька, выслушав его, заметил:

— Кабы ветер был.

А про серую птицу, которая долго шлепала крыльями по воде, он сказал, что это просто-напросто лысуха, птица вполне «охотничья».

Потом Венька сбежал куда-то за паяльником и стал внимательно смотреть, как Румнев зачищал провода и соединял их блестящими каплями олова.

— Умеешь? — спросил Румнев.

— Я-то? — И Венька покачал головой. — Не пробовал.

Румнев протянул ему паяльник и объяснил, как смазывать канифолью и наплавлять

олово. Венька припаял провод к маленькой зеленой катушке и обрадовался:

— Интекуресно!

Румнев вдруг отложил в сторону радиолампу и спросил:

— Постой, как твое имя?

— Так вы же знаете, — удивился Венька.

— Нет, ты мне скажи.

— Ну, Венька.

— А полностью?

— Ну, Вениамин.

Румнев усмехнулся.

— А я тебя буду Веникамином звать. Идет?

Венька растерялся: Румнев вроде разговаривал с ним серьезно.

— Это зачем, Виктор Сергеевич?

— Разве не хочешь?

— Не-е-т.

— А интекуресно?

— Так это — другое дело... — начал понимать Венька.

— Это то же самое, — отрезал Румнев.

Разговор показался Веньке странным, но запомнился. «Вениамин... Ишь ты! Придумал же...»

А через полчаса из приемника донеслось: — «Кто мо-о-о-жет сравниться с Матильдой моей...».

— Ура-а! — закричал Венька, да так громко, что спящий на скамейке Митрий всочился, выгнув спину, ошалело вытаращил глаза.

6

Вечерка. Это почти такая же охота, как и на зорьке: стоишь, запрятавшись, с ружьем и поджидаешь уток.

Да только утки-то — народ неглупый, понимают, что к чему. На зорьке с каждой минутой становится светлей, тут бы и бить утку, а она уже не летит. На вечерке, напротив, пока светло, — утки нет. Начнет темнеть — появится и утка. А как совсем темнота сгустится, только и слышишь, как посвистывают крыльями со всех сторон пролетающие утки, а поди ж ты усмотри их.

Венька уже несколько раз палил из своего куста. И Румнев видел, как вначале распычатая вспышка пронизывала мутно-серую даль, а потом до него докатывался удар выстрела.

Румневу не везло. Он вертел головой, поворачивался и один раз так оступился, что чуть не упал в воду, но уток он замечал тогда, когда стрелять по ним уже было бесполезно. Напряженно вглядываться в вечернее

небо он уставал. Тогда он невольно отвлекался — смотрел на меркнувшую полоску багрового заката, поправлял кепку, закуривал, и, как нарочно, в этот момент возле него пролетали утки.

А темнота между тем все надвигалась и надвигалась. Раздосадованный Румнев плюнул и стал палить чуть ли не по всем уткам, которых видел, далеко ли, близко ли они были.

Подплыл Венька

— Ну как, Виктор Сергеевич?

— Да плохо, Венька. Что-то не попадаю.

— Так уж темно, — попробовал утешить Венька. — Я вон не нашел одну.

— А сколько нашел?

— Две есть, — небрежно ответил Венька.

— Вот видишь!

— Так чирок к болванам сел, еще светло было, — как бы оправдываясь, сказал Венька. — А криковая чуть по стволам крыльями не задела. Такую б каждый дурак сбил...

— Ну ладно, ладно, — заговорил Румнев, собирая в лодку чучелá. — Поехали?

Венька что-то все медлил.

— Виктор Сергеевич...

— Ну что?

— Виктор Сергеевич, а тут картошки вагеной прихватил, хлеба... Может, поедим, а?

— Проголодался?

— Ага.

— Скоро ведь дома будем.

— Чуф, чуф, чуф, чуф, — посвистывали крыльями скрытые темнотой утки.

— Виктор Сергеевич, я вам секрет хочу рассказать... Только вы смеяться не будете?

— Смешной, что ли, секрет? — улыбнулся Румнев.

— Да нет, я же с вами по-серьезному говорю.

Румнев уселся в своей лодке, закурил.

— Ну, если по-серьезному, давай рассказывай.

— Помните, — начал Венька, — мы вчера с вами выстрелы слышали? Еще гуси кричали, помните?

— Помню.

— Это уж который раз. — Венька заговорил тише: — Кто-то бьет их, гусей-то.

Румнев затаился. Палироска осветила его лицо, и Венька, так боявшийся увидеть недоверчивую улыбку на этом лице, успокоился.

— Ты говорил кому? — спросил Румнев.

— Говорил. В правлении говорил. — Венька загорячился. — А что толку?

— Не поверили?

— Посылали два раза Студю и еще кого-то, — недовольно ответил Венька.

— Ну и что?

— Не видели никого. А этот Студя смеется еще. «Привет, — говорит, — знаменитому оперативнику Шерле Хомсе». Так вот и сказал, Шерле Хомсе. А потом был у нас урок труда, и всех на рыбзавод повели. На экскурсию, значит. А там, как возле склада идти, Студя на пилораме работает. Мы с Борькой и Мироновым Сашкой остановились посмотреть, как он доски пилит. А он перестал и нас подзывает. «Кладовщика, — говорит, — Чудина знаете?» — «Знаем». — «Дуйте, — говорит, — скорее к Чудину. У меня, ребята, компрессия кончается. Он вам в банки-то нальет. А ты, Шерла Хомса, папан крепкий — вот водер возьми, дотащишь...»

Румнев засмеялся.

— Ну вот и вы... — протянул было Венька, но не выдержал и тоже захохотал.

— А потом? — отсмеявшись, спросил Румнев. — Как гуси-то?

— Потом я с ребятами раз ездил. — Венька вздохнул. — Только замерзли и опять никого не видели.

— Может, верно, нет никого?

— Сами ж вчера слышали, — обиделся Венька.

С реки донесся стук мотора. «Стучит, как уставшее сердце», — подумал Румнев.

— Ладно, Венька, — сказал он. — Давай покараулим. Говоришь, хлеб есть?

Через минут сорок они подобрались к тому месту, где обычно жировали гуся. Услышав и увидев лодки, гуси закричали. Их светлая, распыляемая в темноте масса шевельнулась и подалась в сторону.

Венька и Румнев приткнулись к кустам. Стали ждать. Прошло часа два. Съели весь хлеб и картошку. У Румнева осталась последняя папироса.

Никто не появлялся. Лишь темнота дышала легкими ночными звуками. Мерно начала вдруг булькать болотная вода. Нет-нет, всплескивала невидимая рыба. Потом было слышно, как по реке опять глухо простучал мотор, — в село возвращалась запоздалая лодка.

И вдруг тишину тронули далекие, еле различимые переливы гармонии. Мелодия казалась знакомой. Только играли ее по-своему. Неожиданно влетали в нее то протяжные, плачущие звуки, то слишком разудалые перекоры.

Но какими бы ни были эти звуки, они принесли с собой тепло и ощущение дома. Захо-

телось туда, где земля, где свет, где люди. «Что же это играют?» — думал Румнев, а когда понял, весело сказал:

— Хорошо ведь! Правда, Венька?

— Что?

— Да вот так вот сидеть в лодке.

— Ага.

— Старинный вальс играют... «На сопках Маньчжурии» называется.

Румнев закурил последнюю папиросу.

Венька помолчал, а потом заметил:

— Это Студя играет.

— А хоть бы сам черт играл. Лишь бы играл.

— Точно, — согласился Венька. Затем добавил: — Починил, видать.

— Что?

— Студя гармошку-то. Тут, говорят, на свадьбе он ею дрался. Вот и попортили их малость. Студя уж на другой день бегал. Ему хоть бы что: не впервой. А гармошку-то в мастерскую отвозил. Голоса, говорил, сменить надо.

Румнев бросил недокуренную папиросу, и она обиженно зашипела в воде.

Караульщики двинулись к дому.

7

— Виктор Сергеевич, вставайте. На зорьку опоздаем, — будил Венька Румнева.

Наскоро умывшись и перекусив, они вышли из дому.

— Ветер, — заметил Венька. — Это здорово!

— Почему?

— Так по вьетку ходим.

— Я что-то тебя не понял, — сказал Румнев, закрывая за собой калитку.

— Ну по вылетной утке.

Они отправились в одной лодке. Венька сказал, что так будет удобней. Из-за того, что шумит ветер, запрятавшаяся утка подпускает к себе ближе. Она может вылететь почти перед носом, поэтому и называется вылетной. При такой охоте один гребет, стараясь меньше шуметь, а другой стоит с ружьем — зорко поглядывает по сторонам.

Была у Веньки и другая, главная причина, которая-то и заставила его отказаться от челна, а сесть вместе с Румневым в лодку. За прошедшие четыре дня Румнев сбил всего одну утку, да и то близко подсевшую к чучелам. Румнев огорчался, и Веньке было его жаль. Вчера после вечерки он сказал: «Ничего, Виктор Сергеевич, будете уезжать, я вам уток-то набую». Румнев почти сердито ответил: «На что мне твои утки. Я запастись ими не собираюсь. Только вот обидно, что не попадаю. Верно, стрелять стал хуже». Венька улыбнулся: «А раньше попадали?» — «Раньше? По утке не стрелял. А вот на вальдшнепиной тяге неплохо получалось». — «Так вальдшнеп летит тихо. Утка в пять раз быстрее». — «Уж ты скажешь!» — «Ну, не в пять, — согласился Венька, — а все ж таки

много быстрее». После этого разговора Венька решил посмотреть, отчего же так не везло Румневу.

Загнав лодку в куст, они стали ждать расвета.

Венька в этот раз стрелял мало. Зато он увидел, что Румнев, скидывая ружье, не успевал выцеливать птицу, а сразу же торопливо палил. Веньке и самому случилось стрелять на вскидку, то есть почти не целясь. Но для этого нужно умение. Сразу такой стрельбе не научишься.

После Венькиного совета Румнев старался стрелять аккуратнее. Но теперь он больше выбирал тех уток, которые пролетали на отдалении: их было легче выцеливать. Один раз Румнев попал. Утка дернулась и стала неровно падать, как бы цепляясь крылом за воздух.

— Скорей! — крикнул Венька и вытолкнул лодку из укрытия.

— Зачем? Потом подберем, — сказал Румнев, но Венька лишь кивнул ему на весла, а сам стал на носу лодки.

За нешироким рядом кустов слышались всплески. Когда же через минуту туда добрались, утки нигде не было видно.

— Нырнула, — бросил Венька и замер. Потом всплески послышались дальше — у тростникового островка. Но и там никого не обнаружили.

Венька, вдруг резко повернувшись, выстрелил куда-то влево. На рябой поверхности воды закачалась убитая утка.

— Она? — спросил Румнев.

— Она.

— А чего ты хмурый такой? — удивился Румнев, разворачивая лодку.

— А на что вы ее били?

— Как на что?

Венька промолчал, затем наклонился, достал утку.

— Далеко ведь была, — сказал он наконец. — Чего зря патроны жечь?

Румнев пожал плечами:

— Почему зря? Я ж попал.

— Случайно.

— А что тебе-то? Патронов у меня хватит...

— Подранок получается. Вот что, — резко ответил Венька.

«Подранками» охотники зовут подраненную птицу. Без специальной собаки отыскать ее почти невозможно. Она выживает, но с наступлением холодов никуда уже не может улететь.

По дороге домой Венька рассказал Румне-

ву, что к зиме немало подранков скапливается на островах. А когда лед начнет скрывать воду, у подранков остаются лишь маленькие полыньи. Потом которую птицу лиса схватит, а которая сама гибнет. В общем, не выживает ни одна из них.

— Я, знаете, Виктор Сергеевич... Это давно было. Дед еще мне ружья не давал... — Венька раздумывал, говорить или нет. — Так вот, взял я сам ружье и на Передний по льду пошел. Лед уже толстый: начало декабря было. На Переднем я знал полынью с подранками. Все ждал, чтоб она меньше стала. Хотел их шестом побить...

— Шестом?

— Ну да. Так, дурной был, — быстро проговорил Венька и умолк.

— И что?

— Даже вспоминать неохота, Виктор Сергеевич.

— Ну, как хочешь.

— Ладно, я вам скажу. Полынья все большой была. К подранкам-то не подступишься. Вот я и взял ружье... Пришел, значит. Они все на середине. Друг к дружке жмутся. Я как дал из двух стволов, всех и побил... Веревка у меня была, а к ней палка привязана. В палку-то я гвоздей навбивал, чтобы цеплялась. Кину я эту палку в полынью, подхватил утку и тяну к себе. Всех за веревку вытянул. А домой принес — утки-то пустые. Ни кровинки в них. Перо одно да кости. Им жить-то, небось, день-два оставалось.

8

Вот и пролетела для Румнева охотничья неделя — отгорела тревожными закатами, отплескалась задумчивой водой.

А сейчас он возвращался с Венькой с последней вечерки. Охотились на острове Большом. Это дальний остров. Его не увидишь, если даже заберешься на высокую колокольню разбитой во время войны церкви. Долго будет тянуться Передний, за ним пойдет Средний, а там уже лежит и остров Большой.

Оба охотника возвращались довольные: одна утка была у Румнева в лодке и две у Веньки в челне (Румнев вообще заметил, что Венька больше двух, ну трех уток никогда не бил).

— Значит, уезжаете завтра, Виктор Сергеевич?

— Уезжаю, Венька.

Ветер дул им навстречу, но они гребли легко и спокойно: спешить было некуда.

— А, может, останетесь... денька на три?

— Нет, Венька. Сегодня в Москву дозвонился. Надо ехать.

Проплыли мимо Среднего с красным сигналом на столбе. Потом слева затемнел незаметно приблизившийся Зимняк. Разбуженный ветром, он шумел, но все же это теперь был знакомый, какой-то свой, приветливый Зимняк.

Давно не было дождей, и вода с каждым днем стала убывать. На Зимняке все выше поднимались кусты ивы, а во многих местах гладкая поверхность воды покрывалась травяной щетинкой и пушистыми елочками хвоща.

— Виктор Сергеевич, — позвал Венька.

— Что?

— А давайте на Зимняк съездим. Посидим малость. Ну напоследок, Виктор Сергеевич.

Румнев подумал и согласился.

Они запрятались в кустах по разные стороны от гусей, которые держались возле травяных зарослей и мелкого тростника.

Ветер беспрепятственно трепал кусты, и однообразный шум их наводил сон. Но было слишком свежо, и к тому же Румневу очень хотелось курить, а папиросы кончились у него еще на вечерке.

Просидев часа полтора, Румнев уже было собрался ехать к Веньке, но тут ему показалось, что впереди между кустами мелькнул челн. «Ко мне плывет», — подумал Румнев и стал ждать.

Громко закричали из темноты всполошенные гуси. Хлопнул легкий выстрел. По кустам хрустнула и коротко прожужжала шмелем рикошетная пуля. «Мелкокалиберная винтовка», — догадался Румнев (он иногда стрелял из такой в спортивном тире) и вывел лодку. С промежутками последовало опять несколько хлипких выстрелов. Румнев взвел курки и налег на весла. Гусиный крик стал отодвигаться куда-то вправо, к реке.

А Венька тем временем слепил со своей стороны. Еще из куста он видел, как лодка приблизилась к гусям. Потом кто-то с нее выстрелил — промахнулся. Гуси быстро уходили в тростник. Человек на лодке вскочил и бил уже стоя. Венька оттолкнулся шестом. Беспумно, как тень, заскользил челн. Чело-

век слез с лодки и по мелкой воде пошел доставать подстреленных гусей. Он взял их за лапки — двух в одну руку, третьего — в другую — и повернул назад. До своей лодки он не дошел. Из нее вдруг приподнялся Венька с ружьем.

Вор вздрогнул, из рук плюхнулись гуси.

— Я... я... — Он глядел на наведенные стволы и больше не мог произнести ни слова.

В этом задыхающемся, стоящем по колено в воде человеке Венька узнал Студю. —

— Иди, иди сюда, — сказал он, не опуская ружья.

— Венька!.. Ты?! — обрадовался Студя и сделал несколько шагов.

— Гусей подбери.

— Ясное дело... Как же... Как же... Как же... — заговорил Студя. На его петушином лице появилась угодливая улыбка. — Забирай их к лещему. А я вот...

— В колхозе расскажешь, — буркнул Венька.

Улыбка с лица Студя моментально исчезла, глаза заметались.

Венька переступил в лодке. Мелкокалиберная винтовка звякнула под ногами.

— Слушай ты... ты все бери... мелкашку бери. Хорошая мелкашка-то... — заторопился Студя. Гуси в руках его затряслись.

— Клади гусей! — приказал Венька.

Студя опустил в лодку одного гуся, второго и вдруг с силой дернул за борт. Неловко всплеснув руками, Венька шмякнулся в воду. Только выстрел ахнул в ночное небо, да испуганно вновь загоготали гуси. В один миг Студя схватил весло и, когда над водой показалась Венькина голова без шапки, размахнувшись, зашипел:

— У-у-у, гаденыш! Зашибу, как собаку. Попутать хотел... Шерла Хомса...

— Стой!

От резкого окрика Студя сжался, втянул голову в плечи.

Подъехал Румнев.

— Кто ты? — спросил он.

Студя молчал.

— А ну, отвечай! — крикнул Румнев.

— Студёнкин я.

Венька отыскивал в воде ружье.

— Да вы про него слышали, Виктор Сергеевич. Он и есть Студя-то.

— Помню, — произнес Румнев. — Личность видная.

Студя тогда приободрился и сказал:

— А я-то вас тоже знаю. С Москвы инженер будете. — Он даже закурил. — У Темяниковых в гостях остановились. Культурного человека за версту видать. Я ведь, какое дело, я ведь тоже...

— Нашел, — облегченно проговорил Венька, вытаскивая из воды ружье.

— Привяжи эту лодку к моей, — сказал Румнев.

Видя, что никто его не слушает, Студя заныл:

— Сладили... да? Сладили...

— Садись за весла, — подтолкнул его Румнев. — Ну!

— С большим человеком сладили, — твердил Студя. — У меня справка есть. Вот узнаете...

У Студя действительно была справка. Он привез ее из города вместе с починенной гармошкой. Вскоре он стал просить, чтобы его перевели в сторожа, и совал всем сложенную вчетверю бумажку. Содержание ее было таким: «Настоящая справка дана Студёнкину В. Н. в том, что по состоянию здоровья ему противопоказаны шумные, грязные и шибко утомительные работы. Гр-ну Студёнкину рекомендуется работа спокойная и полезная колхозному обществу». Ниже под словами «Лечащий доктор» шел ряд корявых подписей, а в самом конце бумажки стояла какая-то бледная не то овальная, не то круглая печать.

На следующий день Румневу не удалось уехать. Из города прибыл следователь, и Румнев давал показания. Присутствовал там и Венька.

— А скажи, герой, — спросил его кто-то, — когда на выстрелы плыл, струхнул, небось, а?

— Да плыл просто-напросто, — ответил Венька.

С озера Жироклицкого вернулся Иван Петрович. Узнав от старухи о случившемся, он слегка сдвинул брови, помолчал и произнес наконец:

— Стало быть, делов наделали.

И где-то в душе у него заняла обида на внука, такая знакомая, въедливая обида: опять Венька поступил по-своему, опять ослушался.

Старуха все понимала. Чтобы как-то отогнать от Ивана Петровича невеселые мысли, она сказала:

— Хвалят его, Веньку-то нашего.

Иван Петрович не ответил. Он глядел на Митрия, который мягко терся о его ногу. «Хвалить кого хошь можно, — думал Иван Петрович. — А что им до Веньки?» Он встал, оттолкнул кота и направился к углу, где стояло ружье.

Упругое ружье в сундук, ключ от которого всегда держал при себе, Иван Петрович вышел на крыльцо.

За задворьем шумела Ловать. Черные просмоленные мерёжи висели на подпорках, как огромные цепи. Они раскачивались на ветру и чуть поскрипывали.

Эти мерёжи у реки, эти врезавшиеся в брег лодки и даже чья-то собака, крутившаяся возле них, — все это соединялось в одну, донельзя близкую с давних пор картину.

Иван Петрович отвернулся и стал смотреть в другую сторону. Какие-то ребяташки — он их не знал — шумным косячком шли по безлюдной улице. Один из них что-то рассказывал, а остальные наперебой спрашивали. Когда они приблизились, Иван Петрович услышал их разговор:

— А потом?

— Что потом?.. Потом прямо в правление привели — и все.

— Ребя! А. может, это не наш Венька-то?

— Скажешь! Какой же еще?!

«Дружки Венькины», — подумал Иван Петрович и, проводив их долгим взглядом, вернулся домой. Он потоптался у сундука, поразмышлял, затем быстро нагнулся и отомкнул замок.

И ружье опять оказалось на своем месте — в углу, словно бы его никто даже и не трогал.

9

К восьми утра на пристани сталолюдно. Катер запаздывал, и все волновались.

— Венька, иди в школу, — говорил Румнев.

— Успею.

С Ловати налетали порывы холодного ветра. Над огромными лужами, которые отступающая река оставила на берегу, с криками летали пестрые чибисы.

— Катер идет, слышите? — Венька кивнул куда-то на мыс Переднего.

Румнев надел рюкзак и протянул руку.

— Ну, Венька...

Ветер подхватывал с катера дымок и нес его на пристань.

Венька зачем-то потрогал ногой деревянный настил.

— Приезжайте к нам на тот год, — сказал он.

— Не знаю, Венька, на тот год, может, не получится.

Катер развернулся и почти подошел к пристани. Люди засуетились, подхватили свои вещи, задвигались.

— Ну, приезжайте, как сможете, — через пять лет... Ну через десять.

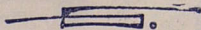
— Что ты! Тебя разве съешь через десять лет. Махнешь куда-нибудь на край света. — Румнев поправил рюкзак на спине.

— А я никуда не денусь, — проговорил Венька. — Я здесь егерем останусь. — Он улыбнулся: — Вашего брата школить буду. Приезжайте, Виктор Сергеевич!

— Приеду, Венька. Обязательно приеду. — И Румнев зашагал по скрипучему трапу.

Катер дал гудок, взбурлил возле себя желтую воду и пошел, чуть покачиваясь на волнах. А на опустевшей пристани стоял Венька и махал рукой.

Где-то над Зимняком взлетели четыре птицы. «Утки, — отметил про себя Румнев. Он проводил их взглядом и улыбнулся. — Просто-напросто утки».

3 ДНЯ В КАРЛИКАНИИ

В. ЛЕВШИН
Рисунки Б. Кыштымова.

Сказка, да не сказка

Трое школьников — Таня, Сева и Олег — отправились в страну Карликианию вместе со своим учителем Александром Ивановичем, который записал все, что с ними там произошло. Приключений было очень много, и рассказ о них получился довольно большим. Мы печатаем главы из сказки, а полностью вы прочитаете ее, когда в Детгизе выйдет книга «Три дня в Карликиании».

Итак, первый день в Карликиании...

АРАБЕЛЛА

Мы вошли в город незамеченными.

Это был необыкновенно красивый город. Центр его занимала большая круглая площадь. От нее лучами расходилось девять прямых, как стрела, улиц. Они так и назывались: «Улица 1», «Улица 2» и так далее до последней, «Улицы 9».

А сама площадь называлась Числовой.

Улицы пересекались множеством переулков и переулочков, так что можно было с одной улицы всегда попасть на другую, не выходя на Числовую площадь. У переулков тоже были свои названия: «Дробные», «Десятичные», «Обыкновенные»... Были даже какие-то «Периодические» — длинные-предлинные, уходившие далеко за город, куда-то на край света. Некоторые переулки заканчивались тупиками. Кроме того, город пересекали широкие проспекты, аллеи...

В центре Числовой площади находилось огромное здание из стекла. На его высокой башне переливалась всеми цветами радуги светящаяся надпись:

СТОЛИЦА КАРЛИКАНИИ АРАБЕЛЛА

Мы бесшумно вышли на «Улицу 8», где стояли совершенно одинаковые восьмизатжные дома. В каждом доме по восьми окон и по восьми дверей. И представьте себе: все дома на этой улице были обозначены одним и тем же номером — 8!

Таня первая нарушила молчание:

— Как же почтальоны доставляют письма, если все дома под одним номером?

Сева открыл рот, чтобы высказать свое предположение, но тут из окна одного дома послышалась тихая песня. Вероятно, ее пела мать, убаюкивая своего малыша.

Спи, мой Нулик, спи, сынок.

Новый день уж недалек:

7 часов и 7 минут

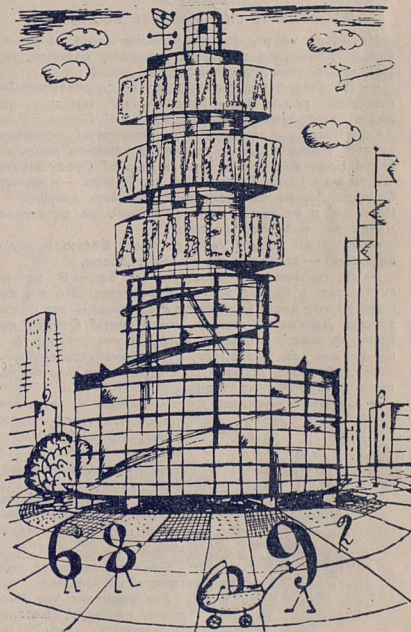
Очень скоро пробегут.

Спят 14 котят,

40 мышек тоже спят,

Даже 100-пудовый слон

Смотрит 109-й сон.

Спи, мой Нулик, спи, сынок.

Новый день уж недалек:

7 часов и 6 минут

Очень скоро пробегут.

Чтоб расти из года в год,
Никогда не лезь вперед.
Если будешь поскромней,
Станешь в 10 раз сильней.
Спи, мой Нулик, спи,

сынок.

Новый день уж недалек:
7 часов и 5 минут
Очень скоро пробегут.

Пение смолкло. Раздался легкий шелпок.

— Спи, негодный! До нового дня осталось уже только 7 часов и 4 с половиной минуты. Если ты сейчас же не заснешь, так и будешь нулем всю жизнь. Спи! Что я тебе сказала!

На цыпочках мы двинулись дальше и свернули в переулок. Это оказался тупичок, который заканчивался большим сараем с вывеской:

СКЛАД

Карликане, складывайте все здесь!

Несмотря на то, что в Арабелле была ночь, из склада доносился шум. Там кричали, спорили, перекладывали какие-то громоздкие вещи.

— Девочка, зачем ты кладешь сюда апельсины? — негодовал густой бас. — Разве ты не видишь, что здесь лежат электрические лампочки! Лампочки надо складывать с лампочками, а апельсины — с апельсинами. Иначе в сумме получатся какие-то лампольсины! Чему вас только учат в школе? Сразу видно, что ты маленькая Двойка. Да, да. Двойка — и ничего больше. Завтра ты станешь складывать лягушек с цаплями, и от твоих лягушек ничего не останется: цапли их попросту слопают!

— А зачем же вы сами сложили белую булку с ветчиной? — возразил тоненький голосок.

— Ах ты, невежа! — возмутился бас. — Я их не складывал, я сделал из них бутерброд. Это же совсем другое дело! Бутерброд с ветчиной — это очень вкусно. Да как ты смеешь меня учить? Сначала доживи до моего возраста, тогда и учи других. А я как-нибудь сам разберусь, с чем мне есть ветчину!

Не дожидаясь встречи со спорщиками, мы поспешили выбраться из тупика.

— Слушайте, — сказал Сева, — теперь я, кажется, понял, что такое Карликания. Это же Арифметическое государство!

— Ай да Сева! — заметила Таня. — И как ты только догадался? Не ты ли сам складывал мандарины с выключателями?

Сева притворился, что ничего не слышал.

Мы вернулись на Числовую площадь. Светало. Постепенно раскрывались ставни, появились первые прохожие. В Арабелле начался день.

Оживленные карликаны собирались на цент-

ральной площади города. К нам подошла опрятная Четверка с голубым бантиком в волосах. Заботливо одернув складки школьного платья, она вежливо поздоровалась.

— Если вы хотите увидеть интересное зрелище, — любезно обратилась она к нам, — советую пойти вместе со всеми на площадь Добрых Напутствий.

Мы охотно согласились и последовали за нашей новой знакомой.

Город кишел народом. Со всеми своими улицами и множеством переулков и тупиков он был похож на хорошо изученный лабиринт. В огромной толпе никто никого не толкал, никто никому не наступал на ноги. Многие дружелюбно кивали нам в знак приветствия, а иногда и пожимали руки — словом, вели себя, как добрые знакомые.

Однако Четверку с бантиком мы все-таки потеряли, и, посовещавшись, решили продолжать путь одни. Это было нетрудно: все жители города двигались сейчас в одном направлении.

ПЛОЩАДЬ ДОБРЫХ НАПУТСТВИЙ

Огромная площадь была вся заполнена жителями Арабеллы. И так же, как и во всем городе, здесь царил совершеннейший порядок.

У входа на площадь мы встретили толстую Восьмерку, которая вела за ручку маленького Нулика.

— Здравствуйте, — обратилась она к нам, — Здравствуйте, — повторил за ней Нулик и вкусно зевнул, прикрыв ладоною рот.

Восьмерка покачала головой:

— Ну что с ним делать? Заснул только под утро, а теперь зевает. Как я отпущу его в такое серьезное путешествие?

— Это не вы ли пели ему: «Спи, мой Нулик, спи, сынок»? — спросила Таня.

— Кто же, кроме меня, может спеть песенку, которую я сама сочинила? А не вы ли гуляли ночью под моими окнами? — в свою очередь, поинтересовалась Восьмерка.

— Конечно, мы! — радостно ответили ребята. — А в какое путешествие отправляется ваш Нулик, уважаемая Восьмерка? — спросила Таня.

— Как! — удивилась Восьмерка. — Неужели вы не знаете, куда ежедневно отправляются миллионы и

миллионы карликан? Да к вам, к людям,— на фабрики, на заводы, в колхозы. К рабочим, счетоводам, ученым. И к школьникам, разумеется. Нас ждут всюду: в аулах, на полярных станциях, на кораблях дальнего плавания, в космических ракетах. С каждым годом мы нужны все больше и больше. Нас разывают на части. Вернее, на все пять частей света: приглашают в Азию, в Африку...

Восьмерка не успела закончить, потому что в это время заговорили десятки мощных репродукторов: — Внимание! Карликани! Через минуту вы отправитесь в далекое путешествие к людям. Слушайте доброе напутствие Совета Старейших. У микрофона Карликани Первый.

— Дорогие друзья, храбрые путешественники, неутомимые труженики! Совет Старейших желает вам доброго пути и благополучного возвращения. Мы уверены, что вы не осрамите нашего славного государства и будете честно трудиться на благо человечества.

Помните: в руках добрых людей вы принесете пользу, в руках злых — разрушение.

Верно и честно служите добрым людям!

Счастливого пути!

Восьмерка заторопилась:

— Скорее, скорее, а то мы опоздаем на ракету. Скажи всем до свидания, Нулик.

— До свида-а-ния, — пропел Нулик и покатился следом за своей солидной мамашей.

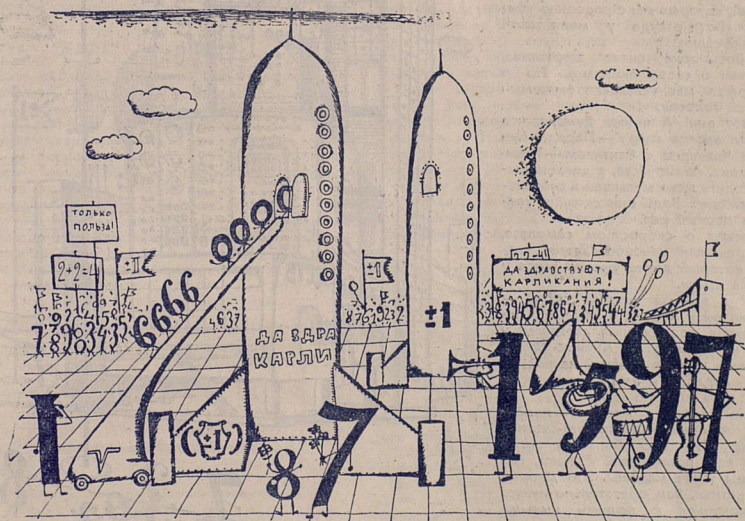
Заиграла музыка, и в воздух одна за другой стали подниматься огромные сверкающие машины. Их было много, и каждая отвозила миллионы карликан. Это было восхитительное зрелище!

Мы долго не могли опомниться и все глядели и глядели на небо, где давно уже ничего не было, кроме легких и белых облаков.

— Как-то тем мой бедный Нулик? — вздохнула Восьмерка. Проводив своего любимого малыша, она снова подошла к нам.— Ведь он первый раз улетел сегодня из родного города. Бедный мой сыночек!

Мы старались как могли успокоить грустную Восьмерку: нам тоже очень понравился славный Нулик.

— Скажите, пожалуйста, уважаемая Восьмерка,— спросил Сева,— откуда у вас сын Нулик? Я думал, ваши дети тоже Восьмерки.

— Конечно, у меня, как и у всех других мам Восьмерок, дети тоже Восьмерки. А у Пятерок — Пятерки, у Двоек — Двойки и так далее. А вот Нулики есть у всех. Нулики — это наши приемные дети. Но мы их любим, как своих родных, даже, пожалуй, больше. Ведь они такие маленькие, такие беззащитные. Они без нас совсем ничего не значат.

— Откуда же они у вас появились?

— О, это очень длинная история. Вы, наверное, знаете, что на нашей родине, в Индии, было только девять цифр. Эти ДЕВЯТЬ СТАРЕЙШИХ и образовали Арифметическое государство. Теперь они заседают в Совете Старейших и управляют нами.

Вскоре люди решили, что очень неудобно обходиться без нулей. Ну, подумайте сами, нужно записать число 205, а у вас только девять цифр — нуля нет! Что вы будете делать? На месте сотен вы поставите двойку, на месте единиц — пятерку. А что вы поставите на месте десятков? Ведь десятков в этом числе нет! Нельзя же писать число 205 так:

2 НЕТ 5 ?!

Это было бы ужасно!

И люди решили вместо слова НЕТ ставить НУЛЬ. Так появились в нашем государстве эти милые, прелестные крошки, которых мы с радостью усноновили. Вот откуда у меня такой круглый сынок.

И Восьмерка снова загрустила, вспомнив о своем любимце. Но в это время мы услышали знакомый веселый голосок:

— Вот они! А я уже думала, что никогда вас не найду.— Перед нами стояла Четверка с бантиком.— Извините меня, пожалуйста, я должна была посадить моих малышей в скоростной самолет. Ведь они сегодня улетают в первый раз.

Услышав о скоростном самолете, Олег решил наконец задать вопрос, который давно уже вертелся у него на языке.

— Что это за машина такая? — спросил он у Четверки, указывая на необычное сооружение, стоявшее у входа на площадку. По мнению ребят, оно было похоже сразу и на космический корабль, и на ракетную установку, и на атомную станцию.

— Не машина, а машина,— поправила Четверка,— электронно-счетная машина. Это наш большой друг. У нас есть прекрасный Дворец, где собраны такие машины. Это Дворец кибернетики. Вам обязательно нужно познакомиться с нашими умными друзьями. В Карликинии таких машин много, и каждая занята своим делом.

— А чем занята эта? — спросил Сева.

— Эта машина производит самые точные вычисления. Она может сосчитать, сколько карликов отправилось в путешествие, с какой скоростью им надо лететь, чтобы вовремя попасть туда, где их ждут. Машина выберет самый выгодный маршрут и укажет на все препятствия, какие могут встретиться в пути. Она даже укажет, как эти препятствия обойти.

— А кто же ею управляет?

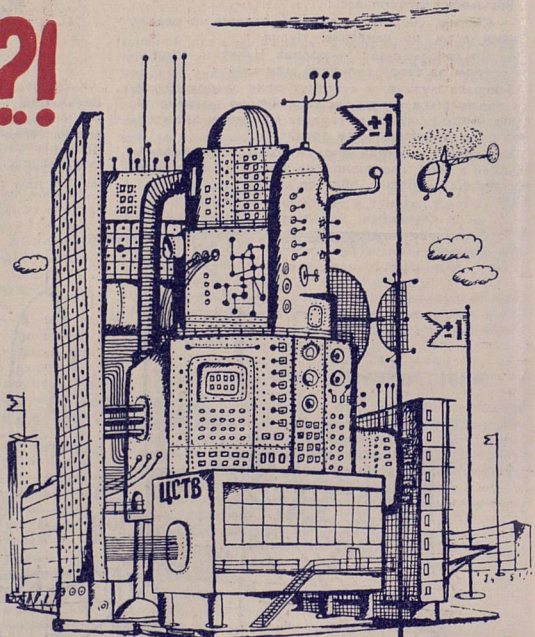
— Всего только две цифры, две самые маленькие цифры — Нулик и Единичка. Но они прекрасно справляются со своей работой. Представьте себе, у них превосходная память. Стоит только им узнать что-нибудь, и вы можете быть уверены, что они этого никогда не забудут.

— Счастливые! — вздохнул Сева.

— А почему работают только Нулик и Единичка? — спросила Тая.

— А им больше никто не нужен. Ноль обозначает слово НЕТ, а единица — слово ДА. Этих двух слов достаточно, чтобы решить любую задачу.

— Как это так? — недоверчиво спросил Сева.

7 3 0 3 8 9

— Давайте сыграем в такую игру,— предложила Четверка,— угадайте, что у меня в кармане. Задавайте мне какие хотите вопросы, но так, чтобы я отвечала только «ДА» или «НЕТ». Начали?

Ребята не заставили себя упрасивать. Вопросы посыпались один за другим:

— У вас в кармане что-нибудь съедобное?

— Нет.

— Школьный предмет?

— Да.

— Жидкий?

— Нет.

— Твердый?

— Нет.

— Мягкий?

— Да.

— Длинный?

— Нет.

— Круглый?

— Нет.

— Прямоугольный?

— Да.

— На нем пишут?

— Нет.

— Им промокают?

— Нет.

— Им стирают?

— Да.

— Резинка!— сказал Олег.

— Правильно!— ответила Четверка.— Видите, вы решили задачу только по моим ответам: да, нет. Так и машина работает. Только работает она очень-очень быстро. Ее так и называют— быстродействующая.

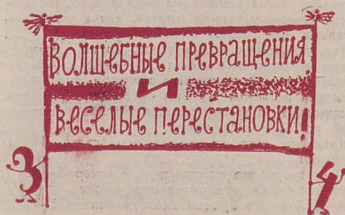
А теперь я приглашаю вас на стадион повеселиться. Там скоро начнется представление— балет на льду. Маленькие карликаны на коньках! Советую посмотреть.

Надо ли говорить, с каким удовольствием мы отправились на стадион!

БАЛЕТ НА ЛЬДУ

Это был школьный утренник, очень похожий на те, к которым мы привыкли у себя дома. Добрую половину зрителей составляли взволнованные мамы, тети и бабушки маленьких артистов. Они оживленно переговаривались и с нетерпением поглядывали на большое ледяное поле, где только что установили декорации, изображающие дремучий лес.

Нас усадили в первом ряду, как почетных гостей. И сразу над ледяным полем вспыхнул ослепительно яркий свет. Дирижер взмахнул палочкой, и под звуки веселой музыки на сцену выбежали два мальчика. Они развернули длинное полотнище, и все прочитали название балета:

Мальши убежали, а вместо них появились во главе с Добрым Вычислителем-Строителем маленькие цифры в разноцветных хитончиках.

Он красноречиво (хотя и без слов) рассказал, какие великие дела предстоит цифрам совершить на благо людей. А цифры не менее красноречиво (и тоже без слов) выразили полную готовность следовать за Добрым Вычислителем-Строителем. Зрители горячо поддерживали артистов.

Вдруг в оркестре заиграли барабаны, и на ледяное поле вихрем ворвался Злой Вычислитель-Разрушитель.

Завидев его, цифры бросились кто куда. Они боялись, что он возьмет их в плен и заставит работать на себя. А этот злодей занимался очень плохими делами. Он ненавидел людей и хотел их уничтожить. Для этого-то и нужны были ему цифры!

Добрый Вычислитель-Строитель стал на защиту испуганных малышей. Тесным кольцом они столпились вокруг него.

Тогда Вычислитель-Разрушитель увидел, что одному ему не справиться, и кликнул на помощь свое войско. И вот под дробь барабанов появились воины в белых мундирах с черными крестами на груди. Они схватили Доброго Вычислителя-Строителя, крепко-накрепко связали его и стали гоняться за перепуганными цифрами.

Зрители с волнением следили за событиями, а мои ребята просто ничего не понимали.

— Скажите, пожалуйста,— шепотом обратился Сева к Четверке,— почему эти цифры так боятся воинов с плюсами на груди?

— Да потому, что сейчас они еще свободные ЦИФРЫ. А когда воины начнут их СКЛАДЫВАТЬ, они превратятся в ЧИСЛА. И тогда уж им придется работать на Злого Вычислителя-Разрушителя.

— А я думал,— возразил Сева,— что цифры и числа—это одно и то же!

— О нет! Разница между цифрами и числами такая же, как между буквами и словами. Слова состояются из букв, а числа—из цифр. Цифр и букв немного, а слов и чисел—множество. С числами можно производить различные действия, а с цифрами нельзя.

Когда цифра становится числом, этому числу можно дать любое наименование: числа можно назвать птицами, книгами, яблоками, а можно—ружьями и пушками. Это и хотел сделать Вычислитель-Разрушитель. Вот почему цифры так его боятся.

Между тем с помощью своих воинов Плюсас и их командира Знака Равенства Злой Вычислитель-Разрушитель заставил наконец цифры расположиться следующим образом:

$$1 + 3 + 4 + 2 = 10.$$

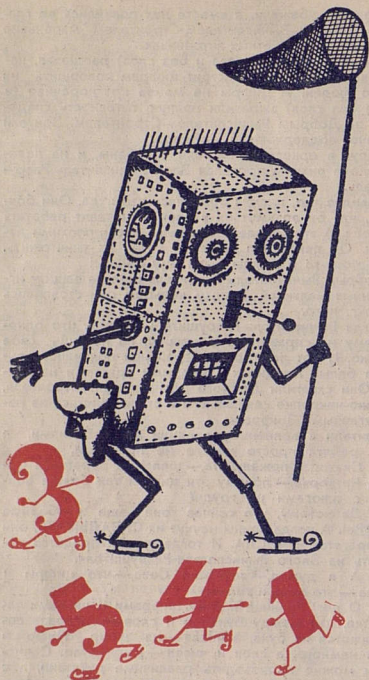
Бедные цифры, превратившись в числа, сразу замерли. Они были очень грустные. Растроганные игрой маленьких актеров, зрители плакали. А Вычислитель-Разрушитель торжествовал. Он хорошо знал, что числа никогда не посмеют нарушить равенство, даже в балете. Ведь десять всегда должно быть равно десяти!

Теперь числа в его власти!

И вдруг (какая же сказка без волшебного «вдруг!»)... вдруг маленький Нулик из числа 10, точная копия нашего знакомого, быстро встал по другую сторону Единицы. И вместо десятки получилось какое-то ни то ни се—01!

В зале ахнули! Это было неслыханное геройство. Знак Равенства тут же упал в обморок: он не смог вынести подобного нарушения! А Вычислитель-Разрушитель так перепугался, что побежал звонить в по-

— Сколько же раз они менялись местами? — спросил Сева.— Я считал и запутался.

— Ровно двадцать четыре раза,— ответила Четверка.

— Неужели так много?

— Если вы не верите, проверьте сами,— усмехнулась она.

Тут первое отделение подошло к концу. Артисты выстроились полукругом и, взявшись за руки, запели:

**ВСЕ ХОРОШО, ЧТО ХОРОШО КОНЧАЕТСЯ!
НО В ПЬЕСЕ ВЫВОД ПОЛАГАЕТСЯ:
ОТ ПЕРЕМЭНЫ МЕСТ СЛАГАЕМЫХ
СУММА НЕ МЕ-НЯ-ЕТ-СЯ!!!**

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

В антракте мы пошли за кулисы, чтобы поблагодарить артистов за интересный спектакль.

Это оказалось труднее, чем мы думали. За кулисами была ужасная толчея. Почти такая же, как у нас после концерта школьной самодеятельности. Маленьких артистов душили в объятиях счастливые родственники и восторженно пророчили им великое будущее. Родственники всегда немного преувеличивают!

Нам все-таки удалось добраться до режиссера. Это была Семерка. Мы выразили ей свой восторг. Она была счастлива и попросила нас обязательно посмотреть второе отделение.

В это время раздался громкий визг. Дверь костюмерной распахнулась. Кто-то вихрем промчался мимо нас и исчез в толпе.

Начался страшный переполох. Все беспорядочно кричали:

— Спасите! Отнимите! Он нас уничтожит!

— Так я и знала! Противный мальчишка! Он стащил знак умножения! — И Семерка храбро бросилась в самую гущу толпы.

— Кто стащил знак умножения? — спросили мы у Четверки.

— Как кто? Нулик! — пискнула она, робко прячась за наши спины.— Тот самый, который вам так понравился.

— А зачем ему знак умножения?

— Он мстит за то, что ему не дали главной роли. Подумаешь, страшная месть! — рассмеялся Сева.— Стащил знак умножения!

— Не говорите так! — с ужасом воскликнула Четверка.— Разве вы не знаете, какую беду может натворить Нулик со знаком умножения? Стоит ему стать рядом с любым числом, и оно немедленно обращается в ничто! Какой-нибудь час — и все жители Арабеллы обратятся в Нули. Представляет себе государство, состоящее из одних Нулей!

Мимо нас пробежал отряд пожарников, — как известно, пожарники есть в каждом театре. У них были очки с сильными увеличительными стеклами (для поисков самых маленьких чисел). В руках они держали длинные, тонкие прутья, как выяснилось, специально для ловли Нулей.

Там временем Нулик высочил на ледяное поле. Тогда пожарники и кучка отчаянных смельчаков во главе с нашей славной Семеркой окружили поле плотным кольцом и стали осторожно приближаться к виновнику переполоха. На Нулика нацелился целый лес длинных палок.

Казалось, еще минута — и его схватят. Но не тут то было!

Озорник ловко подпрыгнул и вскарабкался на самую макушку декоративного дерева.

— Сейчас же бросай знак умножения! — потребовала Семерка.

жарную команду. Ведь пожарных в Карликании тоже вызывают по телефону 01. Совсем, как у нас. Зрители громко зааплодировали.

А цифры быстро развязали своего доброго проводителя и на радостях затеяли веселую игру вместе со своими недавними врагами — Плюсами и Знаком Равенства. Им ведь тоже надоело служить злому волшебнику.

Под звуки плавающего вальса числа образовали знаковую уже нам группу:

$$1 + 3 + 4 + 2 = 10$$

Потом началось феерическое зрелище. Освещенные то желтыми, то красными, то синими прожекторами, юные фигурки стали меняться местами, образуя все новые и новые группы:

$$3 + 1 + 2 + 4 = 10,$$

$$2 + 3 + 4 + 1 = 10,$$

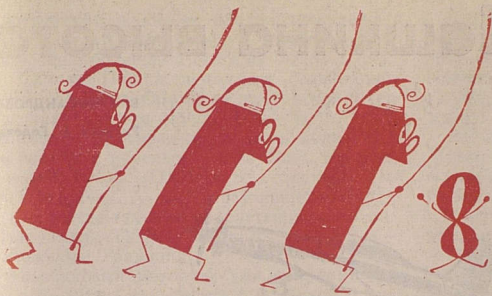
$$4 + 1 + 2 + 3 = 10,$$

$$1 + 4 + 2 + 3 = 10$$

и так далее.

И только Десятка, стоявшая после Знака Равенства, все время оставалась на месте. А числа в танце низко кланялись Нулику, и он стоял довольный, но скромный, как и подобает герою.

Так продолжалось очень долго, до тех пор, пока конькобежцы не вернулись к исходному положению.

Пришлось объявить, что по техническим причинам спектакль продолжаться не может.

Мы вышли на улицу. Четверка с бантиком повела нас на площадь Радостей и Огорчений. На этой площадке ежедневно приземлялись воздушные корабли, возвращавшиеся в Карликанию.

НЕОЖИДАННОЕ ОГОРЧЕНИЕ

Мы пришли вовремя. Первая четверка только что приземлилась. Спустили трап, и тысячи путешественников очутились в объятиях своих родных и друзей...

Рядом с нами какая-то счастливая мама Пятерка обнимала свою младшую дочку.

— Мне было так весело! — щебетала дочка. — Нас послали к одному очень важному архитектору, который строит новые дома. Он долго думал, сколько этажей должно быть у этих домов. То возьмет Четверку, то Девятку. А потом посмотрел на меня и сказал: «Дома будут ПЯТИэтажные!»

Мимо прошли трое важных карликов, громко распевая:

— Ту-ту-ту... ту-ту-ту!

Это были цифры 1, 0, 4.

— Отчего они так важничают? — спросил Сева.

— Разве вы не знаете этих трех героев? — откликнулась шагавшая за ними карликанша. — Их портреты вывесили сегодня на реактивном самолете. Среди них и мой сын. Этот самолет называется «ТУ-104». Теперь они только и знают, что поют: ту-ту-ту... ту-ту-ту!

Снова загудели моторы, и на площадке опустился многоместный самолет. Из него стали выходить пассажиры. Они прижимали к глазам белые платочки.

Сразу же все находившиеся на площадке перестали смеяться и сделали грустными. Площадь Радостей превратилась в площадь Огорчений.

— Какое несчастье! Какое горе! — причитала какая-то Девятка, спускаясь по трапу. — Пропал, пропал бедный маленький Нулик. Утром на площади Добрых Напутствий с нами было 43 Нулика. Потом нас отправили в школу, в третий класс. Там было так хорошо, так весело! Школьники учились делить целые числа. Мы перебежали с парты на парту, из тетради в тетрадь. А потом... когда мы сели в самолет, чтобы возвратиться домой, у нас оказалось только 42 Нулика! Один пропал. Какое горе!

— Это мой сыночек пропал! — заголосила знакомая толстая Восмерка. Она уже успела пересмотреть всех прибывших Нуликов. — Почему я не поехала с ним? Что я буду без него делать?

— Успокойтесь, — сказала наша Четверка, — найдется ваш Нулик. Утро вечера мудренее. Если он сегодня не вернется, перевезем завтра все Арифметическое государство и Нулика вашего найдем.

В это время объявили прибытие самолета с малышами. Четверка озабоченно пересчитала своих питомцев и облегченно вздохнула. Они оказались целы и невредимы.

Все вместе мы возвращались обратно. По дороге малыши наперебой рассказывали о своих приключениях.

Мы дошли до Числовой площади, где пожелали друг другу спокойной ночи и расстались.

Так закончился наш первый день в Карликании.

— А вот и не брошу, — захихикал Нулик, болтая ножками.

— Тогда будешь сидеть здесь до скончания века!

— А я возьму и перепрыгну через ваши головы. Прямо в публику! — И Нулик сделал вид, что собирается выполнить свою страшную угрозу.

В толпе началась настоящая паника. Зрители в ужасе побежали к выходам. В дверях образовались пробки.

И тогда Семерка бросилась к телефону.

— Скорую Арифметическую Помощь! — закричала она в трубку. — Это Скорая? Ужасное несчастье! Да, да, опять Нулик! Пришлите немедленно Великанов!

— Что за Великаны такие? — спросил Сева у Четверки.

— Это жители Бесконечности — Бесконечно Большие Числа! — ответила она.

— А им не страшен Нулик со знаком умножения?

— Конечно, нет! Ведь им сделали противонуликовую прививку! Поэтому при умножении на нуль они в нуль не превращаются: каждый из них может стать любым числом по своему выбору. И только иногда, если им самим захочется, Великаны превращаются в нуль. Как видите, они Нулика совсем не боятся: у них в Бесконечности свои законы!

Скорая Помощь не заставила себя долго ждать. Не прошло и минуты, как над ледяным полем пронесся страшный вихрь и откуда-то сверху долетел добрый голос:

— Привет из Бесконечности!

К Нулику протянулась гигантская рука, и тот покорно отдал похищенный знак умножения. Он понял, что дальнейшая борьба бесполезна.

Два огромных пальца приподняли Нулика и осторожно поставили на лед.

— Ура Великану!!! — закричали все. — Да здравствуют добрые Великаны!!!

Великан приветливо помахал рукой и исчез так же внезапно, как появился.

Нулик сидел на льду и жалобно всхлипывал.

— Ну, — сказала Семерка, — как ты объяснишь свое поведение?

— Простите меня. Я не хотел ничего плохого, — захныкал Нулик. — Честное слово! — Я думал только немножко всех попугать. Пожалуйста, не выгоняйте меня из драмкружка.

— Ну, это мы еще посмотрим! — грозно сказала Семерка и... упала в обморок. Теперь, когда все волнения были позади, силы покинули ее.

(Продолжение в следующем номере).

Пашкина высота

В. АЛЕКСАНДРОВА

Рисунки А. Годова.

Пашка сам не думал, что его мечта так легко сбудется. Он давно уже хотел побеседовать со взрослым конструктором самолетов: посоветоваться о своем изобретении. Но понимал, что авиационные инженеры — люди занятые, и вряд ли у них найдется время для какого-то шестиклассника. Да и не было у Пашки знакомых конструкторов.

Но однажды его младшая сестра, Нина, прибежала из школы очень веселая и еще с порога закричала:

— Павлик! У нас в школе новенькая. Ее со мной за одну парту посадили.

— Подумаешь, чудо какое! — усмехнулся Пашка. — Нашла чему радоваться.

— А вот и наша! У этой девочки отец знаешь кто?

— Ну кто? Киноартист?

— Самолетостроитель! — Нина старательно произнесла это длинное, трудное слово. — Настоящий! Он даже недавно по радио выступал, рассказывал, как на их заводе новый самолет придумали, с которого землю опыляют. Ну, чтобы гусениц уничтожить и всяких там вредных жуков. А еще с такого самолета по волкам стрелять можно. Вот!

Пашка только вздохнул в ответ. Не везет! Эх, был бы у этого самолетостроителя сын да пришел бы он учиться в Пашкин класс!..

А Нина все тарыхтела:

— Павлик, а я этой девочке про тебя рассказала. Ну, что ты тоже конструктором хочешь стать. И уже изобретение изобрел. А она мне свой телефон дала. «Пусть, — говорит, — твой брат лично моему папе позвонит. Только заставить его можно исключительно в вечерние часы». Исключительно, понимаешь?

Часов в десять вечера Пашка непослушными пальцами набрал номер телефона конструктора и хриплым голосом попросил, если можно, позвать инженера Василия Петровича Терехина.

Трубка долго молчала. Потом кто-то по ту сторону провода торопливо поздоровался с Пашкой, сказал, что спешит на какие-то испытания, разговаривать сейчас, к сожалению, не может... и пригласил Пашку на следующее утро прийти со своей моделью прямо на завод. Пашка не успел ничего ответить, как в трубке зазвучали частые гудки.

Пашка изобрел самолет. То есть, конечно, самолеты изобрели еще до Пашки, но он придумал скоростную модель с бензиновым

моторчиком, какие не продавались даже в магазине «Юный техник». Может быть, их и вообще больше на свете не было.

Самолет Пашка сделал сам. Только окрасила его Нина. Она была аккуратная и терпеливая, как все девчонки, и немного умела рисовать. Красивая получилась модель. Серебряная с красным, а на боку огромные зеленые буквы: «ПАН-1». Это означает—Павел Никонов. А что? Настоящие конструкторы всегда так свои изобретения называют. Например, «ТУ-104» — Туpoleв, «ИЛ-18» — Ильюшин. Традиция!

Бензиновый моторчик для самолета принес Валерик, мальчишка с Пашкиного двора. Он же обстругал деревянное туловище и собрал части модели. Пашка не любил возиться с мелочами. Ведь и у взрослых конструкторов для этого есть помощники.

Нину с Валериком Пашка решил на завод не брать. Сестренка смеется очень громко, а Валерик спорить любит. Того и гляди, самому конструктору возражать начнет. А главное, самолет-то Пашка изобрел. Так зачем же целый детский сад с собой тащить? Увидят на заводе, что какие-то малыши явились, разговаривать серьезно не станут.

Когда утром Пашка пришел на завод, оказалось, что в полосатой будке — проходной — ему уже приготовлен пропуск. Выпрямившись, задрав подбородок, чтобы казаться повыше, Пашка зашагал по заводскому двору.

Это был не обычный двор, а целый город. Множество зданий без окон, с застекленными крышами. И в каждом громко пели, лягали, жужжали какие-то станки.

В приоткрытую дверь одного цеха Пашка увидел огромный пресс.

— Хор-рошо! Хор-рошо! Хор-рошо! — приговаривал пресс, прижимая к станине длинные металлочесные полосы. Это были лонжероны — ребра будущего самолета. До сих пор Пашка видел их только на картинках.

— Хор-рошо! — басом выдохнул ему вслед пресс, словно одобрял за солидное поведение.

Из ворот другого цеха плавно выкатился небольшой самолет с закругленными крыльями. За ним другой, точно такой же. Потом третий, четвертый... Новорожденные самолетики-близнецы выстроились в ряд, как ребята на зарядке, и дружно закачали крыльями. Должно быть, это были те самые, для сельскохозяйственной авиации.

Пашке очень захотелось посмотреть самолеты поближе. Сами ноги понесли его к ним. Но он мысленно скомандовал себе: «Стоп!» — и ноги остановились. «Стоп, Пашка! Держись на высоте! Не глазей с открытым ртом. Подумают: никогда близко самолетов не видел, а еще изобретателя из себя строят».

В конструкторском бюро Василия Петровича не было. Секретарша, внимательно оглядев Пашку с ног до головы, сказала:

— Василий Петрович просил извиниться перед товарищем Никоновым, его вызвал главный конструктор. Так что он минут на десять задержится.

Сжимая в обеих руках модель, Пашка вышел в коридор. Сердце у него прыгало от радости. А перед глазами проносились картины одна радужней другой. Вот конструктор Василий Петрович крепко жмет Пашкину руку и говорит торжественно: «Товарищ Никонов Павел, вы сделали замечательное изобретение. И не переживайте, пожалуйста, что закончили пятый класс с тройками. У настоящих талантов даже двойки бывают, например, у Пушкина Александра. А вашу модель мы принимаем в производство и с завтрашнего дня начнем выпускать на своем заводе».

То и дело мимо Пашки проходили работницы завода. Некоторые из них обращали внимание на его модель. Девушка в белом халате, должно быть, лаборантка, даже потрогала ее рукой. Старик в светлом костюме дружески улыбнулся Пашке и приветственно приподнял над головой мягкую шляпу. Потом подошел широкоплечий рабочий в замасленном комбинезоне. Он нес куда-то целый ящик с серебристыми, похожими на грибки заклепками. Засмотревшись на модель, он нечаянно наклонил ящик, и заклепки звенящей стружкой посыпались на пол.

— Собери-ка заклепки! — негромко попросил он Пашку, продолжая разглядывать «ПАН-1». — Мне не с руки.

Пашка наклонился было за заклепками, но сразу выпрямился. Что если подойдет сейчас Василий Петрович и увидит его ползающим по полу за какими-то ерундовыми железками? Что он подумает о нем? Если б еще инвалиду помогал, а то вполне здоровому человеку, которому просто не хочется самому нагнуться.

— Я здесь не чернорабочий! — заявил Пашка.

Светлые глаза рабочего сразу потемнели и сузились.

— Не чернорабочий? — повторил он. — А что ты тут делаешь?

— Жду конструктора Терехина, — небрежно ответил Пашка. — Василия Петровича. Он меня для беседы пригласил. Насчет моего изобретения.

— А-а-а... Ну, тогда извините, пожалуйста. Я ведь не знал, кто вы такой будете. — Рабочий поставил свой ящик, опустился на одно колено, собрал заклепки. — Извините, не знал, с кем имею честь, — повторил он уже на ходу. — А то бы никак не решился побеспокоить.

Из конструкторского бюро выглянула секретарша.

— Ну, скоро придет товарищ Терехин? — спросил Пашка, сгорая от нетерпения показать свою модель.

— Да вот же он пошел. С заклепками. Куда ты, мальчик? Не в ту сторону!

Но Пашка, вздерошенный, с красными ушами, мчался к выходу. Пробегая по двору, он услышал, как насмешливо фыркая ему вслед пневматический пресс:

— Ха-ха-ха!

Модель острым носом нацелилась в проходную. А на серебряном боку Пашкиного изобретения блеснули большие зеленые буквы: «ПАН-1».

Ты в строю, Клава!

Рядом с тобой всегда люди. Октябрата, дающие первую пионерскую клятву, пионеры, вступающие в комсомол. Часто сюда приходит твоя мать, Евдокия Федоровна.

Тебе приносит цветы подполщанин, оставшиеся в живых, они подолгу всматриваются в твое лицо, изваянное из гранита. О чем они говорят с тобой, стоящей посреди огромной площади старинного города Острова? Здесь часто звучат песни — о юном барабанище и об Орленке. Твои любимые песни. Клава. Ты пела их со своими ребятами. Вспомни те предвоенные, предгрозовые годы. Походы по душным местам, по местам боев Красной Армии. Поиски «секретного пакета» в густых зарослях на берегу Горохова озера, ночные сборы по пионерской цепочке, соревнования по меткой стрельбе.

Ты была вожатой, плясуней и запевалой. Но прежде всего ты была бойцом. Бойцом за красоту души, за красоту поведения. И ребята при виде тебя подтягивались. Они росли такими, как юный барабанище. Как герой-комсомолец Орленок.

Помнишь начало войны? Ты была с пионерами в походе. У лесного костра вы дали клятву бороться.

В Остров пришли фашисты. В вашей школе — враги. В надежном месте спрятаны комсомольский билет и красный галстук. Ты становишься портнихой, шьешь платья и рубашки соседям. Портниха — это для отвода глаз. А на самом деле ты, как и прежде, вожатая.

А вожатая — значит боец и командир бойцов. Все твои бывшие пионеры стали друзьями подпольной комсомольской группы.

Ненцы читали, что они хозяева Острова. Но вы, бесстрашные орлята, смеялись над ними. Вместо немецких приказов люди читали свежие сводки Совинформбюро и комсомольские листовки.

Вместо немецких радиопередач жители Острова услышали однажды спокойный голос Москвы. Это Олег Серебрянков и Саша Митрофанов переключили городскую радиосеть на московскую волну.

Вместо того чтобы отправиться на работы в Германию, люди уходили в леса, к партизанам. Тайными тропами их вели Володя Ал-

феров и Олег Дивенский. А ты, что делала ты? Ты была сердцем организации, ее мозгом, вожатой! Когда Лева Судакос собрал тебе, что в немецком штабе хранится план окружения Ленинграда, ты отдала приказ: устрои разведку Нину Бережигу в штаб уборщицей. Нина проникла в секретный отдел, выкрала ценные карты и переправила за линию фронта, к нашим.

Ноябрь 1942 года. Пытки. Пытки больше месяца.

В каменном подвале за стеной литой

Билы, отгнивали на полу водой.

Снова пытки, мучки, снова пальцы хруст,

И опять ни звука из девичьих уст.

Декабрь. Ты идешь по заснеженному городу на городскую площадь. Нет, не забыли люди твои последние слова, Клава:

— Прощайте, товарищи! Мы погибем, но за смену нам придут миллионы. Победа будет за нами.

«У власти орлиной орлят миллионы». Да, Клава, миллионы ребят, которые растут сей-

час, учатся у тебя мужеству, выдержке. Молодежь и пионерия страны решила воздвигнуть тебе памятник на комсомольские и пионерские средства. Были воскресники, были концерты, сбор металлического лома. На счет в Госбанке со всех сторон стекались деньги. Это не просто рубли, Клава. Это новые сады. Это новые машины, рельсы новых дорог. Если б ты увидела сегодняшних пионеров!

А знаешь, о чем мечтают пионеры сегодняшних дней?

О том, чтобы построить «Артек» на Марсе, чтобы когда-то управлять, дожди включать и выключать, о том, чтобы победить все болезни.

Хорошие мечты, хорошие ребята! Ты стоишь на площади, Клава. Величаева, смелая. В дни торжественных пионерских праздников у памятника проходит пионерские

переклички и всегда первым выкликается твое имя:

— Клава Назарова!
— Герой Советского Союза, старшая пионервожатая Клавдия Ивановна Назарова погибла смертью храбрых в борьбе за освобождение города Острова.

И в эту минуту юные ленинцы салютуют тебе. Помнишь, как у Гайдара: «Плывут пароды — привет Мальчишу! Пролетают летчики — привет Мальчишу! Пролетут паровозы — привет Мальчишу! А пройдут пионеры — салют Мальчишу!»

Ты всегда, Клава, с нами, в нашем пионерском строю.

Виктор КРЮКОВ

ГВИНЕЙЦЫ ИЗУЧАЮТ АЗБУКУ

Яков ХЕЛЕМСКИЙ

Рисунки Е. Моница.

Температура — тридцать градусов.
На свежий вечер не надейся.
Но в школе, улыбаясь радостью,
Сидят за партами гвинейцы.

Урок идет в просторной мазанке
Под плоской тростниковой крышей.
Здесь постигают тайны азбуки,
Класс осветив «летучей мышью».

Меж тем на улицу низринулась
Лавина африканской ночи.
Цикады, как везде, незримые,
Здесь не стрекочут, а грохочут.

Над океаном — дужка месяца,
Лежащая горизонтально,
Огни судов на рейде светятся,
Таинственно чернеют пальмы.

Ночным отливом воду сдунуло,
В песке валяется пирога.
И вдалеке — дорожка лунная,
Нет, широченная дорога!

А в школе — фонаря мерцание.
И пионер — задание важное —
Свои бесхитростные знания
Спопна передает согражданам.

И на ведущего занятия
Взирают старики с доверьем.
Держа детей уснувших, матери
В чернила окунают перья.

Подросток в пионерском галстуке,
Глазастый, тощий, темнокожий,
О, если б только догадался он,
Как близок мне, как мы с ним схожи!

Я вспомнил Киев, детство давнее,
Тот год навеки в память врезы:
В отряде получив задание,
Я тоже вел кружок ликбеза.

И пожилые люди плакали,
Когда внезапно прозревали.
Разглаживались их каракули.
«Мы не рабы», — они писали.

...Сквозь годы, через расстояния,
Дыша тропической ночью,
Начало жизни, годы ранние
Я снова увидал воочью.

Идет урок в просторной мазанке,
И, добрым следуя примерам,
Гвинейцы изучают азбуку
Под руководством пионера.
Гвинея.

Тишину огромной лаборатории расправляют оглушительные разряды — ежесекундно рождается новая молния. Она появляется из недр двадцатиметровой башни — одного из самых мощных в мире генераторов искусственных молний.

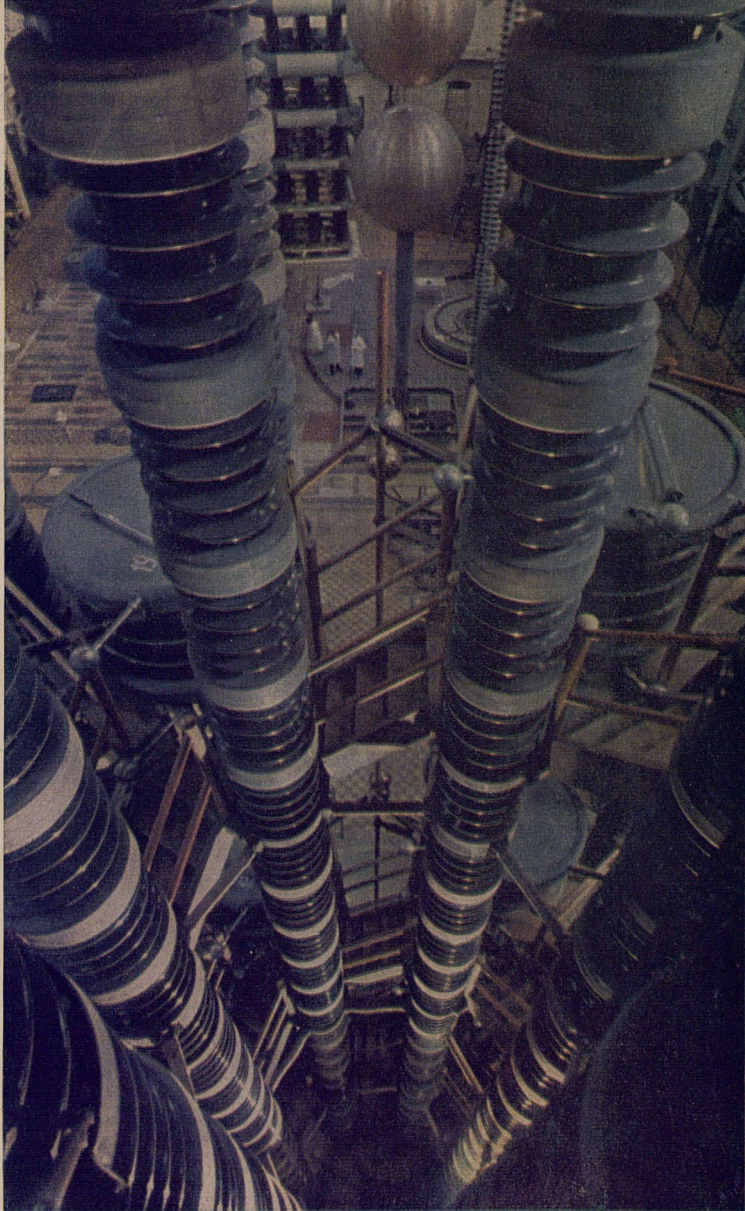
В миллионные доли секунды будущая молния, набираясь сил, проходит сложный путь. На этом пути 24 этапа, 24 конденсатора. Часть из них вы видите на снимке. Это большие фарфоровые цилиндры. Они установлены на площадках, винтообразно расположенных в башне. Между цилиндрами — колонны фарфоровых изоляторов. Все вместе это и образует гигантскую башню, поднимающуюся к потолку лаборатории.

Рождаясь в самом первом, нижнем конденсаторе еще совсем слабой (не больше 300 киловольт), молния за то мгновение, которое ей нужно, чтобы обогнать всю башню, вырастает до фантастических размеров. На вершине башни, в двадцать четвертом конденсаторе, ее напряжение — 7,2 миллиона вольт!

Мощный электрический разряд — искусственная молния — живет миллионные доли секунды. Но за это время в руках ученых она успевает удивительно много сделать. В лаборатории Всесоюзного научно-исследовательского электротехнического института имени В. И. Ленина, где снята эта фотография, молния помогает проверять качество изоляторов. Они будут установлены на линиях высоковольтных электропередач. Здесь изучают прочность изоляторов и длину разряда. Измерительные шары, которые вы видите в верхней части снимка, помогают определить напряжение разряда.

Существуют генераторы разной мощности. Ведь искусственные молнии выполняют самую разную работу. Одни бурят сважины в горных породах, другие просвечивают металл, третьи помогают врачам поддерживать деятельность сердца больного во время операции.

Фото А. Узляна
и Е. Умнова.

МОСКОВСКАЯ УЛИЦА XVII ВЕКА.

СИДЕНИЕ ЦАРЯ МИХАИЛА ФЕДОРОВИЧА С БОЯРАМИ В ЕГО ГОСУДАРЕВОЙ КОМНАТЕ.

А. Рябушкин

ЕДУТ.

ШУБА С ЦАРСКОГО ПЛЕЧА.

СВАДЕБНЫЙ ПОЕЗД В МОСКВЕ. XVII ВЕК.

А. Рябушкин.

Ожившая старина

Е. МУРИНА

Мы не всегда задумываемся над тем, какую трудную, казалось бы, неосуществимую задачу ставит перед собой исторический живописец. Ведь он стремится воссоздать на полотне то, чего никогда не видел, что исчезло, прошло, стало *историей*. Конечно, оно живет в памяти народов, в легендах, в летописях и мемуарах. Многие от нас могут рассказать памятники старины или бытовые предметы, хранимые в музеях, — одежда, украшения, посуда, оружие и орудия труда. Но это всего лишь намеки, по которым можно частично представить вкусы и обычаи наших предков. А как воссоздать *картину* их жизни, убедительный зрительный образ былого, безвозвратно ушедшего? Для этого надо иметь и особый талант и тонко развитое воображение.

Настоящий исторический живописец — это тот, кто умеет изображать прошлое столь живо, непосредственно и убедительно, как будто наблюдал его воочию, был его участником и очевидцем.

Таким художником был Андрей Петрович Рябушкин.

Вот посмотрите его картину «Свадебный поезд в Москве. XVII столетие» (1901 г.). Рябушкин как бы приоткрыл занавес времени, и перед нами неожиданно возникла старая Москва. Вихрем красок пронесется свадебный поезд. Летят кони, едва касаясь копытами земли, стремительно скользят за возком легкие фигурки посадских девушек и парней, мелькают и переливаются яркие пятна одежд. Красное, золотистое, синее, желтое — все охвачено движением. Кажется, еще мгновение — и шумная, сверкающая процессия исчезнет. Померкнут последние лучи заходящего солнца, потемнеет купол церкви и крыши домов. Останется тишина, сумерки. Кончится видение, и напоминать о нем будет лишь грустная фигурка девушки с заплаканным лицом. Быть может, невесты, покинутой неверным женихом. Силой своего воображения и мастерства художник заставляет нас увидеть далекое прошлое в его поэтическом очаровании.

Умение показать прошлое как «живой» кусок жизни характерно для всех лучших произведений Рябушкина. Картина «Едут» (1901), например. Ее можно назвать «Ждут» — таким нетерпеливым ожиданием охвачена толпа мо-

сковского посадского люда: вот-вот должны показаться и проехать мимо них иностранные послы. На лицах написаны все стадии любопытства — от простодушно-наивного до настоятельно-недоверчивого. Стрелцы сдерживают натиск толпы, цветистой, шумной, удалой. Художник так строит композицию картины, чтобы мы воспринимали изображенных людей как часть огромной массы народа, стоящего по сторонам улицы. Это как бы кадр из воображаемого кинофильма XVII века.

Такова же и картина «Московская улица XVII века» (1896). Глядя на нее, поистине слышишь веселый шум и гвалт, царящие на московской улице в дни весенней распутицы. Хохот и крики уличных зевак, пение нищих, восклицания прохожих сливаются с бульканьем и чавканьем грязи под ногами. Перед нами предстают самые разные типы посадских людей: тут и скромница-девушка; и простодушно-грубоватый добрый молодец, не без удалости шагающий по грязи; и наруганная молодуха, сопровождаемая «мамкой»; и московский фат и модник; и верховой; и многие, многие другие. И все они полны жизни, непринужденности. Если бы мы могли заглянуть на три века назад, наверное, мы увидели бы нечто похожее на картину Рябушкина. Старомосковский быт показан им во всем неповторимом своеобразии его контрастов: великолепии белокаменных церквей и неслыханная грязь, праздничное богатство узорных одежд и крайняя простота и грубость нравов. Эти черты тогдашней жизни, известные нам по историческим документам, обрели в картине Рябушкина свою вторую жизнь.

Не зря имя Рябушкина всегда стоит рядом с именем великого Сурикова. Он был таким же прирожденным историческим живописцем, как и великий создатель «Боярыня Морозовой» и «Утра стрелецкой казни». Рябушкин принес в историческую живопись много своего, нового. Сурикова привлекало в истории героическое. Свои картины он посвящал значительным событиям русской истории или выдающимся историческим деятелям. В них повествуется о трагедии борьбы народа за свои идеалы и права, о столкновении сильных личностей, таких, как Меншиков или боярыня Морозова, со своим временем.

У Рябушкина мы видим совсем другое. Мирное течение повседневной народной жизни с ее исконными национальными обычаями, быт во всей его житейской простоте и красочности — вот что деликом захватывает художника и в чем он знает толк. Однако быт, повседневность он понимает как порт. Он ищет и находит в нем красоту и поэтическую прелесть.

Рябушкин родился в 1861 году в селе Борисоглебском под Тамбовом. Отец его был деревенским иконописцем. Этим же ремеслом занимался и старший брат художника. Изю дня в день мальчик наблюдал работу отца и брата. Наверное, он помогал им растирать и приготавливать краски, учился различать колеры (цвета). У него проснулась страсть к рисованию. Счастливый случай помог ему превратить это детское увлечение в жизненное призвание. В Борисоглебское приехал на каникулы молодой учитель рисования А. Х. Преображенский. Он обратил внимание на одаренного крестьянского мальчика, вынул его близким мыслью о необходимости учебы. В 1875 году он помог Рябушкину поступить в Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Здесь преподавали известные русские художники — Перов, Прянишников, Сорокин и другие. Здесь было много талантливой молодежи, из которой впоследствии вышел целый ряд выдающихся мастеров — Архипов, братья Коровины, Левитан, Нестеров.

Рябушкин, рано осиротевший, жил впроголодь, как, впрочем, и многие его однокашники. Но он был страстно увлечен учебой. Уже здесь, в стенах училища, его захватил интерес к русской истории. Быть может, немалую роль в этом сыграл известный историк В. О. Ключевский. Живо и образно рассказывал Ключевский о событиях и героях русской истории. Он был одним из любимейших преподавателей в училище.

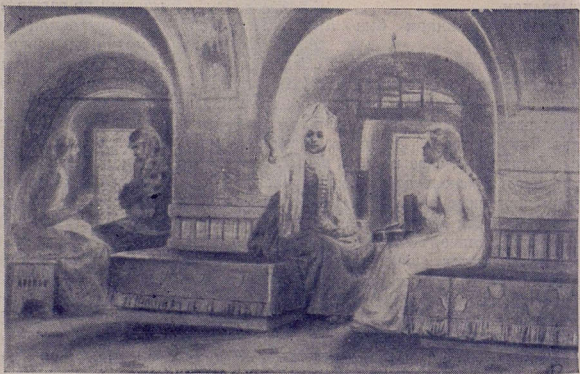
Рябушкин делал успехи. В тереме. Одну из его ученических работ купил П. М. Третьяков для своей уже тогда знаменитой «Третьяковки» («Крестьянская свадьба», 1880 г.).

В 1882 году Рябушкин поступает в Академию художеств в Петербурге: он хочет работать серьезно и упорно. Для заработка он сотрудничает в журналах.

Окончив академию, Рябушкин совершил поездку по старым русским городам, где внимательно изучал старину, причудливо переплетенную с чертами нового быта. Москва, Ростов-Ярославский, Киев, Романов-Борисоглебск, Ярославль, Новгород — вот какое путешествие по очагам древнерусской культуры проделал он в 1891 году.

Подобно своим учителям и старшим товарищам — передвижникам, Рябушкин посвятил свое творчество изображению народной жизни.

Ярмарочные дни, праздничные посиделки, ожидание новобрачных — вот сюжеты его бытовых картин. Он любил изображать ясные, солнечные дни, широкие поля и бескрайние дороги с группами празднично одетых крестьян, яркое лазурное небо с облаками, хороводы девушек и парней в нарядных одеждах, степенных стариков и старух. Конечно, Рябушкин, выросший в деревне и подолгу живший там после окончания учебы, знал, что в ней есть нужда, отчаяние, непосильный труд. В 1891 году он написал картину «Кабак», будто бы рожденную порывом сочувствия и искренней горечи. Убогое питейное заведение, такое же жалкое, как и одинокая фигура горемыки-крестьянина, задремавшего возле стойки. Приземистый потолок, голые стены, грязный пол, засыпанный окурками, ряды зловеще поблескивающих бу-

В тереме.

А. Рябушкин.

тылок — все здесь нагоняет тоску. Это правда. И она безысходна.

Глубоко волновало Рябушкина то прекрасное в жизни крестьян, что пронесли они сквозь века угнетения. В этом стремлении к радости, к красоте Рябушкин видел выражение духовного величия своего народа.

Прием Иоанном Грозным английского посла.

А. Рябушкин.

Нелегко дались художнику удачи зрелых лет. Его друзья вспоминали, как много и упорно он трудился, как безжалостно уничтожал десятки работ, в которых он не находил того, что хотел выразить. Он был тихий и скромный человек, очень одинокий, больной, с мягким характером и нежным сердцем. Но у него была необычайная целеустремленность в работе, он неуклонно шел к своему идеалу. Поэзия и радость вошли в его работы. В ярких соцветиях неповторимого рябушкинского колорита зазвучали особые краски крестьянской Руси — серый «северный» цвет с разбросанными по нему звонкими пятнами одежд: красных, розовых, голубых, желтых, в узорах, в крапинках, в цветочках, в горошинках.

Конечно, не игра цветов сама по себе занимала его воображение. В этих сочетаниях, наблюдаемых в жизни, прежде всего в деревне, для Рябушкина звучала тема красоты народа, красоты его быта и уклада жизни. Серая, деревенская улица, которая могла бы показаться скучной человеку, не умеющему видеть цвет, Рябушкину казалась прекрасной. Он видел, что эти деревянные стены и заборы, мытые-перemyтые дождями, сияют, как драгоценное серебро. Он любил серый цвет, скромный и ласкающий взгляд, как сама природа северной России. А когда по этой северной улице, по этому фону проходили деревенские девушки и парни в ярких одеждах, для него открывался целый мир красоты. Той красоты, которую он видел и в старых русских городах, построенных руками народных мастеров, в их архитектуре, соединяющей неудержимую красочную фантазию со строгостью; и в изделиях народных умельцев: в утвари и на пряхках, в набойках и в одеждах, в резьбе на избах — в

том бытовом искусстве, в котором народ веками выражал свой художественный гений.

И пестрый XVII век он любил потому, что в то бурное столетие окончательно сложились бытовые народные традиции, с их своеобразной эстетикой, с их грубоватыми и по-детски простодушными нравами и обычаями.

Рябушкин обладал поразительным даром понимания людей далекого прошлого. Верить, что именно таким был московский посадский люд и стрельцы XVII века, какими он изобразил

их в своих картинах. А бояре в картине «Сидение царя Михаила Федоровича с боярами в его государевой комнате» (1893)? Торжественно-медлительные в повадке, испаненные драгоценными камнями и закованные в золотую парчу, тяжеловесные в мыслях и быстрые в интригах, они воплощают и азиатски пышное чванство и простоватую грубость русского боярства. Таковы же персонажи картин «Семья купца XVII века» (1897) и «Шуба с царского плеча» (1902). Рябушкин и любитесь ими и иронизирует над ними, как это может быть только по отношению к людям, которых хорошо знаешь и видишь их слаботи. Вслед за Рябушкиным мы подсмеиваемся над хитрым царедворцем, удостоенным шубы с царского плеча за уголивость или за какие-то другие «заслуги»; его лицо так и расплылось в неудержимо тщеславной улыбке.

Изучая историю, Рябушкин неустанно наблюдал окружающую жизнь и людей. И это соединение исторической достоверности с живыми чертами, постоянно происходившее в ображениях художника, придавало жизненность и выразительность его персонажам.

Рябушкин жил уединенно, чаще всего в деревне, где у него была небольшая мастерская. Работа его поглощала. Друзей у него было мало, близких людей тоже. Он рано умер от чахотки. Ему было всего сорок четыре года. Многие его замыслы остались неосуществленными. Он считал, что только-только начал работать так, как ему мечталось. Об одной из своих поздних работ, о «Русских женщинах», он сказал одному из друзей: «Вот только теперь я увиделся».

Многого из того, что мог сделать, он не сделал. И все же его работы живут и будут жить.

ПЛАВУЧИЙ ЗАВОД

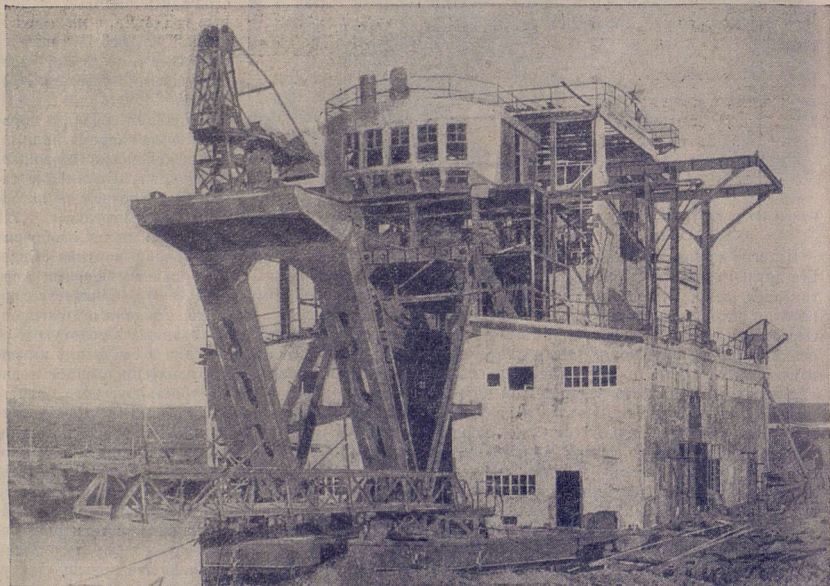

Фото И. Соловьева.

Слово «драга» я знал давно, а встретился с ней впервые в Сибири. Она изумила меня. Я увидел странное судно — что-то вроде большого дома на металлических понтонах со стрелой и рамой у носа.

Драга стояла у берега, покачиваясь на волнах, и непрерывная лента ковшей с грохотом и скрежетом вгрызалась стальными зубьями в скалистый берег реки, вбирала камень и песок в свое нутро, дробила, просеивала их сквозь несколько грохотов, промывала, и в особых шлюзах оседали крупинки золота.

За сутки съемщик собирал 100—200 граммов металла. Это вовсе не мало. Ведь в прежние время старатели промывали породу вручную, в деревянных лотках, неделями

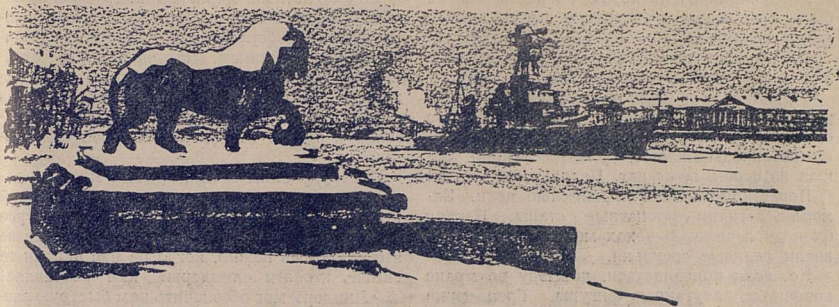
и месяцами. А добывали всего несколько граммов, и то если повезет.

Драга, которую я видел на Байкале, была сравнительно небольшая. Теперь на богатейших приисках нашей страны работают настоящие плавучие заводы, каких нигде в мире нет. Каждый перерабатывает в месяц сотни кубометров золотоносной породы!

Посмотрите на снимок. Это новая мощная драга в Ичужеевской долине Магаданской области, самая северная в Советском Союзе. Плавучий гигант скоро войдет в строй и даст стране первые килограммы драгоценного металла. Монтируют драгу комсомольцы — отважные покорители Крайнего Севера.

А. МОШКОВСКИЙ

Крейсер «Киров» ведет огонь по врагу.

ТЕНИ ДОЛГОЙ НОЧИ

Р. КАНДЕЛАКИ

Рисунки Р. Бойм

КАК ВОЙНА ПОДОШЛА К ЗАВОДУ

— Да, то была долгая ночь. Длинной в девяносто суток. Имя ей было **блокада**. Хотите, чтоб я рассказал? Тогда немного, только немного.

Есть воспоминания, которых и крепкое сердце не выдержит. И еще другие, о которых не скажешь никому. Но бывают и те, что как зарница. Вспыхнут, осветят все вокруг — и поймешь, что жил не напрасно...

...Высокий, стройный человек, неуловимо похожий в чем-то на Алексея Максимовича Горького, откинул волосы со лба и принял перелистывать старый, тяжелый альбом.

На альбоме фиолетовыми чернилами надпись: «1941—1943, Ленинград». Снимки чуть пожелтели. Это тот же Кировский завод. Только он другой, не тот, что сегодня. Как странно одеты эти изможденные люди! Какие у них впалые щеки, заостренные лица! Что за объявление крупно выведено на листке бумаги у заводских ворот? «Норма выдачи хлеба рабочим — 250 гр, служащим и иждивенцам — 125 гр, детям — 125 гр».

Зима 1941—42 года. Самое тяжелое время блокады. Самые малые нормы выдачи хлеба.

— Давайте расскажу, как со мной тогда было. Вот это я на снимке. Не узнали? Еще

бы, родная мать не признала бы! А рядом — «линдер». Что за «линдер», сейчас скажу.

Никто тогда не называл меня Евгением Францевичем, а все — Женька и Женька. Был я сын завода, из коренной путиловской семьи. Отец мой Франц Савич — вот он.

Видите старинную фотокарточку? Кудри светлые, буйные. Лицо умное, рабочее. Мой дед явился в старый Петербург в лаптях. Диковатым парнишкой из белорусских лесов. А отец встал к станку в те стародавние деньки, когда еще завод назывался Путиловским, а самой модной песней считалась вот эта: «Измученный, истерзанный заботой трудовой, идет, как тень заgrabная, наш брат мастеровой». Никогда не слышали?

Превосходная песня! Отец так душевно напевал, словно рассказывал про самого себя: «Он бьет тяжелым молотом, копит купцу казну...»

В Февральскую революцию отец вместе со всем народом ходил Ленина встречать. Видел Ильича на броневике. Слышал его выступления много раз. Запомнил каждое слово. Мне, мальцу, говорил:

— Помни, Женька, как вырастешь, заступишь на мое место, трудностей не страшись: завод теперь наш! Будешь работать с полной отдачей — народ тебя поддержит. То-

гда при всех обстоятельствах мы непобедимы.

Мы зажили очень хорошо, юность у меня была счастливая, а потом... я эти самые его слова вспомнил.

...В блокаду прифронтовая полоса начиналась сразу за воротами завода.

Оттуда била и била фашистская артиллерия по заводским корпусам. Все цеха скоро оказались израненными: стены в пробоинах, крыши продырявлены, электростанция вышла из строя, воды нет. Печальная картина!

Перестали дышать пыльные печи. Замерли, затихли прокатные станы. Первая блокадная зима. В цехах метель гуляет. Повисли ледяные сосульки.

Но, если приглядеться, повсюду во мраке копошатся закутанные фигуры. Греть руки над жаровней, делают кировцы главнейшее дело: куют оружие фронту. По ночам к нам прибывали по простреливаемой полосе бойцы. Ползли они по снегу в белых халатах, но вот беда, фигуры их отбрасывали резкие тени. И фашисты приспособились бить по теням на снегу. Когда живыми доползали, просили срочной подмоги: боеприпасов, мин. Мы под огнем осваивали технологию вещей, которых сроду не изготовляли. Учились ремонтировать подбитые танки, обгоревшие бронемашинны, изготавливать пушки. Откуда я знал, как точат мины? Однако если зайца бить, он выучится спички зажигать — есть такая поговорка. А фашист в те дни нас бил свирепо, неустанно. Мы не успевали товарищей хоронить.

Более всего людей стало падать от истощения. Это называлось «дистрофия». Я тоже худ был — кожа да кости. А работы все прибавлялось. Не хватало суток. Мы потеряли счет сменам.

А тут еще «линдер» встал. Что такое «линдер», теперь объясню.

Еще в светлые, мирные дни, трудясь на заводе, я освоил много различных специальностей: был фрезеровщиком, слесарем, расточником, долбежником, сверловщиком, заточником, токарем, карусельщиком. «Самородок» — тогда про меня написали. Лично я с этим словом не согласен: на таком замечательном заводе каждому дано быть самородком.

В канун войны к нам прибыл мощный заграничный станок «линдер», совершенной конструкции. На нем я в пять раз быстрее стал производить расточку деталей. И как же это оказалось важно, когда на нас напали те самые, кто эти «линдеры» нам поставлял!

«Линдер» мог обеспечить нам быструю расточку кондукторов и штампов, нужных для боеприпасов. Удалось подвести кабель, дать ток. Какое это было тогда чудо! Но у станка была своя особенность: при нулевой температуре переставал работать. Больно было до слез. Чего только мы не придумывали! Соорудили станку из щитов домик, утеплили его паклей. Но ведь не надышишь своими легкими внутрь нужного тепла! Станок бездействовал. А с фронта идут гонцы: скоро ли?..

Тут прибегают (нет, это я неверно выразился: притащился, насколько мог быстро) изму-

За водой на Неву.

ченный один товарищ и говорит радостно (а сам задыхается):

— На территории завода нашел маленький паровозик с котлом. Можно приспособить его для отопления.

Мы всей гурьбой покатали паровозик по рельсам, толкая его руками. Что это было! Ноги дрожали, пот тек градом, приходилось сменяться каждые три-четыре минуты. Старички, женщины, ребята — все помогали толкать маленькое чудовище. Докатали его до корпусов — вдруг рельсовый путь оборвался. Нету больше рельсов.

Придумали дощатый настил подостлать. Изобретали лебедки, всяческие приспособления, измучились вконец... Наконец докатали паровоз до «линдера». Набили снега в котел вместо воды. Подключили к старой обледенелой батарее. Топку загрузили... чем бы вы думали? Дубовыми шашками паркета: выломали в пустом здании.

И тогда коцегарами встали на вахту два старейших производственников: дядя Коля и дядя Миша. Дохнул котел теплом. Дело теперь за мной. Зовут дружно:

— Давай, Женя, давай! Иди, Женя, ставнись!

А я... не могу идти.

В ногах дрожь, в глазах затмение. Руку подниму — безжизненно падает. Странное творится со мной. Кругом слышу тревожный говор:

— Ел ли сегодня? Поддержать надо человека. Дистрофия. В больницу бы его...

Принял из заводской столовой «обед»: тарелку мутной горячей воды («дрожжевой суп»), кусок блокадного хлеба (на хлеб-то он мало бы похож).

Тут же я съел все это. Встал кое-как на ноги, двинулся к станку. В голове гвоздем одна мысль: кроме тебя, некому сделать точку на «линдере». Умирать сейчас не имеешь права.

Смотрю: с двух сторон поддерживают меня два старика за пояс. Подвели к рабочему месту. Встали по обе стороны.

— Держись, Евгений Францевич, — шепчут, — держись.

Вот оно, топливо!

Лица строгие, изможденные, а глаза светятся.

«Вот он, — думаю, — рабочий класс! Вот в чем его сила!»

Чувствую, крепко придерживают мое тело высохшие стариковские руки. Всю смену со мной отстояли.

Так «лидер» стал давать продукцию фронту, а я в те дни решил вступить в партию.

ЦЕНА ЗЕЛЕННОГО ЛИСТКА

Партком завода помещался в бомбоубежище. В воздушную ли тревогу, при артиллерийском обстреле, инженеры и рабочие все равно добирались туда, хоть ползком. Здесь билось сердце завода. Сюда прибывали распоряжения командования фронтом.

Странно было при свете копилки видеть эти исхудалые, но тщательно выбритые лица. Поношенные, но отглаженные костюмы. Чистые рубашки. Большое значение придавалось в те дни тому, чтобы люди не теряли облика. Вот какие, между прочим, решения выносились общим собранием коммунистов — сохранил тот листочек на память:

«Следить, чтобы мужчины брились. Ответственный Белов».

«Следить, чтобы все ежедневно умывались. Ответственный Станг».

«Следить, чтоб не забирали обеды вперед, дабы не голодали в конце месяца. Ответственный Звягинцев».

Крепко помогала держаться в строю такая дисциплина. Выстирать белье, помыться в блокаду тоже ведь было героизмом: дома каждого ждала темная, как пещера, ледяная комната. Топили мы печурки старой мебелью, хламом, бумагой. Растапливали снег, приводили себя в порядок.

Трамвай давно стояли. Ранним утром все рабочие на заводе тащились долгие километры пешком. Немцы, хорошо изучив маршруты ленинградцев, начинали артиллерийский обстрел дважды в день: когда люди шли на работу и с работы. Тут больше всего жертв бы-

Хлебный паек.

ло. Однажды в начале смены мне кто-то сообщил:

— Женья, слышал, твой дом разбомбил!

Я отпросился, пошел домой. Смотрю, на знакомом месте — три огромных черных воронки. Ничего более. Хорошо, думаю, семья моя на Урале. А другим каково?

Стою оцепенелый. Вдруг вижу: сосед. Живой-здоровый. Необыкновенный случай! Вернулся человек домой прямо с ночной смены. Повалился измученный, спал так крепко, что не слышал удара. И не почувствовал, как выкинуло его вместе с койкой на мостовую. Спланировал спящий со второго этажа в кровати и проснулся уже на мостовой.

Смотрим друг на друга, хотим рассмеяться — не можем. Смех в те дни слишком утомлял.

Белые ночи над Ленинградом. Сирень цветет как ни в чем не бывало. Нам же только горше от светлых ночей: мы у немца как на ладони. Белые ночи страшнее черных. Однако постановление большевиков завода: «Огороды вскопать и засеять, капусту и картофель сажать. Думайте о ваших близких! Врагу не удивить нас голодом».

Старики семидесятилетние — из тех, кто уже не мог работать в цехах, — вскопали и засадили десятки гектаров. Рядом рыли для себя щели, укрытия. Слышал не раз их мирные переговоры:

— А что, сосед, стрельба началась, может, в щель укроемся?

— Успеем! Еще поработаем, пожалуй. Далековато снаряды ложатся.

А «далековато» — это метров пятьсот или шестьсот. Оттуда уже летят вверх черные фонтаны земли. Потом, выползая из укрытий, обнаруживали сбитую ботву драгоценной свеклы, изуродованные кочаны капусты. Вздыхали. Однако не отсюда ли пошла бодряя поговорка военного времени: «Пуля капусту не портит»?

На заводе работали сотни подростков. Их направляли к нам на завод с одной и той же справкой: «Отец на фронте, мать погибла». Или: «Родные погибли. Примите, устройте». Блокада всех ребят истощила. Выглядели новые работнички до того маленькими — приходилось пристраивать скамеечку, чтоб руками могли доставать станки.

Начинаешь обучать такого — жалость берет: куда там, не справится! Однако проходит некоторое время, смотрю: парнишка начинает давать план! Хорошо, думаю, вырастет из хилого росточка настоящий кировец! А до чего проворны ребята на-всяческую помощь оказались!

Весной собирали вокруг завода дикорастущие растения, травы и, набивая всякой зеленью сотни мешков, тащили (иной раз ползком, под свист пуль) в заводскую столовую.

Так появилось у нас удивительное меню: щи из подорожника, поре из крапивы, капустный шницель, биточки из лебеды, бифштекс из свеклы.

Заглядывали военные соседи. Всё друзья-товарищи. (Кировский завод дал ведь фронту целую дивизию!) Удивлялись:

Блокадное лето. Огороды на Марсовом поле.

— Для чего так пишете: «биточки», «бифштекс»? Не раздражает ли это людей?

— Нет, — говорим, — не раздражает. Это для психологии.

Услышал такие слова наш ополченец Александр Андреевич Буштырков, замечательный агитатор: как никто, умел он словом доходить до человеческого сердца. Говорит:

— Обязательно надо рассказать партизанам про эту самую психологию.

Ему горячо отвечал ветеран завода Василий Васильевич Васильев («Трижды Василий» по прозвищу):

— Враг всего в четырех километрах отсюда. Но при такой поддержке мы выдержим. Никому не поставить нас на колени! Живет и вечно будет жить великий русский народ!

В такую зябкую весеннюю ночь у немцев по другому поводу дрогнула и впервые закачалась уверенность в том, что можно бедствиями одолеть Ленинград.

Вот как пленный фриц рассказывал:

— Мы с Куртом вышли на высшую точку. Я встал на крышу блиндажа. Сырая ночь. Капель. Жадно смотрим, как и все наши, в сторону осажденного города; там все тихо, чер-

Зенитки у Исаакиевского собора.

Однажды под прикрытием огня нашей артиллерии пришло на Кировский завод двести подвод с продовольствием. Двести подвод настоящей еды! Дар заводу от колхозов Ленинградской области. Что тут было! Тысячи людей вышли встречать обоз: женщины с исхудалыми лицами, мужчины с восковой кожей на острых скулах, но улыбающиеся, старики со слезами радости на глазах. И наши неугомонные ребята. С каким восхищением они глазели на партизан!

Помню, главный партизан с огромной силой говорил горячую речь:

— Мы не только достали и провезли под носом у фрицев продовольствие. Мы бьем и будем бить фашиста с тыла. Держитесь! Вся страна шлет ленинградцам драгоценные грузы, множество их скопилось у разных станций. Немецкое кольцо блокады преграждает путь. Но скоро, скоро наша армия взломает кольцо, и тогда...

но, мертво. Вдруг видим: бегают над городскими крышами голубые вспышки, отсветы.

— Что такое, Курт?

Курт тоже вскинул на крышу:

— Черт возьми, Фалькенхорст, не это ли новое секретное оружие русских? Я что-то о нем слышал. — Вгляделся в бинокль, выругался и закричал: — Нет! Хуже, пожалуй... Они... знаешь, они пустили трамвай.

— Русские пустили трамвай? При такой блокаде? Зачем же мы с тобой мерзли здесь всю зиму на этих страшных болотах? Зачем растут леса крестов на нашем дивизионном кладбище? Зачем кричим об их полной гибели, о нашей победе, если они в конце блокадной зимы пустили трамвай?

Это я услышал по радио. Шел, слушал, да же, кажется, попытался что-то бодрое свистеть.

Коммунисты завода сообщили о новом задании военного командования: провести ис-

пытание модернизированной полковой пушки. Трудно, сложно. А мы переговаривались:

— Слышал? Пушку новую испытываем! Значит, крепко стоим. Значит, блокаде скоро конец.

Держались дружно, плечом к плечу. Один упадет — другой заменит. Моему другу, бывшему моряку Владимиру Якуповичу Карасеву, начальнику участка, то и дело случалось заменять ослабевшего рабочего. Или, например, наш технолог: видел, как поблелел, как на его глазах падает сварщик. Отправил ослабшего в стационар, а сам выполнил за него все сварные работы.

Что такое был заводской стационар?

Маленькая больница для истощенных и дистрофиков. Мне тоже пришлось туда попасть. Поначалу казалось сказкой: тепло, полный покой, чистая постель, уход. Даже некое «усиленное питание»: тарелка каши. Но слишком медленно прибавлялись силы. Слушаешь грохот канонады над Ленинградом, и томит нетерпение: как там в цехе без меня управляются? Совестно лежать. Вроде зря. Тогда я стал тренировать пальцы, сгибать и разгибать руку, стараясь вернуть ей рабочую сноровку.

Подойдет бледный врач в белом халате, чуть улыбнется:

— Потерпите! В цехе не будет у вас ни режима, ни питания.

А какой ценой оно доставалось иной раз, это «усиленное питание»!

Долго лечили, поднимали на ноги нашего инженера Путьрского. Наконец поправили. А он, чуть стал ноги передвигать, взял лопату — и на заводской огород.

— Куда вы, Иван Лукич? — кричат ему и машут. — Вам еще рано!

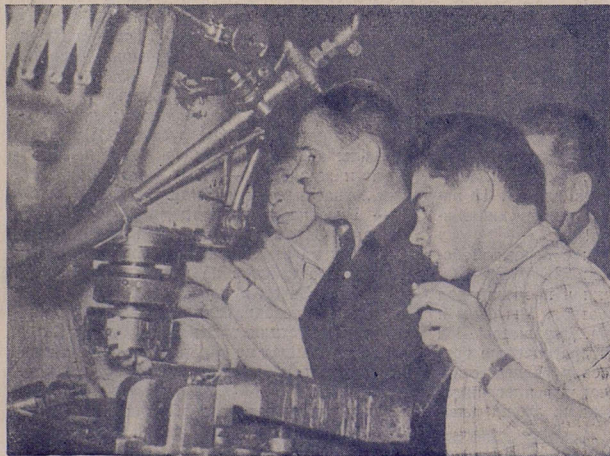
Он же шуткой отвечает: меня, мол, поправили свежие овощи, должен и я теперь кого-то выгнать.

Фронт в четырех километрах, а он будто про это забыл. Копал себе, копал... Вдруг шальной снаряд, разрыв. На развороченном огороде лег, будто отдыхая, наш Иван Лукич, поливая гряды своей кровью.

ВСТРЕЧА НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ

«Мы смерти не испугаемся, пускай она нас испугается» — так было сказано в обращении кировцев к населению Ленинграда. Поневоле задумаешься. Что давало такую крепость людям, откуда черпали они уверенность, не покидавшую их в эти страшные девятьсот дней? На этот счет хотелось бы одну легенду рассказать.

Довелось ее слышать в разных вариантах: от бойцов, от партизан и от наших заводских ребят. Раненые в госпитале передавали — тоже каждый по-своему. Решительно

Кировский завод огромный, все равно что город. Но нет на заводе рабочего, который бы не знал Евгения Францевича. К нему отовсюду стекаются люди — поучиться, посмотреть. Ведь это он ввел на заводе скоростное фрезерование. Изобретенная им фреза известна всему миру. Вот почему так жадно приглядывается этот парнишка к тому, что показывает замечательный рационализатор, лауреат Государственной премии Евгений Францевич Савич.

все ленинградское население подобный случай знало.

Мне больше всего понравилось, как военный корреспондент записал. Не посетует он, если передам его же словами?

«...Мы решили тогда, что конец. Лежим цепью — снизу болото, сверху дождь частит. Вода воду моет. И встать нельзя: место пристреляно. Бьют из орудий, из пулеметов, из винтовок. К тому же у нас патроны на исходе. По цепи передают: политрук убит. Рядом со мной в болотной ржавице студент-ополченец лежит. Парень смелый, крепко держался. Все шутил. Вдруг мой студент побелел. Спокойно говорит:

— Теперь все. Меня убило.

— Что ты врешь! — говорю.

— Нет, не вру. Анатолию я сдавал, сам знаю, какая рана смертельная.

Открыл вдруг широко глаза, вперед руку простер.

— Он! Он! Смотри. Видишь?

Вижу: броневик вдали выходит из дождя, на мокрой броне солнце купается, башня круглая, знакомая такая... Студент мой еще шире открыл глаза, поднимается во весь рост и рапортует:

— Владимир Ильич! Мы стоим до последнего.

— Ложись ты, — кричу, — сейчас бинтовать тебя буду!

А он упал и уже не дышит. По-

нял я, кто умирающему померещился на броневике. Сердце у меня у самого дрогнуло, весь обмер. Вместе с тем чувствую гордость, прилив духа.

И что же: за броневиком бегут наши, винтовки наперевес, русское «ура» — и вышибают фрица самым настоящим образом — атакой. Больше ничего не помню. Очнулся в госпитале. Только слышал после от многих других бойцов:

— Известное дело, где совсем плохо, туда ленинский броневик идет».

...Евгений Францевич встал и толкнул раму окна. Свежий ленинградский день вошел в нарядный дом на проспекте Стачек, где ныне живут кировские рабочие.

Ветер ворвался в комнаты вместе с запахами цветов, травы, отдаленного моря. Донес смех ребят, играющих в парке, звон оркестра на проспекте, шум великого города.

Евгений Францевич захлопнул старый альбом:

— На этом закончу. Хватит о той бесконечно долгой ночи. Не бывает больше войне! Сегодня на Кировском заводе изготавливают сверхмощные турбины, трелевочные тракторы, гиганты-вездеходы для освоения Антарктиды. Мирные машины для мирного труда.

ЗВОНОК

Мих. САДОВСКИЙ

Есть два звонка.
Один звонок
Кричит:
— Ребята, на урок!

Пусть он не вовремя
Всегда,
Но что он хочет — ясно.
Да!..

Другой звонок —
С урока,
И с ним
Всегда морока.

То прозвучит он
В тишине

Сахары или Гоби,
То гунов встретит
На войне
И остановит строго,

То
Разобьется о клыки
Раскопанного мамонта,
А то
Не даст списать с доски
Последней фразы
грамотно...

Но
Если тянется урок,
Сломался, кажется,
Звонок.

13 БАГАРИНЫХ ОДИН ТИТОВ

Я. ГОЛОВАНОВ

Фото И. Гричера.

«Космос», — пишет Эмербек.

Когда я был мальчишкой, мне довелось «бывать» на Луне. Мы с ребятами из нашего класса сидели внутри огромного серебряного яйца Московского планетария и, затаив дыхание, следили, как с необычайной быстротой наступал вокруг нас вечер. Темнота все сгущалась, становилась все плотнее, тяжелее, словно кто-то неслышно выкачивал из-под высокой сферы зала свет. И вдруг прямо перед нашими глазами ярко вспыхнула картина Луны. Широкие каменные плато, прорезанные глубокими черными трещинами, тянулись к далеким острым горам на горизонте. Ни дерева, ни кустика, ни самой малой травинки не поднималось на этих мертвых камнях. Ничего живого не было видно, и, глядя на картину эту, сразу чувствовалось, что живое не попряталось от наших глаз, не укрылось в норках и расщелинах, а что его просто нет и быть здесь не может.

Такою я запомнил Луну...

Прошло много лет. И снова я увидел Луну. Это случилось в Горном Бадахшане, на Памирском тракте.

В школьном географическом атласе, там, где напечатана физическая карта нашей страны, Горный Бадахшан — самое темное пятно. Ни одного зеленого островка. Черные нитки рек, а кругом все коричневое —

горы. С Горным Бадахшаном граничит Афганистан и Китайская Народная Республика, а с вершин гор на границе видны снежные пики Индии. Вот тут, в Горном Бадахшане, и увидел я Луну.

Наша машина «ГАЗ-69» миновала Кызыларт — один из самых трудных перевалов Памирского тракта — и, петляя, понеслась вниз с высоты 4280 метров. А через несколько часов мы уже ехали по Маркансу.

Мне много приходилось путешествовать, и я видел самые дикие и глухие места. Видел даже Сахару — главную пустыню земного шара. Но нигде не видел я природы более мертвой, более чужой живому, чем Маркансу.

Маркансу — пустыня в горах. Песок. Спаленная солнцем глина вся в узоре черных трещин. Здесь ничто не растет и, кажется, никто не живет. И если бы не белые снежные вершины далеких гор на горизонте, то совсем легко можно было бы представить себя космонавтом на Луне. Но на Луне нет снега, и, когда видишь горы, снова начинаешь верить, что под ногами Земля...

И вот после всего этого отчаяния пустыни — блестящая поверхность соленого озера и глинобитные домики колхоза «Каракуль». Колхоз «Каракуль» животновод-

ческий. Чабаны пасут отары овец на высокогорных пастбищах, и ребята, с которыми мы познакомились в школе, подолгу не видят своих отцов и старших братьев.

Школа имени Чкалова в «Каракуле» — маленький глинобитный домик с маленькими окошками, жарко горящими в лучах солнца. Мы вошли в класс, и ребята встали, как встают, когда входит учитель. Наверное, они подумали, что мы новые учителя или какая-нибудь строгая комиссия из Мургаба. Поэтому они сразу притихли, старательно развернули тетрадки, энергично и громко начали тыкать перьями в чернильницы-непроливашки.

Мы не понимали того, что писали ребята, потому что писали они по-киргизски. Учитель сказал, что сегодня первый раз пишут они новое, но уже хорошо знакомое им слово «космос». Да, да, эти ребята еще никогда в жизни не видели дерева, но слово «космос» они знают хорошо. По-киргизски оно звучит так же, как по-русски. И когда мой товарищ Илья Гричер спросил Эмербека Байгадиева, кем он хочет стать, когда вырастет, Эмербек уверенно сказал:

— Гагариным!

— А кто еще хочет стать Гагариным? — спросили мы.

— Я! И я! И я! — разом закричали ребята и потянули вверх руки.

В классе стало шумно и весело. Ребята поняли, что мы никакая не комиссия...

Только одна девочка, которую звали

Аджиар Ахматова, руки не подняла и ничего не кричала.

— А ты не хочешь стать Гагариным, Аджиар? — спросил я.

— Нет, — ответила девочка. — Я хочу стать Титовым.

Если бы мы приехали в колхоз «Каракуле» после полета Вали Терешковой, Аджиар, конечно, назвала бы ее. Но это было до полета Вали, и когда Аджиар назвала Титова, все ребята засмеялись. И мы тоже засмеялись.

Потом мы разговаривали. Эмербек (очень он шустрый парень, этот Эмербек) рассказал о своем отце-чабане, о том, как он ходил с отцом на охоту и как отец убил трех архаров — диких горных баранов с толстыми крутыми рогами. Еще рассказал он о своих друзьях и помощниках на охоте — лохматых псах Байгаше и Каблане. И еще много разного интересного, конечно, мог бы рассказать нам Эмербек, но учитель стал посматривать на часы, и мы поняли, что нам пора уходить: надо было продолжать урок. Тогда мой товарищ Илья сфотографировал на память Эмербека, и мы ушли.

Когда позади остались последние домики «Каракуля» и дорога полетела навстречу самому высокому перевалу Акбайтал, мы с Ильей молча переглянулись и засмеялись: вспомнили тринадцать Гагариных и Титова, которые живут на краю пустыни Маркансу — земли, похожей на Луну.

Вот здесь, рядом с Памирским трактом, живут и учатся эти ребята.

Фазиль ИСКАНДЕР
Рисунки Ю. Кискачи.

Штаны собака разодрала.
А мне на новые штаны
Не находилось матерьяла
В тот год по случаю войны.

Но выход есть. И в самом деле
Кройла мама до утра,
Пустив в расход для этой цели
Кусок старинного ковра.

Зелено-зубчатые листья,
Затейливый узор канвы,
Лиловых виноградных кисти
Проглядывали из листы.

Смущенный несколько штанами,
Оглядывая те штаны,
Я думал, хлопая глазами:
«Пожалуй, слишком зелены».

Потом пытался я в молчанье
Представить их со стороны.
Но вот пришли одноклассчане
И долго щупали штаны.

Рванула, фыркнула, смутилась.
Сверкнули желтые глаза.
И оскорбленно удалилась
Недоуменная коза.

Я взял тот случай на заметку.
С тех пор на мельницу осел
За мной, как за зеленой веткой,
Вытягивая морду, шел.

...Но вот решили в город ехать.
От самой станции пешком
Шагал я, щелкая орехи,
С живым под мышкой гусакон.

Глядел автобусам вдогонку,
Глотая пыльный ветерок...
И тут-то встретилась девчонка,
Я не узнать ее не мог.

Я раньше с ней учился в школе,
Но, разлучась на много дней,
Я смутно, празднично, без боли
В деревне вспоминал о ней.

Зеленые штаны

И вывод был у всех единый:
— Штаны, что шкура, не дичись!
Вполне добротные штанны,
Хоть по камням волочись.

Я головой кивал согласно
На веский вывод знатоков.
А вскоре выступили ясно
Достоинства моих штанов.

Среди ребят, как бы ведущий,
Уже посподу знаменит,
Лозою, круглый год цветущей,
Я был, как дерево, обвит.

Пыльцой цветочной опыленный,
Кружил, ходил на голове,
Поскольку цвет штанов зеленый
Нельзя зазеленить в траве.

Однажды вышел случай глупый.
Коза, забыв и стыд и страх,
Зеленый лист, оскалив зубы,
Рванула на моих штанах.

Но головой кивнув обманно,
Коварно опустив глаза,
Девчонка фыркнула нежданно,
Как деревенская коза.

Я взять хотел ее за ворот,—
Но улыбался весь квартал.
Я понял горестно, что горд
Моих штанов не понимал.

В зоопарке узнал я, не в школе:
Умирают фламинго в неволе.

У директора вечно волынка:
Нарушается план по фламинго.

Умирают без шума, без жалоб...
Что ей, птице, на ножке стояла б!!

В теплоте электрической грелки
Подуются лягушки в тарелке.

А на стенах от края до края
Виды все африканского рая.

Виды разные — и пампасы,
Травы красные, как лампасы.

Над фламинго кричат попугай,
Колорит создавать помогаю.

Жизнь прекрасна. Одна лишь заминка:
Умирают в неволе фламинго.

Тамо Рус и его жизнь

Это большая книга. И рассказывает она о большом и замечательном человеке. В истории путешествий, очень пестрой и богатой приключениями, не было такого второго героя, как тот, о котором написала Лидия Николаевна Тьянянова книгу «Друг из далека».

Должен сказать, что я прочитал не один рассказ о Николае Николаевиче Миклухо-Маклае — этом замечательном путешественнике, о его жизни на далеком, затерянном в океане острове, о том, каким другом был он туземцам, как мирил

их, предотвращая войны между ними. Они звали его Тамо Рус — человек из России.

Тьянянова поставила своей целью изучить и собрать самые-самые маленькие черточки этой удивительной судьбы, мельчайшие ее подробности. Сегодня все мы можем судить о том, как справилась она с этой задачей. Книга написана. И несмотря на то, что я много читал о Миклухо-Маклае, я с большим интересом читал эту новую повесть.

Советую вам, не откладывая, взять книгу в библиотеке, принести домой, раскрыть, а дальше — дальше вы уже сами сможете оторваться от этой книги.

В ней есть все: и приключения, и правда жизни, и голубой океан, и зеленые острова, и удивительные люди, и многое, многое другое, о чем я не имею возможности рассказать, но что вы непременно узнаете.

И. РАХТАНОВ

Копилка Джима Гопкинса

А. КАРДАШОВА

Рисунки Г. Филипповского.

Джиму десять лет, но он выглядит совсем как взрослый. Длинные брючки аккуратно отутюжены. Синий пиджачок сидит, как влитой, на его детских плечах. Белоснежный воротничок, темный галстук, до блеска приглаженные волосы, солидное выражение черных глаз на круглом лице.

Никто из живущих в замке никогда не видел, как Джим, пробегая по галерее, шелкал пальцем стоящего в углу рыцаря. Джим делал это тайно. Щелкнув, он прислушивался, какой получится звук. Звук получался, как от щелчка в пустую кастрюлю. Рыцарь то был внутри пустой, в углу стояли только железные латы рыцаря!

Да, вы еще не знаете, что Джим Гопкинс живет в замке? Вы, может быть, думаете, что Джим — сын миледи и милорда, владельцев замка? Нет, он даже не доводится им родственником, а сами миледи и милорд живут не то в городе, не то где-то за границей. Но

замок у них в это время не пустует. Они правильно рассчитали, что найдется немало англичан, которые захотят за умеренную плату стать лордами. Правда, не навсегда, только на субботу и на воскресенье. Если постараться всю неделю тратить поменьше денег, можно скопить столько, чтобы в субботу поехать в замок.

К широкой террасе замка подкатил черный квадратный таксомотор. Пожилой шофер вышел и предупредительно открыл дверцу. Вытянув ногу в светлой туфельке, на дорогу шагнула старенькая леди. Она была в розовой шляпке, из-под которой выглядывала пушистая челка. Среди дряблых щечек старушки затерялся маленький рот и маленький нос, а темные глазки, живые и цепкие, так и бегали, так и бегали. Вслед за старушкой появился одетый в серый костюм старый джентльмен. Шофер вынул из машины сумку и корзинку, а также два тонких, как пикси, зонтика. Приезжие подошли к террасе.

С ситцевой в цветочках подушки, лежащей на плетеном кресле, прыгнул огромный, как собака, кот. Он был коричневый с желтым и белым. У старой леди вспыхнули глазки: конечно, это кот милорда, владельца замка, а она и ее супруг — гости милорда и миледи. Их, как гостей, встречает аристократический кот, вытягивая поочередно задние лапы в пышных белых штанах. Но, оторвав глаза от великолепного зверя, старушка восторженно ахнула. Перед ней на террасе стоял безукоризненный маленький джентльмен. Это сын лорда или племянник лорда, на меньшем старушка не могла помириться. Это был Джим Гопкинс. Он сказал: «Мадам!» Он знал, что к дамам принято обра-

щаться по-французски. Джим взял у шофера вещи и пронес их через террасу в холл. Там всю компанию встретила горничная в кружевной наколке, белом передничке и в туфлях на тоненьких каблучках. Она очень понравилась старой леди: настоящая горничная лорда! Джим передал ей вещи.

— Какой милый маленький джентльмен! — Старушка сложила свой ротик в сладкую улыбочку и потрепала Джима по щеке. Она все-таки поняла, что к аристократам этот мальчик не имеет отношения и, порывшись в сумке, дала ему монету. Джим поблагодарил и сунул ее в карман.

— А не можешь ли ты, мой дорогой, — спросила старая леди, — прийти сюда через час, когда мы уже отдохнем с дороги, и показать нам замок и парк?

— Да, мадам, — сказал Джим, кланяясь и отступая. — Да, мадам!

Старички пошли вслед за горничной, а Джим побежал на задний двор. Там служащие замка разгружали огромный серебристый фургон с продуктами.

На крыльце стоял отец Джима, старый Гопкинс, официант. Он стоял в непривычной для него позе, распрямив согнутую спину и как бы осев на слегка расставленных ногах. Голова была откинута назад, очки подняты на лоб. Если взглянуть на них вместе, на старшего и младшего Гопкинсов, можно легко себе представить, каким был в детстве старший Гопкинс и каким может со временем стать младший. Старший Гопкинс очень худ. От постоянной беготни с тарелками и блюдами не потолстеешь! Короткий нос Гопкинса, ввалившиеся щеки и большие черные глаза, глубоко сидящие подо лбом, придают его лицу сходство с черепом.

Джим подошел и повертел перед глазами отца полученной монетой. Тот опустил очки, оглядел монету и, улыбаясь, отдал ее обратно Джиму — положи в свою копилку! Джим рассказал отцу о предложении старой леди показать ей парк и все достопримечательно-

сти поместья. Отец, довольный, кивал головой: малыш начинает зарабатывать!

В назначенное время Джим поджидал миссис Старушку и мистера Старичка — так он их называл про себя — на широкой террасе замка.

Вдруг он услышал свист, виноградные листья над перилами раздвинулись, и среди них появилась рыжая от веснушек физиономия приятеля Джима, сына судомойки. Джим, в общем, любил приятеля, охотно играл с ним на заднем дворе и ловил рыбу, но считал его ниже себя. Сейчас, когда Джим, в хорошем костюме, с огромным ключом от фамильной часовни лорда, ждал леди и джентльмена, чтобы показать им достопримечательности, ему не очень хотелось разговаривать с сыном судомойки. Джим, оглядываясь на дверь, откуда вот-вот должны были выйти леди и джентльмен, подбежал к краю террасы.

— Ну что?

— Приехали частные рыболовы! — зашептал приятель. — Полисмен уже на берегу! Бери удочки, пойдем, будет потеха!

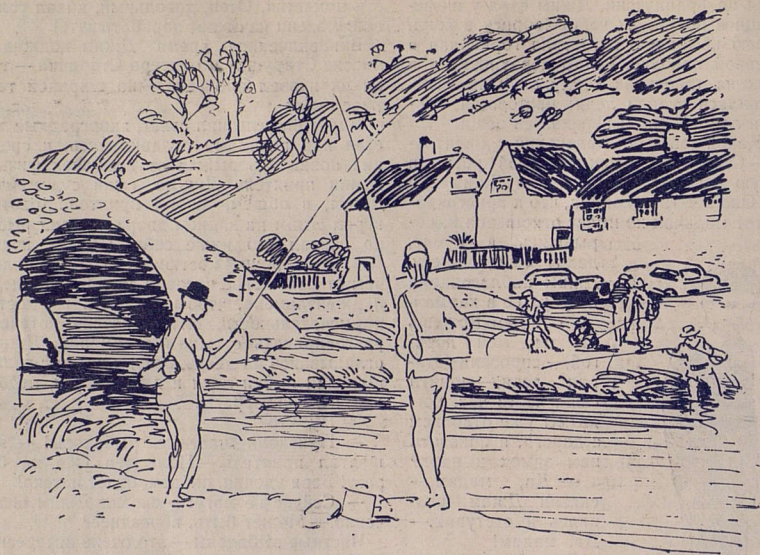
— Сейчас не могу! — сказал Джим огорченно. — Может быть, попозднее?

Частные рыболовы — это очень интересно. Рыболовы приезжают из города на машинах и снимают за плату часть реки, где они могут без помехи ловить рыбу. Конечно, полисмен охраняет этот кусок берега от мальчишек. А для них самое интересное — уловить минутку и закинуть удочку где-нибудь совсем рядом с городскими рыболовами. А уж если удается на их глазах бесплатно вытащить рыбку — это большая победа. Конечно, полисмен ловит «паршивых мальчишек», и, конечно, они всячески стараются его обойти: прячутся за кустами, перебегают с места на место. Однажды сын судомойки просидел в воде так долго, что чуть не задохнулся. Но зато он здорово обошел полисмена! Все это очень весело. Главное удовольствие, конечно, тут не в ловле рыбы, а в том, чтобы досадить рыболовам и провести полисмена.

Джим не знал, что делать. Больше всего ему хотелось побегать с «паршивыми мальчишками» на берег, но, с другой стороны, солидно позванивая большим ключом, показывать гостям замка старую часовню и объяснять, кто там похоронен, это тоже неплохо!

В это время широко раскрылась высокая стеклянная дверь, и из нее выплыла, сладко улыбаясь, еще более нарядная миссис Старушка. За ней шел, опираясь на зонтик, мистер Старичок в соломенной шляпе.

«К тому же они заплатят!» — подумал Джим. Сделав знак приятно исчезнуть, Джим подошел к леди и джентльмену, надеясь поскорей с ними разделаться и заставить рыбную ловлю. Они сошли с террасы.

— Ах, — сказала миссис Старушка, увидев огромную секвойю, — я не знала, что на свете есть такие высокие деревья!

Она всплеснула сухонькими ладонями и запрокинула голову. Джим подобрал шишку, валявшуюся под деревом, и услужливо протянул ее старой леди. У той засверкали глазки — сувенир из поместья лорда!

«Много водить их по парку не буду, — соображал Джим. — Сами потом погуляют. Покажу им часовню и старую карету лорда. Этого будет достаточно, чтобы получить монету».

Розовая Старушка и серый Старичок шли по мягкому, низенькому газону вслед за солидно шагающим человечком в безукоризненном костюме.

Вот и часовня, зеленовато-серая, вся увитая виноградом. Джим вынул из кармана ключа, но миссис Старушка молитвенно сложила ручки и уставилась мигающими глазами на рельефные украшения часовни.

«Долго она так простоит?» — хмурился Джим, вертя в пальцах ключ. Наконец Старушка вздохнула и опустила руки. Джим вложил ключ в черную скважину, схватился за него двумя руками, и ключ со звоном повернулся. Медленно отворилась дверь, и Старичок со Старушкой утонули во мраке. Только небольшая полоса света из узкого высокого окошка с трудом пробивалась сквозь толщу пыли. Старушка сразу перестала шепетать, как птичка в клетке, которую накрыли темным платком. Оглядев шись, она пощупала сиденья скамеек, рядами стоявших в часовне, и тут же вытерла руки о платок. Сиденья были кожаные, но до того старые и гнилые, что сквозь трещины в коже вылезали волос и пружины. Все же Старушка села на скамейку и стала смотреть вперед. Старичок начал разглядывать надписи на стене, на которые падал мутный луч света.

Джим вел себя здесь совершенно свободно. Он, громко топя, пробежал мимо скамеек и вскочил на каменное возвышение в глубине часовни. На нем, чуть различимый в полумраке, лежал каменный человек со сложенными и поднятыми вверх ладонями.

Джим постучал по возвышению ключом и сказал:

— Здесь похоронен прадед нашего лорда. Вот его фигура.

Считая, что для Старушки и Старичка этой речи вполне достаточно, Джим спрыгнул с возвышения и побежал к выходу. Но Старушка и не думала уходить. Она плотно сидела на полустлевшей, пыльной коже скамейки, сложив руки и закрыв глаза. На лице ее было полное блаженство: миссис Старушка воображала себя неутешной вдовой каменного лорда на возвышении. «Она так заснуть может,— забеспокоился Джим, которому не терпелось удрать на реку.— Может быть, подействовать через Старичка?»

Но Старичок, приложив к глазам старинный лорнет, так и прилип к надписи на стене. Джим подошел к Старушке поближе. Да, определенно засыпает. Сложенные руки качаются, голова опускается. Не тащить же ее силой! Надо что-то придумать!

В это время за окном часовни промелькнуло острое крыло ласточки. У Джима блестящая идея.

— Мадам,— кричал он Старушке в самое ухо,— здесь летучие мыши!

Старушка встрепелась, вскрикнула и выпорхнула из часовни. Старичок за ней. На свежем воздухе Старушка отряхнулась и пришла в себя. Джим объявил:

— Сейчас я покажу вам старую фамильную карету лорда!

Лицо Старушки снова стало сладким, она воскликнула: «О-о-о!»— и охотно засеменила вслед за Джимом. Джим все ускорял и ускорял шаги: ему было некогда.

В большом каретном сарае стояла высокая черная карета.

— Вот,— сказал Джим,— здесь место кучера, а внутри сидели милорд и миледи.

Он сразу почувствовал, что этого не надо было говорить. Разве Старушка упустит случай побыть хоть минутку на месте миледи?

— Дорогой мой,— сказала она, подбирая юбку,— помоги мне взобраться на эту высокую подножку!

— Мадам, но там пыльно!— кричал Джим. Он забыл, что пыль Старушке ничем. Она уютно уселась в карете и пригласила к себе Старичка.

«Я пропал!»— подумал бедный Джим.— Они могут просидеть там час или больше». С горя он взобрался на козлы. Эх, и далеко

было кучеру видно отсюда! Отец рассказывал, карету запрягали парой серых в яблоках коней. Джим разобрал воображаемые вожжи и представил себе внизу серые, в пятнах спины коней, они мчатся по дороге, все назад и назад убегают кусты, холмы, поляны, серые стада овец... Да, все это хорошо, но пора вытаскивать старичков из кареты. Тут позади послышалось тонкое чиханье и голос Старушки:

— Малыш, помоги мне!

Джим скатился с козел и помог выйти старрой леди, шляпа которой стала уже серой от пыли.

Теперь надо отделаться от них совсем. Джим сказал:

— Я провожу вас в самую красивую аллею парка, и вы там погуляете без меня.

Но Старушка не слушала.

— Какие прелестные, старые деревья! — говорила она, задирая свою птичью голову. — Это дуб или граб?

— Это, кажется, ясень, — торопливо отвечал Джим. Он думал: как бы удрать? Удрать можно, хоть сейчас, а монета?

— Мадам, я могу идти?

— Да, мой друг, — рассеянно и грустно отвечала Старушка, отпуская его царствен-

ным движением руки. Она даже не взглянула на Джима. Она мечтательно глядела вверх.

Хорошо, а монета?

У Джима даже вспотел затылок, так ему хотелось скорей на берег. Там, наверное, приключения в самом разгаре, а надо еще сбегать за удочкой и переодеться. Но он не уходил. За Старушкой следом шел Старичок. Джим медленно шагал за ним, а внутри у него все кипело.

«Старые, пыльные чучела! — мысленно бранился он. — Как же мне вытряхнуть из вас монету?»

Старичок обернулся и ласково покивал Джиму:

— Так ты решил еще погулять с нами? Джим не выдержал:

— Да, и я гуляю с вами совершенно бесплатно, хотя за то, что я опираю часовню и каретный сарай и рассказываю обо всем, другие туристы мне всегда платят.

Старичок засуетился. Он вытащил из кармана носовой платок, потом очки в футляре. Больше у него в карманах не было ничего. Растерянно улыбаясь, краснея ярким старческим румянцем, он робко подошел к Старушке. Та была вся в мечтах, но,

когда Старичок зашептал ей что-то, показывая на Джима, она приняла совсем земной, деловой вид и довольно долго спорила со Старичком, прежде чем раскрыть сумочку и достать монету.

Наконец монета блеснула на солнце и перелетела в карман Джима. Ура! Свобода! Кое-как, насупив Джим поблагодарил старичков. Переодеваться было некогда. Громко топоча крепкими ногами в длинных брюч-

как, Джим вбежал в свою комнату, схватил удочки и бросился на берег.

У моста вереницей стояли машины — красные, серые, черные, новые и уже потускневшие. Это были машины рыболовов. Теперь надо сообразить, где сейчас мальчишки, и не натолкнуться на полисмена.

Джим взбежал на мостик. С него хорошо были видны рыболовы, тесно стоящие на берегу.

Джим спустился под мост, но под мостом стоял... полисмен.

— А-а-а, паршивые мальчишки! — закричал полисмен, хватая Джима за воротник.

У Джима в руках были удочки, врать и выворачиваться не имело смысла.

— Отпустите меня, я сам пойду! — хмуро сказал Джим полисмену.

Джим злился сперва на «эти старые чучела», потом обозлился почему-то на отца. Монеты, монеты... Все только и говорят, что о деньгах. Монета, которая лежала сейчас в кармане у Джима, не доставляла ему удовольствия.

— Сын такого почтенного, уважаемого отца, который служит у самого лорда, — говорил тем временем знакомый полисмен, — и занимается скверными делами с паршивыми мальчишками!

Отца они нашли в «официантской» — маленькой комнате около кухни. Он разбирал приборы.

— А, старый дружище! — улыбаясь, сказал полисмен, не желая огорчать приятеля и делая вид, что зашел просто поболтать.

Полисмен отвел Гопкинса в уголок и тихо заговорил с ним. Старый официант снял

очки, и его черные, глубоко сидящие глаза стали похожи на глаза летучей мыши.

Гопкинс и полисмен улыбались, трогали друг друга за плечи... Нет, ничего особенного не произошло.

— Ведь Джим хороший малый, — примирительно сказал полисмен. — Ну-ка, поди сюда, Джим, Расскажи нам, кем ты хочешь быть?

— Джим хочет быть официантом! — заулыбался Гопкинс.

— Ну, а полисменом он не хочет быть? Не хочет ловить паршивых мальчишек, которые дразнят богатых, почтенных людей и нарушают старые английские законы?

Джим молчал. Он был зол. Теперь уже и на полисмена и на богатых, почтенных людей.

— Нет-нет, уж извините нас, он хочет быть только официантом. Это очень хорошая профессия. Пока не перевелись в Англии лорды и замки, нам не будет плохо. Джим прекрасно умеет услужить. Вот сегодня он был гидом у старой леди и джентльмена... Джим, они заплатили тебе?

Джим молча протянул монету отцу.

— Положи в копилку! — сказал тот. — У него есть копилка, и она уже недурно гремит.

Джим угрюмо глядел в пол. Копилка, копилка... Монеты, монеты... Так всю жизнь и думать лишь о том, чтобы как можно лучше услужить богатым, почтенным людям, и заглядывать им в глаза, и смотреть им в руки в ожидании монет, и ловить эти монеты, а жадная, ненасытная копилка будет их глотать, глотать, глотать...

СКВОРЦЫ ПРОЩАЮТСЯ С ГНЕЗДОМ

Римма ГАЛИНСКАЯ

Сентябрь шуршит в саду листом,
И все короче дни;
Скворцы прощаются с гнездом,
Где выросли они.

Еще один, последний круг,
И вот они — летят!
Прощай, скворец,
мой славный друг,
Вернись ко мне назад!

Когда услышу подо льдом
Стеклянный звон ручья,
Я подновлю твой прежний дом
И стану ждать тебя,

В союзе с Аристотелем

Г. МИХАСЕНКО

Рисунки П. Саркисяна.

(Продолжение.)

ПОРШЕННИКОВА ВЫСКАЗЫВАЕТСЯ

Показалась электричка.

— Бабушка, прошу.

Ехали молча. Народу было мало, и почти все дремали. Юрка размышлял над вопросом, сколько лет тюрьмы дадут старухе: десять или двадцать. Наверное, двадцать, потому что она сбила Катюку с правильного пути, оторвала от школы, а это, конечно, величайшее преступление.

На Мостовой они сошли. Навстречу неслась электричка, пронзительно воя, и летчик придержал хотевших было перескочить пути мальчишек. Замелькали, притормаживая, зеленые вагоны.

— Ребята! Ребята! — послышалось вдруг, и мальчишки увидели на одной из приступок проехавших вперед вагонов Галину Владимировну.

— Галина Владимировна! — крикнул во все горло Юрка. — Дядя, это наша учительница. И Катюкина тоже. Вот здорово!

Следом за Галиной Владимировной с подножки спрыгнул Аркадий. Юрка побежал к ним.

— Галина Владимировна, мы Катюку нашли. Вот она с Валеркой, и с летчиком стоит, и со старухой. Они по вагонам ходили, милостыню собирали.

— Кто милостыню собирал?

— Катюка и старуха.

— Ничего не понимаю. — Галина Владимировна направилась к летчику и Кате, а Юрка на ходу тараторил, оборачиваясь то к учительнице, то к брату: о том, как они с Валеркой ехали в Толмачинскую, и как услышали нищенку, и как признали Катюку, и как летчик помог задержать старуху...

— Здравствуйте!.. Катя, ты разве не болела?

Девочка, опустив голову, молчала.

— Да не болела она! — выпалил Юрка.

— Погоди ты, суфлер, — сказал Аркадий.

Галина Владимировна оглядела всех: старуху, которая косилась на электричку, летчика, ребят, Катю — и пожалла плечами.

— Не понимаю ничего.

— Да я же вам все рассказал, Галина Владимировна! — опять не выдержал Юрка.

— Я не знаю, что он рассказал, — проговорил летчик. — Вот все мы тут налицо, все действующие лица. Так сказать, светлые и темные силы. И мы, собственно, уже идем в милицию.

— Ну хорошо, а как же... — Галина Владимировна хотела что-то спросить, но мысли ее запутались, и она опять только пожалла плечами да, наклонившись, сдвинула платок со лба Кати.

Электричка, на которой прикатили ребята, ушла, прогремела по мосту, и сирена донеслась уже с того берега. Семеро стояли и молчали. Стояла и вторая электричка, точно ждала, что же будут делать эти люди.

— По-моему, теперь вы обойдетесь без меня,— сказал наконец летчик.

— Да, пожалуй,— согласилась Галина Владимировна и обернулась к Аркадию.

— Конечно,— проговорил Аркадий.

— Мы вам благодарны, очень,— сказала Галина Владимировна.

— Ну, что вы, право... Если я буду нужен как свидетель,— пожалуйста. Мой адрес прост: Толмачинский аэропорт, Дятлов — и все. И днем и ночью. Только черкните, куда явиться.

Летчик сделал неполное движение руки к козырьку, слегка поклонился, потом глянул на Юрку, подмигнул ему и встал на подножку. Диспетчер будто этого и ждал, дал зеленый свет, и электричка, загудев, дернулась.

— Дятлов! — крикнул летчик.— От слова «дятлов».

Юрке в этот миг показалось, что уши у летчика шевельнулись.

— Ну? — спросил Юрка.

— Значит, вы шли в милицию? — заговорил Аркадий.

— Конечно. Сразу ведь в тюрьму не принимают. — Язв! — выкрикнула старуха и направилась к лестнице, почувствовав себя свободной без летчика, в котором она признавала силу и которому невольно подчинялась.

— Э, э! — крикнул Юрка, догнав старуху и схватил ее за пальто.— Куда пошла?

Старуха резко обернулась, отбила Юркину руку и торопливо застучала ботинками по ступенькам. Юрка растерянно остановился на площадке.

— Это соседка Поршениковых,— сказал Валерка.— Мы ее видели, когда приходили про петуха узнавать.

— Милицию впутывать, по-моему, пока не стоит,— проговорил Аркадий.— Нужно самим разобраться. Пойдемте к Поршениковым. А вы следуйте за старухой.

Аркадий и Галина Владимировна взяли Катю за руки и начали спускаться.

— Понимаете, Аркадий, ее мать представила мне справку о том, что дочь больна, а вот видите... Катя, ты нисколько не болела?

— Нисколько.

— Почему же ты не ходила в школу? Тебя не учили?

После некоторого молчания еле слышно Катя проговорила:

— Боженка... это... будет жарить на сковородке.

— Господи,— прошептала Галина Владимировна, вздрогнув.

Аркадий нахмурился и спросил:

— Кто это говорил, мама?

— Мама.

— А бабушка говорила?

— Говорила.

— А еще кто-нибудь говорил?

— Дяденька.

— Какой дяденька?

— Тот который это... Я боюсь,— прошептала девочка, и по щекам ее покатились слезы.

— Ну-ну, Катя, не плачь, не надо.

— Успокойся, Катя, и ничего не бойся.

— Меня бить... будут,— всхлипывая, проговорила девочка.

— Никто тебя бить не будет. Мы тебя не дадим бить... Тише, Катя. Успокойся. Ну... Вот так... Не бойся,— говорила Галина Владимировна, пытаясь улыбнуться.

Между тем Юрка с Валеркой почти несадели старухе на пятки. Она шла проворно, несмотря на не-

имоверно скользкую дорогу. В кармане ее тяжело встряхивалась мелочь. Изредка бабка оглядывалась и ворчливо бросала что-то невразумительно злое. Юрка то и дело свистел в четыре пальца, чувствуя неумное желание издеваться над ней.

— Скоро всех таких бабок злых соберут в одну кучу, сунут в ракету и выстрелят на Луну,— проговорил он громко.— Мы скажем, что у нас тут есть одна. Только чтобы ее мимо Луны пустили, а то она на Луне начнет побиратьась и всех лунатиков обдурит.

— Язвы,— сказала старуха, обернувшись.— Анчиристы!.. Учат еще, дураков, прости господи...

Не доходя до калитки Поршениковых, бабка свернула во двор, в конце которого стоял маленький, словно сарайчик, дом, покрытый и жестью, и досками, и шифером, и толем, с трубой, увенчанной ведром без дна. Вход был, видимо, с той стороны.

— Вот она где живет,— сказал Юрка.— Ясно. Теперь она в ловушке.

Это же он повторил, когда подошли учительница, Аркадий и Катя. Толкнув ногой воротца, Юрка пропустил всех и снова забегал вперед. Катя с каким-то ужасом смотрела на окна родного дома.

В лицо опять пахнула смрадом.

Поршеникова сидела за столом и ела цельную, неразрезанную селедку, бегая по ней губами, точно играв на губной гармошке. Перед ней стоял блестящий электрический чайник, стакан в серебряном подстаканнике и еще что-то было разложено на газете.

— Здравствуйте.

— Пожалуйте,— быстро сделав глоток и глянув на ввалившуюся компанию с тревогой, ответила Поршеникова.— Завсегда пожалуйста. Вы ведь у меня частые гости... С каждым разом вас все больше и больше приходит.— От избытка приветливости хозяйка даже улыбнулась.

— А мы все с тем же,— проговорила Галина Владимировна в тон Поршениковой ласково.— Где все-таки ваша дочь?

Катя стояла за спиной Аркадия.

— Так и я же ничего нового опять не скажу, окромя того, что говорила.

— Болеет все еще?

— Вы же и справку с медицинской печатью взяли, и уж вы по всякому с меня требовали. Не семь же пятниц на неделе я вам буду сочинять.

— Ну, хорошо.— Учительница за руку вывела девочку вперед.— Узнаете?

— Катька?.. Боже ж ты мой! Как же ты? — Поршеникова вскопича, взяла дочь за руку и утянула к столу.— Чего же ты поднялась, дура? Тебе ведь лежать надо... И приперлась. Этакую, батюшки, даль шла, да еще в непогодь.... Продрогла, поди. Сейчас мы чаю...

Она засуетилась, забегала, всплескивая руками и не зная, за что схватиться.

— Бросьте корчить из себя невинность,— проговорил вдруг Аркадий. Ему стало противно вот так поддурачки стоять перед этой женщиной, он прошел к столу, взял табуретку, поставил перед Галиной Владимировной, а сам сел на другую, у печки.— Чего вы расплескались.. Мы только что вырвали Катю из рук старухи нищенки, которая таскала ее по вагонам. Выдавала за сироту. Так что представляете не разгрывайте.

Поршеникова знала Аркадия, как и всех, живущих на Перевалке. Она знала, что он всего лишь студент.

— А чего вы кричите? — возмутилась хозяйка.— Разве есть такой советский закон, чтобы в чужих избах кричать?

— Послушайте! — Неприязнь придала словам Аркадия вкрадчивость, спокойную выразительность. — За каким дьяволом вы отрываете девочку от школы?.. Зачем вы отдали ее той старухе, которая прикидывается слепой и собирається?.. Что, проценты вам идут с подаяний, что ли?

— Какие проценты?.. Вы мне не присписывайте. Я самостоятельная, с нищими не яхшуюсь.

— Юрка, сбегай за бабкой.

— Мы сами видели, как бабка с Каткой просили милостыню! — из дверей уже крикнул Юрка. Его разбирало зло. Надо же так врать, в глаза! И ведь не краснеет, не отворачивается. До чего же постылая тетка. Он двинул ногой калитку и быстро направился к ветхому домику.

А Поршеникову между тем возмущалась:

— Они видели... Чего только они у меня не видели! Никто не видит, только они большеглазые. То петуха какого-то в сенях, то теперь Катьку с нищей. Давайте... еще чего-нибудь разглядите...

— А что это за дяденьку вбивает Кате в голову мысли, будто бог накажет за учение? — спросил Аркадий. — Не тот ли?

— Какой тот? — Поршеникова резко повернула голову.

— Да который тут прирабатывал ходил.

— Никакого я дяденьку не знаю, и не плетите вы мне...

— Как же вы не знаете? Вы же сами говорили, что дали ему гостинцев или чего-то там, — напомнила Галина Владимировна.

— Ну так что? Дала — да и с богом.

— Ну, хорошо, проговорил Аркадий. — Его вы не знаете, допустим, а сами зачем девочку дурачите... Да-да, Катка нам призналась. Несмотря на все запугивания, призналась. И не глядите на нее такими глазами.

Катя всхлинула.

Вернулся Юрка.

— Старухи там нет.

— Ясно, — сказал Аркадий. — Пойдемте. Хватит воду толить. Придется сообщить куда следует. Там вертеться вам не дадут. А что свидетели несовершеннoleтние, так не беспокойтесь, у нас есть и постарше, не только они.

— Чего вам нужно? — вскринула вдруг Поршеникова. — Ну, чего вы вмешиваетесь?.. Кругом люди как люди, а вы будто...

— А-а, — проговорил Аркадий. — Вот это другой разговор, серьезнее. Значит, рады, довольны, что никто не вмешивается? Так, так. А знает ли кто, чем вы занимаетесь?

— А чем я занимаюсь?

— Вот погодите, узнают, тогда поймете, что такое люди.

— Знаю я людей, всяких. Все на одно лицо... Каждый сам по себе живет. Можешь себе лоб расколоть — они тебе ни слова не скажут, глазом не поведут. Вот вам и люди... А вы мне толкуете...

— Целая теория, — в наступившей тишине проговорила Галина Владимировна.

— Прямо научная база! — заметил Аркадий. — Философское направление! Делаю, что хочу!.. Хочу дочь заставить бросить школу, хочу пошлю ее нищенствовать, хочу изрублю ее на куски. Что угодно! И никто мне слова не скажет, потому что нет до меня никому дела. Покой и порядочек!.. Так? Вот где болото! Непролазное.

— Катка болела. На то справка есть.

— И старуху нищенку не знаете?

— Отродясь.

— Ложь, — загорячилась Галина Владимировна. —

В каждом слове ложь. — Она поднялась. — Мы добром хотели узнать, может, все это случайно произошло или по несчастью, а тут, оказывается, какие-то темные дела. В общем, чтоб завтра Катя была в школе! Бесстыдство какое! Справочку подсунови... Катя, мы ждем тебя завтра.

— Кстати, справочку тоже не оставя без внимания там, — Аркадий сделал ударение на последнем слове. — Откуда она взялась у здоровой девочки? — Аркадий посмотрел на Катю, которая робко оглянулась. — До свидания, Катя. Не бойся, тебя никто не тронет. И мама не тронет, она понимает, что трогать нельзя. Она все понимает.

— Смотри приходи, — крикнул Юрка из дверей. — А то мы опять вернемся завтра, и всем классом. Они вышли.

— Пока вы занимались старухой, — заговорил Аркадий, — Катя нам кое-что рассказала. Мать, эта бабка и сектант страшили ее. Говорили, что за посещение школы ее на том свете будут черти поджаривать на сковородке.

— Черти! — воскликнул Юрка. Он какое-то время размышлял, потом опять крикнул: — Ясно! Это тот же тип! Тот!.. Галина Владимировна, так, значит, это он заставил Катьку побираться?

— Наверное.

— Вот гад.

— Ю-ю-ра! — осуждающе протянула учительница.

— Поршеникова, получается, знала про петуха, — заметил Валерка. — Получается, сектант к ним не случайно заходил.

— Вот именно, — поддакнул Юрка. — Тут целая шайка. Только непонятно, куда старуха делась.

— А вы точно знаете, что бабка здесь живет? — спросил у мальчишек Аркадий.

— Мы ее тут видели.

— Этого мало.

Некоторое время шли молча. Юрка вдруг схватился за голову.

— Сколько тайн!

— Как этого летчика фамилия-то, Дятлов? — спросила Галина Владимировна.

— Дятлов. Вызывать будете? — Юрка так и завертелся.

— Может быть.

— А в милицию сообщим когда, сейчас?

— А как по-вашему? — спросил Аркадий, и Юрка перебежал на его сторону, оттеснив Валерку.

— Конечно, сейчас!

Подшли к дому Гайзоронокских.

— Проводим Галину Владимировну до моста, — сказал Аркадий. — В милицию нужно идти с чем-то в руках. А у нас руки пустые... Сектанта нет, бабки нет, у Кати справка. Дятлов? Не маловато ли?

— А как же быть?

— Пока для нас главное, чтобы Катя пришла в школу, — сказала Галина Владимировна. — А там видно будет... Если уж Катя не придет...

— А эту бабку мы поймдем, как миленькую, — заверил Юрка. — Мы ее живо. Ага, Валерка?

— Что?

— Я говорю: старуху мы завтра же сцапем. Она где-то тут живет.

Валерка пожал плечами. За всю дорогу он пророчил лишь несколько слов. Он все думал и передумывал, стараясь как-то объяснить себе все происшедшее в вагоне и у Поршениковых, но никаких объяснений не выходило... А ведь это он, Валерка, первым натолкнулся на бородача и стал первым очевидцем начавшихся странностей, когда обнаружил Мистера в сенях Поршениковых. И вдруг Валерке стало казаться, что, не испугайся он тогда, не струсь, а зай-

ди сразу в дом да расспроси, в чем дело, как попал в сени петух,— кто знает, может, и не случилось бы всего этого. Не пострадала бы Катя, не было бы тревог ни у Галины Владимировны, ни у Аркадия, ни у Юрки. Столь неожиданный вывод встревожил Валерку, и он уверил себя в том, что все равно это бы произошло. И потом, как же он, Валерка, мог предугадать, что из-за его нерешительности будет такое злодеяние? А может быть, всегда так бывает? Может быть, всегда за трусость одного распливаются другие? Валерка вздрогнул и почувствовал, как мышцы его тела слабеют и лоб покрывается испариной...

«Почему же я такой, а?... Неужели я не могу быть смелым?... Могу. Только надо через силу заставить себя поступать так, как поступать боязном»,— думал Валерка.

Дошли до моста. Учительница поднялась на насыпь и домахла рукой. Аркадий тоже вскинул руку.

На обратном пути Юрка все говорил и говорил. Он говорил, что знает теперь, кто такие божьи люди— это жулики и предатели — и что он так распишет матери сегодняшнее событие, что у нее последние боги из головы вылетят.

Аркадий его перебил:

— С антирелигиозной лекцией придется подождать, брат. Дело в том, друзья, что нам следует поддержать язык за зубами. Что бы никакие ни слетели, ни олухи не разносились. Хотя мы и уверены в черных делах Поршенинковой, однако не имеем права наущивать. Придет время — и мы заявим открыто... К тому же вы собираетесь ловить старуху, значит, нужна тишина, иначе спугнем ее. А так, будто обо всем забыли, будто ничего не помним.

— Пожалуй, верно,— согласился Юрка.

Валерка печально направился к своей калитке.

Во дворе Юрка неожиданно спросил Аркадия:

— А как ты с Галиной Владимировной оказался?

— В кинотеатре встретил. Совершенно случайно. Смотрю, вроде знакомое лицо. Думал-думал и вспомнил.

— Она тебе нравится?

Аркадий с улыбкой глянул в серьезное лицо брата, переспросил:

— Так сказать, вопрос ребром: нравится или нет?

— Да.

— Нравится.

— Она хорошая. У нее вон какой почерк, как в прописях напечатано,— проговорил Юрка.

— Вот именно.

— И потом она не картиват. А то вот у нас была пионервожатая, так ох и картивала — прямо ничего не поймешь.

— Вот видишь, сколько хорошего... Запомни — ни гу-гу. Понял?

— Понял.

КАТЯ ВОЗВРАЩАЕТСЯ В ШКОЛУ

Где-то закричал поздний петух и вдруг осекся, точно понял свою оплошность, издалека, от городского вокзала, долетел паровозный свист, по пути прихватив с собой заспанный бас парохода,— на Перевалке привильно смешивались звуки города и деревни и особенно четко слышались по утрам.

На улице вышел Валерка.

— Ты уроки все сделал?— спросил он у Юрки, который уже ждал его возле ворот.

— Все. Я даже лишний пример решил. Запечатлал, потом смотрю — уже третий столбик решаю, а нам задали два. А ты лишнего не решил?

— Нет.

— Значит, ты мечтать не умеешь.

— Умею. Только за уроками у меня не получается.

— А я могу в любое время.

Они всегда находили темы для разговора. Вернее, темы сами приходили. Стоило одному сказать фразу — и готово. Как от спички разгорается ворох хвороста, так у них от слова занимался разговор.

Разумеется, их волновали события прошедшего дня, и не столько случайная встреча с Катей, сколько внезапно открывавшаяся жутковатая связь сектанта с Поршенинковыми. Некоторое время сам факт этой связи не то что пугал Юрку, а поражал и удивлял, как поражало и удивляло его появление на родной улице бесцеремонного бородача. Потом, однако, припоминая многие Аркадиевы слова о религии, о сектах, мальчишка вдруг понял серьезность и значительность происходящего. Ясно, что и Поршенинкова, и старуха, и бородач, стащивший петуха,— сектанты. Но бородач у них вроде начальника. А этот начальник, чтобы у него было больше подчиненных, то есть верующих, велел Поршенинковой записать и Катю. Чтобы девочка крепче верила в бога, ее заставили бросить школу, а то, чего доброго, выучится и поймет, что никакого бога-то и нет... Только вот зачем Катю отправили нищенствовать по вагонам — под это действие Юрка не смог подвести стройную логику, а объяснил лишь тем, что коли от человека можно требовать жертвы и можно заставить его идти под поезд, то уж побираться в электричке вовсе не трудно заставить.

Свои рассуждения он развертывал перед другом с некоторой важностью и самоуверенностью. Валерка согласно кивал, поддакивал, затем, сказав, что он так же думает, выставил еще несколько вопросов, которых Юрка как-то не коснулся в своих домыслах: много ли сектантов на Перевалке? И что же, значит, Катя теперь верующая?

Последний вопрос особенно заинтересовал Юрку. Он даже в задумчивости замедлил шаги. Затем ожившись и сказал, что не стоит ломать голову, проще спросить у самой Катьки.

— А как, по-твоему, Юрк, придет Катька в школу или не придет?

— Придет. Вон как Галина Владимировна пригрозила... А сектанты на Перевалке, наверно, есть. Аркашка не зря говорит: болюто. Они, пожалуй, и в самом деле под мамку подкапывались. Не тут-то было!.. Если б еще в церковь не ездила.

— Она ведь редко.

— А то бы совсем! Хорошо бы было. Попы там всякую ерунду наговаривают... Да, мне вчера Аркашка скороговорку по попу рассказал. Знаешь, толковую.

— Ну-ка.

— Стоит поп на копне, колпак на попе, копна под попом, а поп под колпаком. Скажи-ка вот быстро.

— Повтори еще раз.

Юрка, повторяя, сбился и, раскрыв рот, приготовился к хохоту, но, к его огорчению, Валерка справился с этой угловатой фразой довольно быстро и чисто. Юрка вздохнул и прибавил шагу.

Катя пришла в школу.

Ребята увидели ее у доски, окруженную девчонками, которые, надо полагать, расспрашивали ее о причине отсутствия, и не просто, а в подробностях,— Юрка не раз замечал подобную девичью дотошность. Поэтому он моментально почувствовал Катину неловкость, когда говорить правду стыдно или просто нельзя, а врать, по существу, нечего. Он швырнул сумку на парту и подошел к девчонкам.

— Что вы, кумушки-соседушки, ее, как новенькую, окружили!

— А ты сперва поздоровайся с Катей. Разве забыл, что Галина Владимировна просила быть внимательнее?

Вообще-то девочки боялись Юрки, поэтому такое независимое обращение к нему Нельки Баевой можно вполне было назвать храбрым, если не дерзким. Юрка оценил эту храбрость снисходительным взглядом и легкой усмешкой: мол, эх, вы, жалкие людишки, знаете ли, кому обязана Катя своим возвращением в школу? Но тут же он согнал с лица это выражение и даже с некоторым смущением проговорил:

— Кать, отойдем-ка вон к Валеркиной парте.— Катя послушно последовала за ним. Не отстали и девочки.— А вы куда? Намочите лучше тряпку сходите!

— И не указывай! Без тебя есть дежурные!— И, ворча, девочки разбрелись кто куда.

— Это...— сказал тихо Юрка.— Ты ничего им не рассказала? Про вчерашнее?

— Нет.

— А что им отвечала?

— Что болела.

— Правильно. Ври.

Катя опустила голову.

— Тебя еще Галина Владимировна не видела?— спросил Валерка.

— Нет.

— А мать не была вчера?

— Ругала.

— Это чепуха,— заметил Юрка.— Нас всех ругают.— И, понимая, что слишком долго шептаться с одной девочкой подозрительно, он проговорил:— Ладно, иди, а то вон выдры косятся.

Юрка с Валеркой дождались учительницу у дверей и таинственно объявили, что Поршенинкова пришла. — Вот и хорошо. Только, чур, о вчерашнем ни слова.

У Юрки было удивительно приподнятое настроение. Он не опечалился даже тогда, когда выяснилось, что из шести домашних примеров правильно решены только три. Все это было ерундой в сравнении с чем-то большим и светлым, что наполняло его душу.

«Расскажу-ка я кому-нибудь скороговорку»,— радостно подумал он. Жаль, что с ним сидит девочка. Она вообще на все попытки завести беседу отвечала дерганьем локтя и категорическим «отстань». К тому же язык у нее легкий, говорит быстро, скороговоркой ее не озадачить. Хорошо бы Володьку Медведева разыграть! Юрка посмотрел на Галину Владимировну. Как бы не получилось вроде истории с кашей. Как бы не пришлось опять краснеть-бледнеть, размазывать чернильное пятно на парте... Вовка обязательно все перепутает так, что надсадишься со смеху... Учительница прошла мимо в конец класса— кому-то что-то объяснить.

— Вовка,— зашептал Юрка мальчишке в соседнем ряду, складывая ладонь лодочкой.

— А?

— Стоит поп на копне...

— На чем?

— Глухой! На копне.

— Кто?

— Да поп!

— Ну и что? Какой поп?

— Ты слушай и не переспрашивай,— сердито зашипел Юрка.— Это скороговорка.

Володька наконец понял, чего от него хотят, и терпеливо выслушал скороговорку, но при попытке воспроизвести ее начал действительно говорить такую чушь, что и Юрка и Валерка повалились на пар-

ты. Юрка даже нос пальцами стиснул, чтобы сдерживать приступ смеха. Он покраснел и надулся, но когда Медведев сказал, что «поп под потолком», а затем тут же поправился на «поп под коллаком», его пальцы разжались, и он громко фыркнул.

— Что с тобой?— подойдя, спросила Галина Владимировна.

— Не поднимай лица, Юрка ответил:

— Случайно, Галина Владимировна.

— Галина Владимировна, они про какого-то попа говорят,— промолвила Володькина соседка, Неля Баева.

— Про попа?— удивилась учительница, затем, подумав миг, решительно и хмуро кивнула на дверь.— Гайворонский, выйди-ка.

«Ну вот. Так и знал. Чтоб ей провалиться, этой выскочке!» Юрка понуро направился к двери. Следом вышла Галина Владимировна и придержала его за рубашку, так как он, оглянувшись по сторонам, нет ли завуча или директора, хотел было улиться.

— Юра, о каком это попе вы говорили? Не о том ли, о котором мы договорились молчать?

— Что вы! Тот сектант, а это поп. Я Володьке скороговорку о попе рассказал. Он запутался, ну, я и рассмеялся,— шепотом признался Юрка.

Учительница всплеснула руками:

— Какие могут быть скороговорки на уроке?! Я не понимаю тебя. Вчера ты совершил честный, благородный поступок, а сегодня опять срываешь занятия... Как же так?

— Я...— Юрка поднял опущенную голову.— Я, честное слово, не хотел поднимать шума, Галина Владимировна.

— Ну ладно, иди садись на место... Да, прошу ни о чем таком Катю не расспрашивать. Никаких каверзных вопросов. Понимаешь? Чтобы она успокоилась.

Юрка понимающе кивнул и, радостно-серьезный, вернулся в класс.

В переерыве Галина Владимировна подозвала Катю к столу и, окруженная ребятами, стала выяснять, что девочка помнит из того материала, который проходили в классе еще при ней. Катя многое поперезабыла. Учительница задумалась, а потом спросила, кто желал бы помочь Кате, оставаясь ненадолго после занятий. Обычно на дополнительную работу с кем-нибудь Галина Владимировна назначала одного-двух ребят или сама помогла, поэтому такое обращение к классу было неожиданным. После короткого раздумья поднялись девять рук.

— Хорошо,— сказала учительница,— те, кто поднял руки, задержитесь.

Когда отзвенел последний звонок, к учительскому столу подошли десять человек. Среди них Валерка с Юркой. Валерка поднял руку, а Юрка нет, но решил не отставать от друга. К тому же он чувствовал к Катке какой-то интерес.

— А теперь из вас выберем двоих,— сказала Галина Владимировна.

— Нет, мы все.

— Что вы, ребята! Это, конечно, приятно, что помощников много, но как же вдесятером можно столько объяснить Кате?.. Мы ее просто собьем с толку.

— Не собьем, Галина Владимировна!

— Нельзя, ребята. Двое-трое — это другое дело, а все...— И учительница пожала плечами.

Ребята вздохнули: да, их было многовато.

— Я предлагаю Теренина и Нелю Баеву. Остальным придется разойтись по домам.

Галина Владимировна сидела за своим столом, трое учеников разместились за первой партией. В классе остался и Юрка. Валерке часто приходи-

дось помогать, поэтому он знал, с чего начинать и как продолжить, чтобы не подказывать, но и не темнить.

Из школы Юрка, Валерка, Катя и Неля вышли вместе. Баева жила неподалеку, и метров сто ей было по пути с ребятами.

— Я чувствую, что Катя еще не скоро нас догонит,— заметила Баева.— Потому что болезнь не просто прогулы, а гораздо хуже.

— Скоро,— сказал Юрка.

— Нет, я чувствую, что не скоро.

— А ты не чувствуешь, что я тебя стунжу?— спросил сердито Юрка.

— За что?

— За попа.

— Нет уж, без твоей затрецины обойдусь.— И Неля перебежала дорогу.

Мальчишки свернули на железнодорожную линию, иначе Кате тоже пришлось бы петлять по огородам и перелезать через несколько заборов. Юрка, балансируя раскинутыми руками, семенял по одному рельсу, Валерка — по другому, Катя шла сбоку, по тропинке.

Юрке хотелось многое узнать от девочки, но все эти вопросы были явно каверзными, каковых Галина Владимировна просила не задавать. Но в каверзности одного из вопросов мальчишка усомнился и после некоторого колебания задал его:

— Кать, а та бабка рядом с вами живет?

— Нет, в городе.

Юрка остановился и свистнул. Катя посмотрела на него.

— Мы же ее однажды видели в вашем огороде.

— Она просто приехала.

Валерка заморгал друг: мол, не надо говорить на эту тему,— но Юрка не смотрел на него, и тогда Валерка открыто вмешался:

— А у тебя, Кать, все учебники есть?

— Все.

— Это хорошо.

Когда ребята проходили мимо дома Фомки Лукина, из-за калитки высунулась рожа Фомки и прокричала:

— Учители-мучители!.. Женихи и невеста!

— Вот дурак-то!— вырвалось у Валерки.

А Юрку точно кто укусил. Он бросил сумку, быстро схватил валяющуюся рядом четвертушку кирпича и со всей силы швырнул ее в калитку.

— Ма-ама!— заорал Фомка, отступая. В руках у него был лук со стрелой.

— Бежимте,— испугалась Катя.

— Нечего бежать. Сам заработал.— Юрка поднял сумку и не спеша вытер ее о планки забора.

Фомка издала трахнул в забор комком земли, который рассыпался на крошки. Катя охнула и согнулась, прижав рукой один глаз.

— Попало?— спросил Юрка и тут же понял, что, конечно, попало.

Дальше произошло следующее. Юрка кинулся к калитке. Она оказалась незапертой, и тогда он стремительно помчался к Фомке. Тот, на какой-то миг опеши, непонимающе глядел на приближающегося Юрку, затем вдруг выронил лук со стрелой и бросился в сени. Юрка — за ним. С воплем Фомка бежал в комнату и спрятался за мать, которая глядела на столе бельё. Юрка прыгнул через порог, слегка оттолкнув женщину и закатил Фомке оплеуху. Мальчишка закричал благим матом и сел на пол, но, прежде чем его мать осмыслила происшедшее, Юрка уже был таков.

— Вот теперь бежим,— запыхавшись, выговорил он.— Скорей!

Пролетев метров тридцать по скользкой дороге и обляпав себя грязью, они шмыгнули в переулок и затаились за углом. Когда Лукина с ругательствами выскочила из калитки, улица была уже пуста.

— Уж не померещилось ли?— с недоумением прошептала женщина, но донесшийся из сеней трубный рев сына, вышедшего посмотреть, пойманы или нет обидчики, рассеял сомнение, и она еще раз оглядела улицу. А Фомка, поняв, что противники улизнули безнаказано, заревел еще громче.

— Что ты ему сделал?— спросила Катя, потирая покрасневший глаз.

— Морду набил.

— Зачем? Мне уже не больно.

— А я вовсе не из-за тебя, а вообще... И не три глаз. Мать олять закричит: «Издевались над девчонкой!» Интересно, кто издевался... Пойдем на озеро, уймемся.

Ребята дошли до Гайворонских и свернули к озеру.

— Когда-то мы тут купались и прыгали вот с этих мостков,— с грустью проговорил Юрка.— А сейчас... Ты умеешь плавать?

— Нет.

— Мы тебя летом научим, ага, Валерка? И нырять научим. Хочешь научиться нырять?

— Девочка безразлично пожала плечами.

— Только ты не будь этой... мямлей. Говори, шевелись...

— Мне домой идти неохота... и боязно.

— А ты не бойся. Подними голову и вот так... А чуть чего, мы тут.

И они расстались.

От еды Юрка отказался. На душе было противно. Он, вздыхая, принялся бесцельно бродить по всем трем комнатам, потом забрался на чердак, стукнул кулаком висевшую на балке шубу, огляделся и подумал, что надо, пожалуй, прибраться. Юрка прошел к окошку и обрывком газеты стер со стекол пыль. Но глубь чердака все равно тонула во мраке. Жутко покачивалась шуба. Белела печная труба... Юрка начинал понимать, за что он ненавидит Фомку. За то, что он выродок. И затрецину дал он Фомке не столько из-за Катьки, сколько вообще.

В шестом часу пришел Аркадий и тотчас спросил:

— Катя была в школе?

— Была.

— Ага... Ну, славно. Однако я все же схожу к Галине Владимировне, уточню.

— Да была же!— уверил Юрка.— Что я, врать, что ли, буду!.. Мы с ней даже после уроков оставались на дополнительные занятия. Мы ей по арифметике объясняли.

— Вот видишь, как прекрасно получается. Но я все же схожу,— с улыбкой проговорил Аркадий.

Повел, он ушел и вернулся уже в десятом часу. Родители отдыхали, а Юрка в комнатке Аркадия возился с клеткой.

— Убедил?

— Конечно.

— Я говорил, зря сходишь.

— Слушай,— шепотком сказал Аркадий.— А ты никому не проболтался про вчерашнее?

— Никому!

— Ни матери, ни отцу?

— Нет.

— Молодец...

— Аркашка, я думаю, что тебе завтра еще раз придется идти к Галине Владимировне.

— Почему?

— Да-а... Сегодня опять история была. Я одному морду набил. Правда, не в школе, а по дороге.

— За что?
— Да так, в общем, не зря... Но жаловаться будут. Это люди такие.

— М-да... Ну что ж, к Галине Владимировне я схожу, но надо, братец, жить скромнее. Так не годится. Это во-первых. А во-вторых, батя-то рано или поздно разузнает.

— Конечно,— вздохнул Юрка.— Но знал бы ты, какой это противный тип!

Братья до двенадцати часов просидели на полу, мастера клетку, и втихомолку, как заговорщики, перебрасываясь фразами о самых разных вещах. Потом Аркадий говорил, что дело Поршениковых на возвращении Кати в школу не оканчивается, что нужно разорить это гнездышко до конца, но на-прасно шума поднимать пока не следует.

— Да, Аркашка, бабка-то не здесь живет, мы разузнали. Так что выследить ее будет трудно. Днем она теперь не явится к Поршениковым.

— Ничего. Раз Поршеникова отпустила Катю в школу, значит, она боится нас, значит, видит возможность своего разоблачения. Найдём и мы эту возможность... А пока нужно ближе сойтись с Катей, чтобы выветрить из ее головы божий бред, болотный туман. Соображаешь? Ей нужна сейчас порядочная, здоровая компания.

— Значит, мы с Валеркой порядочные?

— Ну, относительно, конечно.

— Хитер!— проговорил Юрка и тут же вдруг обнаружил, что они с Валеркой предвосхитили пожелание Аркадия— стали повнимательнее с Катей, только не потому, что захотели развеять в ней божий дурман, а просто так, от чистого душевного побуждения... Но неужели этот дурман в ней так засел и нужны особые усилия, чтобы избавиться от него?.. Что ж, если его, Юркина, дружба может в чем-то помочь, то пожалуйста!

КИЛОВАТНЫЙ АРЕСТАНТ

Юрка доделывал клетку. Он сидел на чердаке и наматывал на гвоздь тонкую стальную проволоку— делал пружины для хлопок.

Стукнула калитка. Кто-то спеша и грузно прошел вдоль дома, ввалился в сени.

— Тут Гайворонские живут?— Голос был женский, смутно знакомый.

— Тут,— ответила Василиса Андреевна, встречая пришедшую.

— Ну, тогда здравствуйте.

— Здравствуете.

— Юрка— это, видно, ваш сынишка?

— Да.

— Я Лукина.

Юрка мгновенно прошиб озноб. Он отложил гвоздь с накрученной проволокой, встал и осторожно приблизился к люку. Возле шубы он замер.

А Лукина между тем продолжала:

— Я мать вашего, то есть нашего, то есть— ихнего одноклассника, то есть вашего Юрки. И дело в том, что я желаю надрать ему уши в вашем присутствии.

— Кому?

— Вашему Юрке.

— А-а... Как это?

— Он излупил моего Фомку в моем присутствии, а я желаю отлупить его самого в вашем присутствии... Он прямо обжег к нам в дом, оттолкнул меня и закатил Фомке пощечину. Вы понимаете?.. Где ваш сын?

— Что-то не совсем... Сейчас я его позову... Юрка! Юра, спустись-ка... Сынок!

«Что делать? Что делать?..— торопливо думал Юрка.— Вот почему Лукина не пришла жаловаться в школу. Что же делать?» Задрожали концы лестницы, торчавшие из люка: Василиса Андреевна лезла на чердак... Юрка хотел кинуться за трубу, но вокруг нее валились стеклянные банки— забренчат, выйдут... Шуба? Мальчишка мигом раскинул полы, ступил туда и запахнулся.

— Юрка! Где ты? О господи, за ним разве уследишь! Удрал, видно, к Валерке...

Юрка слышал, как мелко застучали стойки о края лаза и как, сильно дрогнув последний раз, лестница успокоилась. Юрка не дышал. Он вылез и опять замер возле шубы.

— Ну, коли что было, так мы разберемся с отцом,— проговорила Василиса Андреевна.— Я знаю, что он у нас задиристый, но чтоб так...

— Так, матушка моя, так... Вот так толкнул меня— и, значит, сыну в рожу...

Женщины еще долго говорили. Юрка боялся, что придет отец и узнает все от самой Лукиной, а не от матери, которая смягчила бы всю картину. И Петр Иванович пришел, звякнули только брошенные в углу когти. Лукина раза три описала страшную сцену избияния ее ребенка, все сгущая и сгущая краснота. Петр Иванович, не проронивший пока ни слова, сказал:

— Ясно. Хорошо. Можете надергать ему уши. Ловите где хотите и дергайте. Пожалуйста. Только, конечно, не при нас. Зачем мы будем повторять ребячьи ошибки?

— Вы уж примите меры. Он уж и калошей кидал в моего Фомку и чернильницей, забивает и забивает.

— Обещаю. Обязательно. Можете идти спокойно. Они вышли провожать Лукину и до самых ворот уверяли ее, что все будет сделано честь честью.

Юрка слез с чердака и сел на табуретку в кухне. Он знал, что киловатный арест ему обеспечен, и с судьбой хотел столкнуться лицом к лицу.

— Я все слышал,— сказал он, когда родители вернулись.

— А где ты был?— спросила Василиса Андреевна.

— На чердаке.

— Она все правильно сказала?— спросил Петр Иванович.

— Да. Только она не сказала, из-за чего вышла драка. А это— главное.

Юрка поднял голову. Он не боялся ни морали, ни наказания, ничего не боялся. Ему только вдру захотелось, чтобы мать и отец поняли его. И он расказал о том, как они втроем шли, как Фомка обозвал их, как он затем кинул комком земли и крошка попала Кате в глаз. Тут же Юрка вспомнил, как весной Фомка наживал деньги на резиновых сапогах.

Петр Иванович и Василиса Андреевна молчали. Наконец Петр Иванович проговорил:

— Когда человека невзлюбил, его так можешь разорвать, что родная мать не узнает.

— Я точно говорю.

— Да. И все будет точно. И такой-то он, и сякой, и раззатый— и все точно... Я допускаю и даже верю, что тип этот, как ты говоришь, противный. Так что же теперь, бить его? Значит, ты и милиция и суд в одном лице? Кто это тебе дал такие функции?— Петр Иванович выглядел некоторое время, потом со вздохом заключил:— Ну, вот что. Пятнадцать кило- ватт— это многовато, а уж десять отсидишь... Аркадия я вздувал за такие дела, так же вздувал, как и меня в свое время вздували. А тебе, оголец, повезло! и электричество изобрели и книжки противоречивые пишут— все за вас, проходимцев, заступаю-

— Через два дня? — повторил ошеломленный Юрка и вдруг вскопчил. — А позже нельзя, Галина Владимировна? В то воскресенье?

— Нет, Юра. Мы уже договорились с автобусной станцией, и нам дают отдельный автобус. К тому же через неделю дороги могут обледенеть, они и так уже ночами промерзают. А зачем тебе позже?

— Да так...

Юрка не сказал, что он не сможет ехать. Он опустил на парту и почувствовал себя несчастнейшим человеком.

На дополнительные занятия с Катей он не остался. Он побрел домой, думая о том, что надо умереть, потому что его жизнь никому не нужна. В воротах он столкнулся с матерью.

— Я пошла на базар. Ключ под доской. В духовке щи и каша.

Ключ под доской. Десять киловатт-часов! Юрка отомкнул замок и постоял некоторое время в сенях. Потом вошел в дом и замер посреди кухни... Десять! Убийственно!.. Интересно, сколько-нибудь сматало?.. Он взглянул на счетчик. Сматало. Почти полтора киловатта. Наверное, мать много пользовалась плиткой. За четыре часа полтора. Еще бы четыре часа — и еще бы полтора киловатта долой. Итого отпало бы три. Отец придет в шестом часу. Сейчас двенадцать. За пять часов киловатта два с половиной сматает, а вечером мать опять, может быть, включит плитку. Значит, к завтрашнему утру половина срока пройдет. А завтра все это повторить — и в воскресенье можно ехать на строительство... Юрка выскочил в сени и метнулся на чердак. Где-то здесь должна быть старая плитка. Все пимы и ботинки, все мешки из-под картошки и прочее барахло — все это в один миг было перевернуто вверх тормашками. Наконец он обнаружил убогие останки плитки. Он бережно перенес их на кухню и принялся колупаться.

Неслышно вошел Валерка и, откинув полу пальтишка, протянул Юрке плитку.

— Подключай. Мама сказала, что тетя Васена куда-то ушла, ну я и притащил.

— Ура! — воскликнул Юрка. — Валерка, ты же молодчина! Ты же гений!.. Сейчас мы...

— На вот еще кипятыльник, — сказал Валерка, вытягивая из кармана продолговатый предмет. — Только он плохой. Мама его выбросила. На него, говорит, пробок не напасешься.

— Напасемся. У нас много пробок. Давай!

Он сунул в розетку тройчатку, подсключил обе плитки и с тревогой и радостью уставился на их огненные лабиринты. Они жрали энергию беспощадно!

Валерка сбегал за водой. Юрка опустил кипятыльник в ведро и подсключил. Под воюющей сверкнула молния. Над головами щелкнули пробки, и лабиринты почернели.

— Я же говорил, — испуганно напомнил Валерка. Юрка вытянул кипятыльник и старательно оглядел его.

— Где-то коротит, — проговорил он. — Сейчас я развину его. Да, пробку-то надо сменить, пусть пока плитки работают.

Он сбегал в сени, принес пробку. Диск счетчика бешено завертелся. Но тут со вспышкой перегорела старая плитка. Ее изношенная донельзя спираль была составлена из множества кусочков с растянутыми витками, поэтому раскалялась она неизменно, и Юрка понял, что с ней придется хлестнуть лыжа. Он зачистил медную проволоку и бросил в разрыв. Плитка ожила. Затем он взялся за кипятыльник. Клеммы заржавели, гайки не свинчивались. Юрка откусил их пассатижами и прикрепил провода по-своему, в дру-

ска... Так что десять киловаттиков. Червонец. Залезь-ка, посмотри, сколько там на счетчике... Ничего, — заметив болезненный жест Василисы Андреевны, добавил он.

Юрка ощутил в себе какую-то холодную пустоту. Десять киловатт-часов! Это может растянуться на восемь-девять дней, если тайно не подсключать плитку с утюгом. Но и плитку и утюг отец сегодня же спрячет в шифоньер, это понятно.

Аркадий, узнав об аресте, только проговорил:

— Сочувствую... Я ли не был прав?

Но самое страшное произошло на следующий день, когда Галина Владимировна объявила, что в воскресенье, то есть через два дня, весь класс поедет на экскурсию, на строительство гидростанции.

гом месте. И кипятильник заработал. Вода в ведре задудела и запузырилась.

Юрка почти физически ощущал облегчение на своих плечах.

— Юрк, вода скипела. Куда мы ее будем сливать?

— Сливать?

— А если обратно в колодец?

— В колодец?.. Правильно. В колодец.

Они отнесли ведро в огород, слили кипяток в колодец и набрали новой воды.

— Вот бы прямо в колодец кипятильник провели, вот бы смотал—хоть сто киловатт,—проговорил Юрка, когда начало бурлить третье ведро.

Только в шестом часу мальчишки кончили свои рискованные эксперименты и попрытали все принадлежности. До свободы осталось четыре киловатт-часа.

— Ура!—крикнул Юрка, распахивая настежь две двери, чтобы комнаты проветрились.

Петр Иванович не заметил ничего. Из комнаты Аркадия Юрка услышал, как щелкнул замок шифоньера—отец проверял, не тронут ли уют.

Последний урок был самым муторным. Он тянулся бесконечно. Думая, что звонок прозвонит вот-вот, Юрка собрал сумку, но звонка все не было и не было. К Юркиному ужасу, Галина Владимировна сказала: «А сейчас запишите такой пример...». Пришлось расстегнуть сумку и вытащить тетрадь. Когда же наконец прозвучал звонок, то, представьте себе, нашли такие оболтусы, которые что-то недопоняли из объяснений учительницы и взялись расспрашивать. Галина Владимировна, успокоив всполошившийся класс, охотно стала разъяснять.

Кто-то заглянул в класс и поманил учительницу. — Поршеничиха!—прошпентал Валерка.—Гляди! Юрка обернулся. Да, это была Поршеничиха. Галина Владимировна, промолвив «Минутку, ребята», подошла к Поршениховой, и та, улыбаясь, что-то сказала ей.

Учительница жестом пригласила ее пройти в класс и вернулась к столу.

— Ну, ребята, если вопросов больше нет, то занятия окончены.

Юрка какой-то момент сидел бездумно, забыв, что только вот метался и рвался прочь. Затем вдруг на него нахлынуло то состояние духа, та настороженная, опасливая заинтересованность, которая сопровождала его во всех этих историях с Поршениховой. Юрка захотелось узнать, о чем здесь будут говорить учительница и Каткина мать. Узнать во что бы то ни стало! Из-за дверей не услышав, в коридоре галдеж. Спрятаться в классе!

— Валерка, не жди меня,—быстро прошпентал Юрка и, воспользовавшись обычной сумятицей—ребята выходили из класса,—шмыгнул под последнюю парту.

— До свидания, Галина Владимировна!

— Галина Владимировна! До свидания!

— До свидания, ребята, до свидания!

Класс утих. Юрка сидел, согнувшись в три погибели. Сердце било в коленку.

— И ведь каждому надо попрощаться,—проговорила Поршенихова.

— Садитесь... Я вас слушаю.

— Так чего меня слушать?.. Я чего? Я за Катку узнаю.

— Почему вы говорите «за», а не «про»?

— Чего «про»?

— Не по-русски. Впрочем, простите... Ну, что же, Катя сильно отстала. Сильно. Она и до этого слабо училась, а теперь ей вовсе трудно.

— Так ведь каждый заболеть может,—заметила Поршенихова.—Что вы, что я, что кто хошь...

— Вы настаиваете на Катиной болезни?

— Так как же?.. Куда же денешься, раз болела? Вот ведь только очухалась. Вы вот поверили ей, а чего, господи, ребенок может знать о себе, кроме как жив он или нет?

— Мне непонятно, почему вы лжете, и так упорно. Бойтесь? Так мы пока ничем не запугиваем. Мы просто хотим знать, в чем дело... Хитрите?

— Ну ведь зазря все, Галина Петровна.

— Владимировна. Оставим это.—Учительница вздохнула.—Катя подтянется, и единственное, что от вас требуется,—не мешать ей. Если вам угодно кактаться бог весть с кем, то огордите от этого девочку.

— Ой, да что вы так валите на меня!..

— И потом следите, чтобы одежда ее была чище.

— Так ведь гардеробов-то на нее нету, а что есть,—пусть сама бережет и доглядывает, небось, не маленькая, десять лет, слава богу! А что уроки, так никто ей не мешает ни писать, ни читать, ни так выучивать.

— Вот так... Оценки?.. Оценки пока нет. Какие могут быть сейчас оценки?.. Просто помогаем ей.

— Я понимаю... И еще: вы уж справочку-то верните. Катка все равно в школу ходит, так ни к чему она теперь.

— Да нет, справочка мне еще нужна будет. Это ведь документ. Пусть полежит. А вот вам она действительно ни к чему.

После некоторого молчания Поршенихова вздохнула и поднялась.

— Ну, так ладно, я пойду, до свидания... А может, все же справочку вернете!

— До свидания.

Женщина удалилась. Чуть погода вышла и Галина Владимировна.

Юрка выбрался из-под парты и с минуты стоял, упершись руками в бока и выгнувшись животом вперед. Затем резко встряхнулся, схватил сумку и кинулся из класса.

Торопливо одеваясь, мальчишка думал, что напрасно проторчал под партию чуть ли не полчаса, ничего интересного не было сказано, разве что о справке. Ишь, хитрая, верните ей!.. Запуталась, а теперь—верните. Надо же так отпираться! Если бы он, Юрка, не был свидетелем происшедшего в вагоне, он бы так и считал, что беспричинно подозревают человека.

Как все-таки Юрка жалел эти полчаса! Успеют ли теперь смотаться злополучные киловатт-часы? Он прибавил шаг, а затем побежал.

В кухне за столом сидел Петр Иванович.

— Здорово, парнище! Так вроде у Некрасова? Юрка, застав на пороге, некоторое время смотрел на отца в упор, потом, не раздеваясь, прошел в комнату Аркадия и без сил опустился на табуретку. Он ощутил в себе прежнюю пустоту, холодную пропасть. Все пропало...

— Ты чего?—спросила Василиса Андреевна.—Садись, поедите вместе с отцом. Его пораньше отпустили, старика нашего, за переработки.

— Не хочу.

Юрка долго сидел так неподвижно и молчаливо, словно его и не было в комнате.

Вошел Валерка, поздоровавшись и после обычных ответов на обычные вопросы Петра Ивановича: как да что—пробрался к Юрке. На немой Валеркин кивок в сторону Петра Ивановича мальчишка только поднял и опустил плечи.

В СОЮЗЕ С АРИСТОТЕЛЕМ

Приближался Юркин день рождения.

Мальчишка возвещал об этом дне уже не раз — за полмесеца, за неделю и, наконец, вчера, за три дня до торжества, и тем не менее он боялся, что родные все равно забудут и, естественно, не купят подарков. К тому же ни Василиса Андреевна, ни Петр Иванович не заикаются об этом и не делают никаких приготовлений. С ума можно сойти!

— В прошлом году ко дню моего рождения был торг,— сказал он вчера за ужином.

— Это не вы с пацанами забирали на крышу?— спросил Петр Иванович.— Две плитки шифера расколоди. Они вот-вот сорвутся и пристукнут кого-нибудь. Надо заменить.

Юрка сердито покосился на отца и ничего не ответил, думая, что бы еще такое вернуть насчет именин.

— Валерка, наверное, не придет нынче на день рождения — не выхворается,— наконец проговорил он.

— Не будет лезть куда попало. Холодина, снег, а им на гидростанцию надо. Ишь ведь какие герои!.. Нагероились! Один чуть не нырнул, а второй при смерти,— неожиданно разгневалась Василиса Андреевна.

— Ну уж и при смерти! Просто ангина. И то скоро пройдет!

— Пройдет! Хорошо, что ты на электричестве сидел, а то бы тоже или валялся больной сейчас, или бы искали тебя сетями на дне морском, вылавливали, прости господи, покойника.

— Валерка мог с таким же успехом простыть и дома,— сказал Аркадий.— Кстати, он каждый ноябрь болеет ангиной. И в воду никто не собирался нырять. Прост один мальчишка соскользнул с камня, когда шли по берегу, и искупался по пояс.

Юрка допил чай и поднялся из-за стола. Именины явно проваливались. Подарки улыбались откуда-то издалека, с прилавков магазина.

Все это мальчишка припомнил сейчас и отметил, что никаких изменений за день не произошло. Он забыл начисто. Хотя подсознательно чувствовал, что не может этого быть, чтобы его позабыли. Ведь девять лет не забывали, с какой стати на десятый забудут? Он присматривался ко всем кулечкам и сверткам, которые приносили мать с отцом, желая видеть в них что-то угловатое, тяжелое, предназначенное ему. Почему угловатое и тяжелое, Юрка не знал, но именно так представлял подарок.

У Аркадия сегодня стипендия. «Если Аркадий сегодня ничего не купит, то крышка»,— подумал Юрка, включая и выключая настольную лампу.

— Любуясь, отец, сын опять книжки тащит в обеих руках,— услышал Юрка голос Василисы Андреевны и высочил в кухню.

Аркадий долго в сенях вытирал ноги, потом вошел и, смущенно улыбнувшись, спросил:

— Можно?

— А куда вторую-то стопу дел?— осведомилась Василиса Андреевна.

— Какую вторую? Вот все тут. Показалось.

— Ну, хорошо, коли показалось, все меньше будет...

— Книги?

— Два учебника, Лесков и три томика Шекспира... Остальное вот, прошу.— Он вытаскил пачку трешек, еще что-то скорманное, положил на стол, пощелкал Василису Андреевну в щеку, подмигнул Петру Ивановичу и отбыл в свою комнату.

Юрка выномом — следом. Развязал бечевку, раскинул бумагу. Да, один книги... Юрка не мог сдержаться, не мог больше говорить иносказательно, намеками.

— Значит, мне ничего не купил!

— А, собственно, чего тебе надо?

— А, собственно, ничего... Просто послезавтра день моего рождения.

— Разве?— удивился Аркадий.

— Да.

— Странно. Как быстро летит время! Да-да, припоминаю, именно послезавтра... Ах ты, как глупо получилось!

Юрка презрительно усмехнулся и, чувствуя, что слезы где-то уже близко, прямо посмотрел брату в глаза.

— Но ничего. Ничего... Не горюй. Я тебе сделаю моральный подарок,— шепотом сказал вдруг Аркадий.— Ценнейшая штука!

Мальчишка часто заморгал, отпугивая слезы, и с очень смутным доверием спросил:

— Это какой, в коробке?

— В коробке. В черепной.

— Нет, правда?

— Правда, в черепной. Я тебе подарю мысль. Все принесет рубашки, игрушки, носовые платки, а я — мысль. Игрушки сломаются, рубашки порвутся, носовые платки ты уработаешь, а мысль — крепкая штука. А если голова у тебя не дырявая, она никогда не потеряется... Радуйся, братуха, не каждый день такие подарки преподносят!

Глаза Аркадия улыбались хитро и обнадеживающе. У Юрки затрепетало сердце, он понял, что, кроме мысли, получит еще что-то.

— Знаешь,— пригнувшись к Юркиному уху, проговорил Аркадий.— Я нарочно стипендию трешками попросил, чтобы матери больше казалось, чтобы замаскировать расходы.

— Она ведь сосчитает.

— Ну, пока-то она считает! Как в школе?

— Хорошо. Катька сегодня у доски две задачи подъяр сама решила, трудные. И даже никто не подсказывал. Только в одном месте сбилась. Галина Владимировна ей четверку поставила.

— Кого думаешь приглашать в гости-то?

— Валерку.

— И все?

— Все.

— Что же, друзей больше нет?

— Есть, но... никого больше не хочу.

— А Катю не желаешь?

— Катю?... Хм! Не знаю. А может, неприлично?

— Нет, почему же? Вполне прилично. Валерка, ты, Катя, ну и мы все — будет очень толково.

— Я подумаю.

— Непременно... Как самочувствие Валерки?

— Сейчас к нему пойду.

Юрка оделся и вышел в сени. «Может быть, маме вовсе и не показалась вторая стопу у Аркаши?— вдруг озарило Юрку.— И потом, чего это он долго ноги тут чистит? Не грязь ведь — снег. Стукнул раз о косяк — и все...» Юрка хотел было обследовать сени, но раздумал, чтобы не разочаровываться, если ничего не найдешь. А так вдруг и в самом деле гденыбудь что-нибудь припрятано.

К Юркиному удивлению, Валерка был во дворе. Он стоял под навесом, в пимах, в отцовском полушубке, повязанный огромной шалью, так что голова его была шириной с плечи. В узкой щели сверкали только Валерины глаза да вырвался парок от дыхания. Вокруг него, приговаривая что-то на своем языке, сновали курицы.

— Ты чего же выскочил?—спросил Юрка.
Валерка рукавом полушубка начал было раздвигать витки шали на лице, но Юрка не дал.

— Молчи. Тебе нельзя разговаривать на морозе... Кур пичкал?

Валерка закивал, как мог, и что-то промычал. Юрка зашел в курятник и стал манить: «Цып-цып-цып!» Потом захлопнул двойные двери, и по молодому, чистому снегу, помеченному крестиками куриных лап, мальчишки прошли к крыльцу.

Юрка помог Вере Сергеевне распутать Валерку. За время болезни Валерка осунулся и побледнел.
— Идите в комнату, сядьте на кровать спинами к печке,— сказала Вера Сергеевна.

Ребята так и сделали.

— Ну как?

— Ничего,— сдвинуто пробубнил Валерка, обматывая горло шерстяным шарфом.

— Легче?

— Легче.— Он, сморщившись и склонив голову, глотнул слюну.— Противно.

Вера Сергеевна принесла два стакана чаю со смородиновым вареньем. Валерка с мучениями начал пить. Юрка медлил.

— Смородина лучше всяких лекарств. Размякает. Мама, еще стакан!

— А я сейчас Мистера вспомнил... Ты бы узнал воруго, если бы встретил!

— Конечно, узнал бы. На нем плащ вот с таким копкаком.

— А если он переоденется?

— Переоденется?— переспросил Валерка, отхлебывая чай, сосредоточил память на том моменте, когда разглядывал бородача шагов с четырех, сидя за столом, и когда тот в упор глянул на него. Если бы Валерка старался запомнить физиономию пришельца, то, возможно, он нашел бы в ней что-нибудь особенное, но он не старался. Только бородачу запомнил. Но если сектант переоденется, то, естественно, и бородачу сбредет.

— Не знаю,— проговорил Валерка, легким кашлем прочищая горло.— Он такой высокий.

— Растяпа!.. Я бы его до печенок разглядел. У Катьки надо распросить.

— Галина Владимировна не велела же.

— Ну, это когда не велела! Давно. А сейчас— пожалуйста... Только она ничего не скажет. Или, как вот ты, скажет: мол, высокий и в плаще. Также растяпа! А сектанта рано или поздно нужно выследить. Может, он в это время кого-нибудь другого подговаривает бросить школу, страшает скорородками и чертями.— Юрка говорил тихо, чтобы не услышала Вера Сергеевна.— Или жертву требует— под поезд...

Валерка задумчиво помолчал, плотнее прижимая шарф к горлу, потом вздохнул.

— А Катька остается после уроков?

— Остается.

— А ты?

— Да-а... через день. Там и без меня хватает учителей. И вообще Нелька одна ее здорово подучит.— И Юрка рассказал о сегодняшнем Катином успехе. Валерка заулыбался.— Да! Учи, что послезавтра— день моего рождения. Как хочешь, но выдворавливай.

— Послезавтра?.. Я не успею.

— Успеешь!.. Еще тут одно дело: Аркаша советует Катьку позвать. Как, по-твоему, стоит или нет?

— По-моему?— Валерка перестал шумно вытягивать чай, но губ от стакана не отнял.— По-моему, стоит... С нами ей будет веселей, чем дома одной

или с матерью. Какие-нибудь игры придумаем. Стоит!

— Тогда все, приглашаю.

— Только потихоньку. А то Фомка опять задрознится.

Юрка так и не понял, откуда взялись торт, виноград, яблоки, шоколадные конфеты и прочие яства. Все это возвышалось на столе, как остров изобилия. Василиса Андреевна дожаривала на плите картошку. Петр Иванович, потирая руки, расхаживал возле стола.

Юрка, от волнения не зная, что делать, выставил клетку с двумя уже пойманными синицами на тополь и теперь, поднырнув под штору, следил за ними в незамерзшую кромку окна... Приближалось назначенное время.

Хлопнула дверь.

— Ну-у,— воскликнул Петр Иванович,— раз большой астал, значит, все в порядке.

— Здравствуйте,— сказал Валерка все еще не своим голосом.

Юрка, улыбаясь, вышел из передней. В правой руке Валерка держал что-то большое, окутанное простыней. У Юрки затрепетало сердце. Он хотел что-то сказать, но все забыл, а только смотрел на это нечто, предполагая в нем подарок.

— Поздравляю с годовщиной,— проговорил Валерка торопливо.— Возьми от меня.

Юрка взял, поставил на табуретку, откинул углы простыни. Это была клетка. Нет, это была не клетка, а сказочный птичий терем. Двухэтажная, с двенадцатью хлопками, по шесть с каждой стороны, вся резная и очищенная шкуркой, без единой проволоки, не считая пружин, которые тоже прикрывались деревянными накладками. Василиса Андреевна, Петр Иванович, Юрка— все стояли подле табуретки и молчали.

— Нет,— сказал вдруг Юрка,— я не возьму ее. Валерка удивленно поднял брови.

— Слушай, Валера,— проговорил Петр Иванович,— давай-ка завернем ее да в уголок поставим, а домой пойдешь— прихатишь.— И он начал было прикрывать клетку, но Валерка отстранил руку Петра Ивановича и испуганно спросил:

— Да почему?

— Нельзя, Валера,— заметила и Василиса Андреевна.— Нельзя, это не штука. Нельзя.

— Да ведь я ее сделал! Я сам! Что вы?... Я сделал, и я дарю ее Юрке. Вы почему?... Он чересчур поднажал на голосовые связки и закашлялся.

— Давай, давай ее, Валера, завернем и поставим в уголок, а пойдешь домой...

— Тогда я сейчас пойду домой.— На глаза мальчишки навернулись слезы.— Раз не хотите, то не даю...

— Да нет же. Ты пойми: такие штуки надо в музей выставлять, а не дарить всяким шалопаям,— сказал Петр Иванович.

— Если надо, я для музея еще сделаю, а эту— Юрке.

Вощел Аркадий, ахнул, увидев клетку, осмотрел ее, не раздеваясь, согласился, что это «изделие не для дома», но раз оно дарится от чистой души, то отчего бы и не принять.

Валерка поддакнул.

— Ну-с, за стол!— скомондовал Петр Иванович.— Люблю грозу в начале мая!

— Нет, погодите,— проговорил торопливо Юрка.

— Что, еще кого-то ждете?

— Это...— Юрка замешкался, сделал неопределенный жест рукой.

— Даму,— сказал Аркадий.

— Даму?— удивился Петр Иванович и тыльной стороной кисти провел по щеке, при этом послышалось шуршание.— Так надо же побриться, раз дама!

— Да какая дама— Катька Поршенинкова!— возмутился Юрка, краснея, и в порыве самозащиты заявил:— Тогда садимся! Вовремя не пришла— не надо.

— Экий ты, братец, горячий,— посоветовал Аркадий.— К скольким ты просил?

— К трем.

— Сейчас ровно три. К тому же сам бог велел женщине чуть-чуть опаздывать. Так ведь, мам?

— Да я уж и не помню, что бог-то велел, но подождет, конечно, надо. Пусть и картошечка еще попреет. Кто же это, одноклассница?

— Ну,— сердито ответил Юрка.

Десять минут прошло. Прошло пятнадцать. Юрка то и дело косялся на будильник, злился.

— Хватит! Раз не захотела, не надо.

— Юрк,— проговорил Аркадий.— А вдруг не «не захотела», а мать не пускает? Вдруг ей очень хочется, а мать — нет? И все!

— Не знаю,— сказал Юрка.

— А я уверен, что именно так. К кому-кому, а к тебе Поршенинкова не сразу отпустит дочь. Я подумывал об этом.

Юрка взглянул на брата. Да, ведь они с Валеркой первыми враги Поршенинковой, и, разумеется, к ним она не отпустит Катьку... Мало того, она, может быть, смеется над приглашением, издевается, выставляя его во всяких унижительных видах: сидит на табуретке и хихикает... Юрке неожиданно захотелось сказать этой женщине что-то злое, желчное, чтобы передернулось у нее лицо и чтобы вся она так и обмякла.

— Валерк, сбегает, а?— предложил он.

— Давай.

— Молодцы!— проговорил Аркадий.

Мальчишки спешно оделись и выскочили.

Они шли быстро и молчали. Валерка не знал, что будет говорить, столкнувшись с Поршенинковой, и поэтому побывался встречи, но ведь «надо поступать так, как поступать боязно», и он не отставал от друга. Юрку же подобное борение чувств не одолевало: он был полон решимости.

Юрка открыл калитку, и они пересекли двор. Однако на двери висел замок. И замок этот моментально уравнивал мальчишек в их чувствах— оба они с одинаковым растерянно-непонимающим видом переглянулись. Юрка несколько раз повернул замок с боку на бок и даже зачем-то дернул его. И вдруг в сенях скрипнула дверь, и кто-то спросил:

— Это ты, мам?

— Катьки!— крикнул радостно Юрка.— Это мы с Валеркой.

— Ребята?— поразилась девочка, и через миг мальчишки услышали ее голос прямо за досками двери, даже парок сквозя щель пробился:— Вы за мной, да?

— Конечно.

— Ой, а я закрыта. Мама ушла еще во втором часу. Посиди, говорит, я скоро, а все нет и нет. Я надела пальто и сижу возле плитки: у нас холодно.

— А ты отпрашивалась?— спросил Юрка.

— Отпрашивалась. Она сказала: посмотрим,— а потом ушла.

Юрка вновь подергал замок и проговорил:

— Пошарь-ка в карманах, нет ли чего острого.

— Зачем?.. Вот гвоздь, только погнуть.

— Еще лучше. Ну-ка...— И Юрка принял ковыряться в скважине.

— Вы хотите меня открыть?.. Не надо. Юра, не надо. Мама ругаться будет!— испугалась Катя, поняв действия мальчишки.

— Не бойся... Этот замчище не взгодом открывать, а ломом,— вздохнул Юрка.— Да-а... Замерзла? Иди в избу.

Неожиданно у калитки появилась крупная фигура Поршенинковой.

— А, вон кто! — издала проговорила она, увидев ребят, и направилась к ним.— Давненько вы у меня не были, давненько, вон с каких пор... Что ж, милости прошу! — Поршенинкова поставила на снег билдончик и достала из-за наличника двери ключ.— Видите, где прячем, не рассказывайте.

Ребята насупленно молчали. Молчала и Катя, будто ее и не было в сенях. Однако она оказалась там, когда распахнулась дверь.

— Ишь ведь, и мамзель готова,— заметила Поршенинкова.— Ну, заходи, чего на морозе быть?

— Да нет, мы пойдем. Пошли, Катя.

Однако девочка стояла на нижней ступеньке, не шевелясь.

— А чего это вы командуете, не спросивши у меня? — заговорила совсем нестрого Поршенинкова.— Я ей кто?

— Она же отпрашивалась,— сказал Юрка.

— Мало что отпрашивалась! А может, я не пушу? Может, у меня к вам доверия нет, чтобы отпустить?

Юрка разозлился.

— Значит, вы ее нарочно заперли, да?

— Ладно, идите,— махнула рукой Поршенинкова.— А то оляп наплетете на меня. Доверие у меня есть, только уж больно вы норовистые. Нарочно?.. Есть мне время с вами в прятки играть.

Катя медленно поднялась к порогу, словно боясь, что сейчас так окликнет ее и вернет, медленно переступила его и так же медленно направилась к воротцам, сопровождаемая молчаливыми мальчишками.

Лишь хлопок калитки преобразил их, словно разбудил или возвестил о переселении в новый мир. Юрка чуть присел, хлопнул себя по бедрам и задорно крикнул:

— Бежим! — И, схватившись за руки, они поспешили по белеющей дорожке.

Гайворонские радостно распахнули им навстречу дверь.

Юрка как увидел улыбающегося отца и уловил его пылкий взгляд, брошенный на Катю, так моментально сообразил, что он, по своему обыкновению, сейчас же начнет интересоваться, кто у Кати родители, да где они работают, да как сама она, и все такое прочее.

Бросив пальто и шапку в угол, мальчишка утянул Петра Ивановича в горницу и прошептал, грозя пальцем:

— Смотри, пап, ни о чем не расспрашивай Катю! А то начнешь свое как да почему... Нельзя!

— Вы что, с Аркадием договорились?.. Тот нам с матерью наказал строго-настрою молчать, ничего не объяснил, и ты... Что это за такая за девица?

— Тайна!.. Вообще, пап, лучше не расспрашивай. Молчи, и все.

— Странные порядки в родном доме.

— Ладно, пап, пошли.

Василиса Андреевна поставила на середину стола большую сквороду и пригласила присаживаться. Юрка первым занял место у окна, рядом примостился Валерка. Аркадий, наблюдавший это размещение с особым вниманием, подал брату несколько знаков жестами и мимикой, мол, Катю-то не забывай, но Юрка этих знаков не заметил и уже нетерпеливо тыкал вилкой в сквороду. Тогда Аркадий, сокрушено покачав головой и громко сказав: «Темnota!» — сам устроил девочку. Петр Иванович, не-

сколько сбивый с веселого настроения сыновними наказаниями, опустился подле Аркадия.

— Ну, вроде все ладно,— проговорила Василиса Андреевна, обозревая и угощение и тесный людской кружок.— Открывай, отец, вина-то заморские.— И удалилась в горницу, откуда вынесла пару черных пимов и ватные стеганые штаны.

— Вот, сыночек, чтобы зимой не замерз и не промок, от нас с отцом.— И три раза поцеловала Юрку: в лоб, в нос и в губы — лесенкой.

— Можешь теперь почевать в сугробе,— заметил Петр Иванович.

Юрка начал ощущать какую-то нехватку, словно что-то потерял или что-то забыл... А-а, подарок Аркадия. Что же подарит брат?.. Аркадий словно и не собирался ничего преподнести, шутил да улыбался в ответ на Юркины огненные взгляды, а затем вдруг взял бутылку шампанского и, нацеляясь в братишку, начал раскручивать проволочку. Юрка, защищаясь, аскинул руки, пискливо завопил под общей мх.

В последний момент Аркадий чуть повернул бутылку, и пробка провистела у мальчишки над головой.

— Прощу стаканы!

— За это полный наливай,— проговорил Юрка, но Аркадий всем трем налил по полстакана. Потом взял свою пузатенькую рюмку и поднял.

— Я пообещал уважаемому имениннику подарить мысль,— сказал он.— Пообещал сгоряча, прижатый к стене. Потом долго думал и обнаружил, что, знаете, нелегко блеснуть новой мыслью после того, как человечество прожило разумной жизнью столько веков. Поэтому прошу прощения заранее, если я использую находку какого-нибудь мудреца или философа.

Петр Иванович блаженно щурил глаза.

— Так вот. Бывают люди, которые живут для того, чтобы есть... и бывают люди, которые едят для того, чтобы жить... как сказал Аристотель. Я с удовольствием отмечаю, что наш именинник относится ко второму типу людей, то есть к тем, которые едят, чтобы жить. Это люди сердца и ума, но не живота. Я сказал длиннее, чем Аристотель. Но Аристотель говорил вообще, а я — в частности... Так пожелаем Юрке, чтобы он хорошо жил, поменьше бы киловатт-часов да побольше чего-нибудь иного. Привет, братуха! — Аркадий выпил, вышел в сени и тотчас вернулся со сверткой.

— А это — приложение к моим мыслям,— сказал он, сдирая бумагу и сдвигая с коробки крышку. Фильмоскоп! Юрка выскочил из-за стола и взял его в руки. О чудо! У Юрки даже мысли не было о фильмоскопе. А если и были, то случайные и робкие, еще далекие от мечты.

Юрка не знал, что делать: плясать ли, смеяться ли, быть ли серьезным, спрятать ли аппарат или же немедленно заняться им. Валерка не усидел — тоже вышел, и мальчишки принялись было изучать устройство фильмоскопа.

— Ну, это вы потом,— сказал Петр Иванович.— Потом, потом. Давайте за стол, ишь повесикавали... Мать для них жарила-парила, а они за железу хвятились... Аркадий, заberi у них эту пушку.

— Садимся, садимся,— ответил Юрка и поднес аппарат к Кате.— Имя кино показывать.

С энергией взяли пищи ребята за еду. Василиса Андреевна сама ни до чего не притрагивалась, все следила за чашками и все предлагала отведать то одно, то другое.

Петр Иванович, вдруг озорно блеснув глазами, спросил:

лочками? Давай, дочка, а то их не переждешь. Юрка-то сейчас вздохнет, потянется, помнет кулаками брюхо да опять за ложку.

— Ух, братцы! — воскликнул вдруг Аркадий. — Забыл! — Он вскочил, сбегал в свою комнату и принес пригоршню серебряных баночек с диафильмами.

— Оу! — Юрка чуть не подавился яблоком.

— Принимайте! — И Аркадий по одной стал выставлять баночки на стол, оглашая: — «Как братец Кролик победил Тигра», «Метелица», «Илья Ефимович Репин», «Три поросенка», «Франсуа Рабле» и «Гете». Все... Кое-что вы тут не знаете. Красота живописи и литературы поразит вас позднее. Но ведь жить-то надо начинать сейчас, а не позднее... Как мы с товарищем Аристотелем договорились? ...Жить! Так давайте жить в союзе с Аристотелем, восстановим связь времен, которая, по словам Гамлета, распалась!.. За всех хороших людей, которые жили раньше, живут сейчас и будут жить в будущем!

Аркадий с Петром Ивановичем выпили еще по одной.

— Цветная! — крикнул Юрка, вытащив одну из лент. — Валерк, ну-ка пошли... Катька, пойдем кино смотреть.

— Да... — заметил Аркадий. — Хорошо бы сделать или найти для баночек полочку какую-нибудь или шкафчик, а то живо растеряются.

Ребята уединились в комнате Аркадия, установили фильмоскоп, заправили диафильм и «дали свет». На стене выше ковра отпечаталась рамка. Юрка навел резкость и двинул ленту.

— «Три поросенка!» — ликующе прочитал Валерка. — Кать, смотри: «Три поросенка»... — Катя замерла, перестав жевать и прижав к груди яблоко. Она смотрела на эти два крупных цветных слова, вдруг выплывших из-за темной кромки, как на чудо. Валерка с сожалением сказал: — Только плохо видно: светло. Юрк, давай темноты дождемся, чтобы сразу ярко.

— Погоди, несколько кадров.

— А как это? — спросила Катя с улыбкой, начиная медленно жевать яблоко. Она много раз бывала с классом в клубе и видела настоящие фильмы, но этого вопроса «как» не возникало: то ведь был клуб, там работали взрослые люди, там жужжали какие-то машины — по всему по этому и получалось кино. А если такое же кино «делают» Юрка с Валеркой, то, естественно, как?

— Очень просто, — ответил Юрка. — Перед лампочкой ставится пленка, и эта пленка отбрасывает на стенку тень, а эта тень и есть кино. — Он прокрутил кадрикос пять, но изображение было бледноватым, и мальчишка со вздохом отключил аппарат.

— Да... Где бы полочку найти!.. Полезли на чердак, там полно всякой всячины. Катьк, полезли с нами. Ты, наверно, ни разу не лазила на чердак?

— Нет.

Взрослые все еще сидели за столом, о чем-то рассуждая. Ребята накиннули пальто и выскочили в сени.

— Катя первая! — Катя задрала голову. — Не бойся, чертей нету, мы неверующие. Лезь.

После недолгих поисков в углу чердака, под тяжелой кипой старых газет, Юрка наткнулся на киот со стеклянной дверцей. Он осторожно поднял его, смахнул пыль и снег, пробившийся сквозь шиферную крышу, повернул к свету и подозвал друзей. За дверцей ребята увидели невыразительное, с длинным носом, плоское лицо, обрамленное складками фольги. Вокруг лица белели цветочки, похожие на ромашки, сделанные тоже из фольги.

— А можно все же задать нашей даме один вопрос?

И сразу — тишина.

— Ну, если этот вопрос тебя очень волнует, — проговорил Аркадий медленно, словно пытаясь из множества возможных вопросов угадать вероятнейший.

— Я хочу спросить Катю... м-м... как ей понравилась наша картошка?

— Вкусная, — ответила девочка, действительно уплетавшая за обе щеки и смущенная общим вниманием.

— Верно, дочка, вкусная. Вот и весь вопрос... Я предлагаю выпить за того, кто приготовил нам такую вкусную картошку, — за мать!

— Ур-ра-а! — крикнули Юрка с Валеркой, подымая почти пустые стаканы. — Чтобы всю жизнь была такая вкусная картошка!

— Спасибо, родненькие, спасибо. Уж буду стараться!.. Катенька, тебе, может, чайку, да вон с яб-

— Бог! — прошептал Валерка.
— Он у нас висел... Аркаша его снял, — сказал Юрка. — Видела такого? — неожиданно обернулся он к Кате.

— Нет.
— А каких видела?
— Никаких.
— А на кого же ты молилась? — запальчиво спросил мальчишка и сам удивился неожиданности и убежденности своего вопроса. Однако вопрос этот давно засел в его уме. Юрка почувствовал безжалостность своих слов и поспешил смягчить их: — Или ты не молилась?

Катя склонила голову.
— Молилась.
— Хм... Значит, ты веришь в бога... Вот в этого... Мы его на чердак швырнули, под старые газеты, в пыль, а ты в него веришь.

Девочка подняла голову, быстро глянула повлажневшими глазами на Юрку, на киот в его руках и тихо проговорила:

— Я... не знаю... Я мало молилась... Мне стало страшно. Все кричат, плачут... Вот так... — Катя вдруг сложила ладони лодочкой, чуть приподняла их над коленями и зашептала: — Дай, господи! Дай, господи!

Мальчишки смотрели на Катю, разинув рты. Пальто сплзло у Валерки с плеча, но он не ощущал холода.

— Ну, и чего он дает? — спросил Юрка.
— Не знаю. Я ничего не видела, чтоб давал.
— Да что он может дать?

Юрка встряхнул киот. Дверца отворилась, и ребята четче увидели постный божий лик. Они некоторое время молча рассматривали его, затем вдруг Юрка потянулся пальцами к одному из цветков и взял его за лепестки — цветок отлип с каким-то щелчком, так что ребятки даже вздрогнули.

— Вот, пожалуйста, отнял у бога, и ничего он мне не сделает. Вот... — Юрка оторвал еще один венчик. — И хоть бы что! Бога нет, поэтому он и не наказывает и на сковородке не поджаривает... И Валерке ничего не будет. Рви, Валерка.

Валерка не постеснялся, и еще один цветок выпал из наряда небесного отца.

— Ну вот. Попробуй-ка сама. — Юрка приблизил киот к девочке.

Катя сперва чуть отшатнулась, потом выпрямилась и медленно, с робостью протянула руку к иконе... Щелчок — и венчик оказался в ее пальцах.

— Видишь, земля не раскололась. Срывай еще! Катя довольно решительно дернула цветок над самой головой боженьки.

— Смелей, смелей! Вот так! — И Юрка всей пятерней содрал начисто фольгу, скомкал и так резко бросил, словно это было пойманное ненадолго опасное насекомое. — Вот! — сказал Юрка.

Оставшись без мишуры, бог вдруг как-то съжиглся, померк и стал похож или на самого последнего ничего, или на облезлую обезьяну.

— Забавный какой! — несмело улыбнулась Катя.
— Еще бы! — поддержал Юрка. — Лысый хрыч... Валерка, а знаешь, это ведь законный шкафчик под ленту. Как раз... Бога соскреем ножом или просто бумагой чистой оклеим, и порядок.

Когда спускались по лестнице, Юрка проговорил: — Опять бога в избу тащим, но с другой целью, ага, Валерка? С современной целью!

— Гениально! — воскликнул Аркадий, увидев обезображенный божий лик. — Я его выселил на чердак, а вы его там прикончили. Безбожником стал наш дом!

— Катя, ты чего в пальто стоишь? — сказал Юрка. — Снимай, сейчас кино будем смотреть.

И ребята, пригласив Василису Андреевну и Петра Ивановича, прокрутили три диафильма.

— Все ведь научно, полезно, — заметил Петр Иванович.

Проводив Валерку и Катю до калитки и сунув им по яблоку, Юрка вернулся и занялся аппаратом вплотную. Он долго прочищал его, продувал, что-то подкручивал. Подарок! Настоящий, а не какой-нибудь моральный, в черепной коробке. Хотя и моральный тоже интересный: есть — чтобы жить, и жить — чтобы есть. Значит, еда не главное, главное — жить. Занятно!

Юрка заглянул к Аркадию.
— Аркаша, а кто такой Аристотель?

— Аристотель? Философ. Карл Маркс назвал его величайшим мыслителем древности. А ты что, не доверяешь союзу с ним? Напрасно. Это очень порядочный человек. Я бы мог тебя просветить, но ты многого не поймешь — философия, извини. Кстати, Аристотеля и Ленин ценил. Вот так... — Аркадий пригнул брата к себе и посадил на одно колено. — Ну, как, по-твоему, прошел день рождения?

— Хорошо. А по-твоему?
— На троечку.
— Ну да!
— Не больше. Куда это годится: вместо того, чтобы устраивать гостей, ты, как дикарь, первым кидаешься к столу. Щелетильный гость в этом случае хватается шапку и прощается.

— Неужели они сами не могут есть?
— Нельзя!
— Зато я Катьке самое хорошее яблоко отдал,— напомнил Юрка.

— Вот только поэтому я троечку и ставлю, а так бы двойку закатил.

— А ты бы видел, как мы цветки с бога срывали! Даже Катька срывала. Да-а, она ведь молилась. Она рассказывала... Жутко... Сейчас она, наверное, не молится. Надо спросить.

— Ну, если уж на бога подняла руку, то... понимай сам...

(Окончание в следующем номере.)

ТУЧИ НА ДОРОГАХ

Вадим ЛЕВИН

На горных дорогах,
Где скалы и кручи,
Где медленно едут машины.
Лежат-отдыхают
Огромные тучи
И греют на теплышке спины.

Шепнет новичок:
«Ни за что не проеду!
Уйдите, громады лохматые...»
И жалобно блеют-сигналят
«Победы»,
Как будто большие ягнята.

Но лихо подъехал
Шофер
(не любитель,
А классный, бывалый водитель)
И очень устало сказал:
«Не гудите,
Гудками нельзя убедить их».

Сказал он:
«Их ветер разгонит к полудню.
Держитесь правее и ждите». —
И в сизую тучу
Уехал по лужам
На МАЗе

бывалый водитель.
А в полдень задуло
(Не верится даже —
Откуда шоферу известно?),
И тучи проснулись
И двинулись дальше
Дорогой своей поднебесной.

Давайте рисовать

Занятие ведет
Нина Федоровна
Кирпичева.

Дорогие ребята, многие из вас любят рисовать.

Об этом мы знаем из писем, которые приходят со всех концов страны с рисунками и вопросами:

«Можно ли самому научиться рисовать?», «Как рисовать?», «Могу ли я стать художником?»

А Нина Шелеметьева из Саратовской области пишет:

«Я очень люблю рисовать, но иногда задумываюсь: зачем тратить столько труда на рисование картин, когда существует цветная фотография, которая не уступает произведениям художников?»

Не вытеснит ли в будущем цветная фотография живопись? Стоит ли учиться рисованию?»

Вот мы и решили открыть на страницах журнала художественную студию и отвечать на ваши вопросы.

Научиться рисовать могут все точно так же, как могут научиться писать, читать, чертить... Только если взяться за дело с толком и всерьез.

Многие ребята любят срисовывать с картинок, открыток, фотографий и думают, что это и научит их рисованию.

Нет! Так нельзя научиться рисовать, но можно привыкнуть перерисовывать, а это значит и не помышлять о настоящей творческой работе. Картина каждого художника задумана им самим, сделана на основе своих собственных раздумий, переживаний, наблюдений.

Очень большую роль в творчестве художника играет его наблюдательность, умение видеть в окружающей жизни характерное: обращать внимание на то, мимо чего другие проходят, не замечая.

Чем ярче проявляется в рисунке наблюдательность, тем рисунок интереснее. Поэтому

самым лучшим учителем художника является сама жизнь, а лучшим обучением — рисование с натуры.

И прежде всего нужно научиться видеть!

Да, не удивляйся. Смотреть и видеть — это не одно и то же!

Иной проживет в доме долгие годы, а попроси его вдруг описать этот дом, как окажется, что этого он сделать не может: значит, смотреть-то смотрел, а видеть не видел. Зрительную память нужно развивать!

Погляди вокруг себя. Что тебя привлекает?

Нравятся тебе животные — порисуй свою кошку, собаку, кролика, понаблюдай за птицами, которые порхают вокруг, за стадом, возвращающимся с поля.

Посмотри на себя в зеркало: вот лицо человека, изучи его строение и попробуй изобразить. Придет к тебе товарищ — порисуй и его. Попробуй передать, чем его лицо отличается от других. Интересно делать в блокноте быстрые рисунки-наброски, наблюдая людей в движении.

Когда рисуешь с натуры, обязательно приходится думать, как расположить рисунок на листке бумаги, как передать форму предмета, объем, освещенность, цвет и материал, из которого предмет сделан. И такая работа полезна: ты начинаешь мыслить как художник.

В этом смысле рисунок даже самого маленького дошкольника, взявшегося за кисть и попятавшегося образно, в меру своих сил, нарисовать, например, свою маму или самого себя, можно назвать творческим.

Люди самых разных профессий любят заниматься живописью в свободное время.

Да и как не любить занятие, которое делает чудеса: только что лежал чистый лист бумаги — и вдруг по твоей воле на нем начало оживать то, что ты захотел изобразить!

Автопортрет.

П. Федотов.

Портрет старой женщины.

Рембрандт.

мир человека, когда по портрету можно судить о том, какими чертами характера обладает человек и как к нему относится сам художник.

Ведь рисуя портрет, художник думает не только над тем, как точнее передать нос, рот, глаза, но и старается понять, какие черты характера скрываются за изгибом губ, за морщинами и складками на лице, невольно для себя определяя, нравится ли ему этот человек или нет.

Не случайно художники, рисуя портреты выдающихся людей, героев, оттеняют их лучшие душевные качества, а рисуя отрицательных, подчеркивают их неприятные свойства.

Душевная взволнованность всегда делает работу художника произведением искусства. Вот почему случается, что детский наивный и неумелый рисунок, сделанный искренне и просто, покоряет даже опытных художников.

Посмотрим лучшие образцы мировой живописи. Каким светом и теплотой веет от портрета старой женщины работы Рембрандта, который находится в Музее изобразительных искусств в Москве!

Замечательный испанский художник XVII века Веласкес создал ряд портретов — короля, придворных, папы. Лица этих людей он изображает с исключительной правдивостью: на

Не мудрено, что многие из вас мечтают стать художниками. Но уметь рисовать еще не значит стать художником.

Во всяком деле есть своя вершина, до которой нужно добираться. Замечательный русский художник Федотов мог в набросках двумя-тремя штрихами передать движение и характер человека. Тем, кто восхищался его умением изобразить в картине все образно и просто, он отвечал: «Будет просто, если поработаешь раз со сто».

Художником становится тот, в ком сочетается любовь и интерес ко всему живому с умением остро схватывать движение, форму, цвет, кто считает свою жизнь немислимой без того, чтобы рисовать, кто работает с упорством и настойчивостью.

Вот тут-то мы и подошли к вопросу Нины Шелеметьевой: «Стоит ли тратить столько труда на рисование картин, когда существует цветная фотография?»

Так, видимо, подумала Нина (она прислала нам свой рисунок), когда рисовала своего спящего брата: «Чтобы сделать его похожим, нужно долго рисовать, а щелчки аппарата — и точный портрет готов».

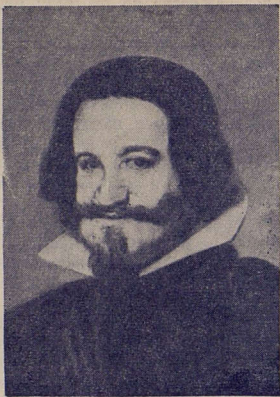
Но в том-то и дело, что точность еще не все!

Величайшим достижением искусства являются те портреты, в которых дано не только внешнее сходство, но и показан духовный

Папа Иннокентий X.

Веласкес.

Герцог Оливарес.

Веласкес.

них можно прочесть всю пустоту короля, жестокость его придворных и хитрость папы Иннокентия X.

Если бы в то далекое время существовала фотография, то их характеры не были бы так обнажены, как обнажились они под кистью зоркого художника. На фотографиях мы бы увидели людей со светскими улыбками, за которыми прячется их действительная сущность. Ведь фотоаппарат запечатлел бы только один момент, а Веласкес, зная дела, помысли, жизнь и все проделки придворной знати, раскрывает в своих портретах их характеры.

Герцог Оливарес на портрете Веласкеса улыбается, но что это за улыбка! Гений художника вложил в нее столько коварства, что не возникает сомнения: такого человека нужно опасаться.

Не случайно папа Иннокентий X, увидев свой портрет, воскликнул: «Слишком много правды!»

Вы знаете также, что существует историческая живопись. Она воскрешает события прошлого и воссоздает то, чего художник сам не видел, что не запечатлено фотографией, о чем сохранились только описания очевидцев.

Художник подбирает огромный исторический материал, изучает костюмы, быт, оружие того времени и старается как можно правдивее представить самому себе событие, чтобы показать его другим.

Вам известны картины знаменитого русского художника Сурикова, повествующие о далеком прошлом. В этом номере вы познакомитесь и с другим мастером русской исторической живописи, А. Рябушкиным.

Глубоко волнуют и еще долго будут волновать умы и сердца современных и будущих художников события Октябрьской революции и Великой Отечественной войны, и фотография всегда будет лишь хорошим помощником художника.

Цветная фотография не может спорить также и с произведениями пейзажной живописи.

Каждый художник имеет свою манеру исполнения, свой способ выражения, свои живописные приемы, и это помогает ему выразить в пейзаже все более остро, убедительно и, главное, передать настроение.

При всех достижениях ни одна фотография не может передать ясную чистоту неба, сочную зелень травы, золото осенней листвы, такое радостное, светлое или грустное настроение, как это сделано на картинах лучших пейзажистов мира.

Конечно, сравнивать фотографию надо с настоящей, подлинной картиной, а не с уменьшенной в десятки раз репродукцией, напечатанной в журнале или на открытке. Даже самые лучшие репродукции — только бледное отражение самой картины.

Художественная фотография достигает иногда больших эффектов и в будущем достигнет еще больших, но это не умалит значения настоящей живописи, окрашенной волнением и чувством художника.

Каждый художник по-своему ищет пути, чтобы выразить острее, ярче и правдивее то, что его волнует и что, в свою очередь, будет волновать зрителей.

Давайте, ребята, почувствуем себя чуть-чуть художниками и попробуем поработать над своими рисунками.

А для начала запомните три волшебных правила:

1. Рисуй самостоятельно. Не срисовывай с картинок и открыток.

2. Понаблюдай, прежде чем рисовать. Рисуй смело то, что видишь перед собой в жизни, и по памяти, то, что видел. Не бойся ошибок и неудач.

3. Заканчивай рисунок только тогда, когда чувствуешь, что уже лучше сделать не можешь.

Итак, давайте рисовать!

А в следующий раз мы поговорим о композиции.

День Евгения

7 часов. Проснулся, увидел — мама встала, подбежал к форточке и начал делать зарядку. Умылся, оделся, позавтракал, взял портфель.

8 часов. Пошел в школу. Утренняя дорога — лучшее время — подумать о том, что надо сделать сегодня.

2 часа. Пришел домой, пообедал, сходил в булочную — там кончился обед и привезли свежий хлеб, — а потом пошел во двор поиграть в волейбол.

4 часа. Сел за урны, сделал все письменные, потом устные.

6 часов. Пошел в авиамодельный кружок; оттуда зашел в пионерскую комнату — узнать, кто вместе с ним завтра пойдет в разведку по зоне пионерского действия.

8 часов. Посмотрел часок телевизор, потом поговорил с братишкой и пошел на кухню, где никого нет, почитать книгу «Двадцать лет спустя».

10 часов. Сложил портфель на завтра, вышел на 10 минут во двор — подышать свежим воздухом, умылся и лег спать.

Когда начинается новый учебный год, каждый обнаруживает, что он вдруг здорово вырос — на целый класс.

«Что такое четвероклассник? Так, мелочь какая-то», — думает пятиклассник.

«Неужели я тоже был таким малышом — пятиклассником?» — думает шестиклассник. Словом, все стали большими за это лето! А раз большими, значит, надо начинать новую, осмысленную жизнь, достойную четвероклассника, пятиклассника, шестиклассника.

Есть такой научный термин: «Фотография рабочего дня». Когда хотят проверить, как работает рабочий у станка, куда уходит его время, специальный человек с секундомером в руках отмечает: зажал деталь... начал ее обрабатывать... снял... сменил резец... Иногда рабочий сам ведет такую запись. Это называется «самофотография рабочего дня».

Вот внизу три колонки. В двух из них фотографии одного дня учеников... того класса «Б» 18-й школы города... Впрочем, не все ли равно, какого города? А в третью надо занести результаты твоей самофотографии. Как ты проводишь свой день? Так же нелепо, как Валя? Так же разумно, как Женя? Или, быть может, еще лучше?

День Валентины

7 часов. Валя спит. В половине восьмого мама разбудила ее: «Вставай, опоздаешь!» Но

вставать было лень. «Еще минутку полежу!»

8 часов. Заметалась по комнате, разыскала учебники, носки и помчалась в школу. При-

бежала в класс до того, как вошел учитель, и была рада этому. Сегодня не опоздала!

2 часа. По дороге из школы постояла полчаса с подружкой, потом Галя Дворникова шла навстречу — проводила ее до булочной, потом до дому.

4 часа. Пообедала и, почувствовав себя усталой, взяла старый «Пионер» и прилегла на диван.

6 часов. Пошла во двор. Зашла к Галке Дворниковой, хотела поиграть в «дурака», но Галка отказалась: «Завтра по географии вызовут».

8 часов. Уселась перед телевизором.

10 часов. Вспомнила про уроки. Схватила тетрадку и стала быстро переписывать упражнение по русскому. Устных уроков учить не стала: может, и не вызовут? Около двенадцати легла спать.

Твой день

ИЗОБРЕТАТЕЛИ ЗА ПАРТОЙ

Сегодня на нашей выставке особые экспонаты. Сделанные руками ребят в школьной форме, эти машины и приборы работают сейчас на фабриках и заводах, на полях и фермах страны. Они облегчают труд рабочих и колхозников, экономят государственные средства, помогают автоматизировать производство.

Родине, народному хозяйству отдадут юные изобретатели свои знания и навыки, свой творческий труд.

На вашей выставке — только часть этих работ. Скоро вы увидите их на Всесоюзном конкурсе юных рационализаторов и изобретателей.

А еще лучше не только смотреть чужие работы, а попробовать самим принять участие в конкурсе!

Редакция «Пионера» желает успехов всем изобретателям и рационализаторам в школьной форме!

10 ТЫСЯЧ РУБЛЕЙ ЭКОНОМИИ

«Как показали испытания, автомат работает четко, поддерживает заданное давление. До его появления компрессор включали и выключали вручную, через каждые 8—10 минут. Применение автомата управления компрессорной установкой поможет нам полностью автоматизировать работу в компрессорном цехе и даст экономию только по фонду зарплаты, не считая экономии электроэнергии, 1 440 рублей в год».

Это отзыв главного механика швейной фабрики города Армавира о работе кружковцев школы № 6. Автомат управления компрессором сконструирован по заказу фабрики и, как видите, вполне устраивает заказчиков.

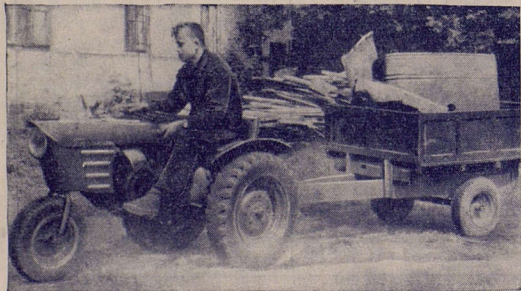
На многих предприятиях города работают приборы, изготовленные ребятами из радиокружка школы № 6. Если подсчитать, какую экономию государству принесли эти автоматы, получится солидная цифра — 10 тысяч рублей!

На снимке: ребята устанавливают свою аппаратуру в сушильном цехе фабрики музыкальных инструментов. По заказу этой фабрики они сделали автоматический регулятор температур (АРТ). И здесь кружковцы помогли полной автоматизации сушильного цеха и принесли большую экономию государству.

«МАЛАЯ ШКОЛЬНАЯ МЕХАНИЗАЦИЯ»

Настоящему трактору не вернуться на небольшом пришкольном участке или во дворе школы. А без техники трудно в хорошем хозяйстве. Ребята из технического кружка школы № 1 города Котельнич, Кировской области, построили малолитражный трактор с прицепом. И назвали его не как-нибудь — «Юрий Гагарин!». Машина получилась действительно хорошая — перевозит на прицепе груз до 300 кг, скорость развивается до 27 км/час и свободно разворачивается на небольшом пространстве (радиус поворота всего два метра).

«ПРИШЛИТЕ СВОИ ЧЕРТЕЖИ»

С такой просьбой обычно обращаются в проектные институты и конструкторские бюро. На этот раз десятки писем летят по необычному адресу: Чернигов, Областная станция юных техников, конструкторский кружок.

Писем много. Самый большой спрос на чертежи навесного лесопогрузчика. Эта машина облегчает погрузку леса: она автоматически захватывает бревна и складывает их в штабеля или грузит на платформы и грузовики. Легкая и подвижная машина заинтересовала всех, кто работает в лесном хозяйстве. Отказа никому не было. Чертежи с Черниговской СЮТ пошли в Приволжский механический лесхоз, на кафедру тяговых машин университета в Петрозаводске, в межотраслевое конструкторское бюро в Брянске, механический лесхоз в Бузулуке, совхоз имени Ленина, Московской области, и по многим другим адресам.

Идут запросы и на чертежи других навесных машин: транспортера-подборщика, торфоподборщика-погрузчика, навесного прицепа-самосвала, навесной цистерны для трактора, навесного самопогрузчика — разбрасывателя торфопорошка и минеральных удобрений.

Юные черниговцы часто ездят в ближайшие совхозы и колхозы, присматриваются к работе на фермах и полях и стараются по мере своих сил облегчить труд колхозников, помочь замене ручного труда машинами.

Увидели, как трудно дояркам приходится во время дойки, сконструировали механическую привязь для коров.

А машину, которую вы видите на снимке, придумали, вернувшись из поездки в колхоз имени Калинина, где большая пасека. Пчелы боятся шума мотора. Ребята сделали

машину, которая движется, как велосипед, — без шума. Это подъемник-транспортер. Можно подъехать совсем близко к улью, снять его и перевезти на другое место. Сейчас эта машина — в павильоне юных техников на ВДНХ.

Колхозникам очень жалко было отдавать эту машину со своей пасеки на выставку. Но ребята обещали срочно изготовить вторую.

СОВСЕМ КОРОТКО

ОДОБРЕНО ЛЕНИНГРАДСКИМ СОВНАРХОЗОМ предложение юных техников Калининского района делать медные стержни электропаяльников составными. Это усовершенствование даст большую экономию меди.

30 ОПЫТОВ можно поставить в школе с помощью осциллографа, разработанного радиокружком школы № 25 города Орла. Несколько таких приборов кружковцы отправили в сельские школы.

НА ВСЕСОЮЗНУЮ КОНФЕРЕНЦИЮ по применению электроники в медицине и биологии были приглашены представители радиотехнического кружка Ленинградского Дворца культуры имени первой пятилетки. Медицинские приборы, сконструированные ребятами, полу-

чили высокую оценку академика А. И. Берга.

МЕХАНИЗАЦИЯ В АПТЕКЕ. Кружковцы из Великих Лук сделали для своей аптеки светозвукую сигнализацию, механизировали подачу дистиллированной воды, установили сигнальные приборы к стерилизаторам и различным аппаратам.

ДОИЛЬНЫЕ АППАРАТЫ НА ПАСТБИЩЕ. Это тоже работа школьников физического кружка школы № 1 в Великих Луках. Аппараты не нуждаются в электростанции, работают от переносных двигателей. Теперь можно механическую дойку производить прямо на пастбище.

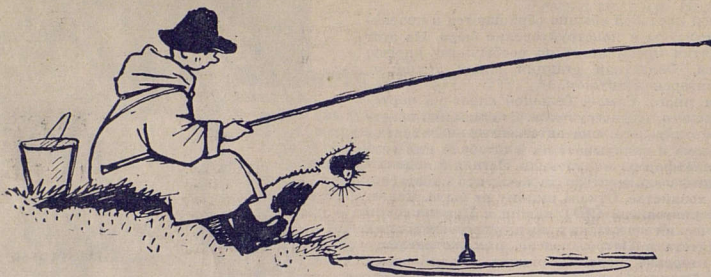
СТАНОК-АВТОМАТ для формовки конфет работает на кон-

дитерской фабрике в городе Сальске. Его сконструировали юные техники.

«КАРАНДАШ» — так назвали свою конструкцию сварочного аппарата юные техники из Бологого. Аппарат отличается простотой, в нем мало деталей.

РАДИОЭЛЕКТРОНИКА В ПЧЕЛОВОДСТВЕ. Юные техники Доволенского района, Новосибирской области, установили в ульях микрофоны, позволяющие на расстоянии наблюдать за поведением пчел.

ВДВОЕ УМЕНЬШИТЬ СТОИМОСТЬ РАЗГРУЗКИ ВАГОНОВ предложили юные техники города Бологого, Калининской области. Они построили оригинальную модель разгрузочной машины для вагонов с сыпучими грузами.

Советы рыболовам-новичкам

Василий АЛФЕРОВ

1

Рисунки В. Константинова.

Среди вас, ребята, немало умелых рыболовов, но, наверно, есть и такие, которые, проведя весь день на речке, возвращаются домой, и наливив рыбы даже кошке на ужин. Вот таким-то незадачливым рыболовам я хочу дать несколько полезных советов.

Начнем с того, как выбрать «рыбное место».

Лучшие места для рыбалки — пойменные речки и озера. Тут и рыба водится разная, и природа прекрасная, и сухого хвоста сколько угодно. А рыболову без дров нельзя: надо сварить уху, вскипятить чай. Пить сырую воду, особенно из мелких стоячих водоемов, не рекомендуется.

Многие юные рыболовы не умеют выбрать хорошее место ловли или не придают отому серьезного значения, считая, что «где вода, там и рыба». Придя на озеро или на речку, они садятся где попало, поспешно разматывают лески и забрасывают их в воду. Мне не раз приходилось наблюдать такую картину. Неподалеку друг от друга рыбачат двое. Удочки и насадки у них совершенно одинаковые, но результат разный. Один рыболов идет домой с полной корзиной, а другой ни с чем или несет несколько мелких рыбец. Почему? Потому что первый рыболов знает, где какая рыба.

Прежде чем забросить в воду лески, пройдитесь по берегу водоема, хорошенько присмотритесь к нему. И вы увидите, что в одном месте берега отлогие, чистые, в другом — крутые, обрывистые, в третьем — поросшие травой, кустарником. Рыба чаще держится на глубоких местах у подводных коряг, у кустов, растущих на берегу и склоняющихся над водой, у плотин, запруд, в камышах. Вот в таких местах и следует садиться с удочками.

Только надо получить устроить свое «рабочее место». Чтобы удобно было сидеть, надо вырезать рогульки (сошки), крючки для придерживания удилиц, убрать вокруг себя все, что может помешать забрасыванию лесок.

Начинающие рыболовы часто разговаривают шепотом, боясь отпугнуть рыбу, а в то же время они стоят и ходят по берегу, через голову из всей силы забрасывают леску, резко шлепа поплавком и удилицей по воде, то есть делают все, чего следует избегать, особенно при ловле сазанов и голавлей. Кстати, разговаривать на рыбалке шепотом совсем не обязательно.

О том, что с привадой можно поймать больше рыбы, знают все опытные рыболовы. Но надо помнить, что прикорм должен быть хороший — не заплесневелый и не прогорклый. Испорченный прикорм не приманивает, а отпугивает рыбу.

Однажды, когда я рыбачил на Молочном озере, ко мне подошли двое мальчишек.

— Поймал, дядя? — в один голос спросили они меня.

Я молча кивнул на садок. Один из ребят приподнял сетку с рыбой и удивленно воскликнул:

— Ай-ай, сколько наловили!..

— А мы и клева не видели, — сказал второй. — Прикорму целый котелок разбросали, и все без толку. Одни раки одолели совсем нас.

— А какая у вас была привада?

— Сухари, куски хлеба собрали да размочили!..

— А хлеб и сухари свежие были?

Жук-дровосек и его личинка

— Так себе, завалившие...

— Вот поэтому у вас и клева нет,— сказал я.— Такая привада годна только для раков: они неразборчивы, а рыба понимает вкус.

Без хорошей насадки рыбу не поймаешь. Для приманки годятся навозные и земляные черви, выползки, личинки майского жука и жуков-короедов, кузнечики, стрекозы, муравьиные яйца, мотыль (личинки комара-толкучка, мякиш черного или серого хлеба и пшенная каша, тесто, пареная пшеница и многое другое. Рыболову надо знать, какая рыба в какое время года и на какую насадку лучше берет.

В тихие солнечные июньские дни головли, язи и чехонь хорошо клюют на кузнечиков и мелких стрекоз. Ловить их надо только на одну удочку — нахлыстом.

Весной и осенью почти все нехищные рыбы да и некрупный окунь хорошо берут на любых червей. В середине лета рыбы особенно разборчивы. Вот тут-то как раз и надо подбирать самую разнообразную насадку. Если сазан, например, не клюет на червя, надо предложить ему личинку майского жука или пшеничную кашу. Не понравится это «блюдо» — попотчуйте его вареной картошкой, мякишем хлеба или пареным горохом. Кал-нибудь приманка все же соблазняет этого хитреца.

2

Все, как правило, начинают с ловли уклейки, или, как неправильно называют ее, чебака. Это и понятно. Удочка для ловли этой рыбы нужна самая простая, самая легкая, леска в два волоса или жилка сечением 0,2 миллиметра, а то и катушечная нитка тридцатого номера, кусочек пробки, привязанный на расстоянии 30 сантиметров от крючка,— поплавок, двухметровое удилице в виде тонкого прута, крючок № 3; грузила не нужны.

Уклейка — маленькая рыба, длиной от семи до восемнадцати сантиметров, водится в реках, затоках и держится обычно у поверхности воды. Очень хорошо ловится на домашних мух и муравьиные яйца. Берет и на кусочек навозного и земляного червя. Ловить уклейку интересно. Она хватается насадку без «обмана». На уклейке юные рыболовы тренируются в подсечках, готовятся к более серьезной рыбалке.

Ерш — тоже маленькая, но колючая рыбка. Он любит тихие, с чистым дном заводи и холодную воду, поэтому держится на глубоких местах. Клевет ерш на земляного и навозного червей. Насадку нужно класть на дно или сантиметров на пять выше дна. Лучше клевет вечером. Особенно хорошо ловится после весеннего половодья, а вообще берет насадку все лето и даже зимой.

Во всех наших водоемах много плотвы. Мне приходилось ловить плотву разного веса, от ста до шестисот граммов. Эта рыба любит тихие воды. Весной держится на мелких заливных заросших кустах, и среди водорослей. Летом — на глубине, около крутояров, заросших кустами, и среди водорослей.

Лучше всего плотва, как, в общем, и многие другие рыбы, берет утром, а в пасмурную погоду клевет весь день. Летом, в жаркие дни, лучшая насадка для нее — мякиш ржаного или пшеничного хлеба (лучше простого помола), водоросли и пареные зерна пшеницы. С августа лучше всего клевет на червей. Леса для ловли плотвы должна быть в три-четыре волоса или жилка 0,2—0,3 мм, крючок № 5—6.

С самой ранней весны до поздней осени клевет язь. Клевет он весь день и даже ночью. Водится обычно в проточных водоемах, но его можно встретить и в глубоких прудах.

Язь — энергичная рыба, осторожная. На удочку чаще всего попадают так называемые «стрелки» — рыбы от двухсот до трехсот граммов весом, бывают и крупные — от полкилограмма до двух килограммов. Таких больших язей не вытаскишь из воды без сачка.

Удилище на язя должно быть крепкое и гибкое, при ловле с лодки — длиною до двух метров, а с берега — до пяти метров, леса 0,3—0,4 миллиметра с грузилом, крючок № 10 или № 12. Насадка самая разнообразная: червь, тесто, мякиш хлеба, пареное зерно.

Крупный лещ — менее доступная рыба. Он водится в больших и малых реках, в глубоких озерах, предпочитает медленно текущие и стоячие водоемы. Ловить ее надо на глубине двух-трех метров и более, со дна. Для крупных лещей лесу нужно иметь прочную — 0,5 миллиметра, а крючок такой же, как и на язя. Лещ хорошо берет на червей и реже на распаренные зерна пшеницы или на мякиш хлеба. Клевет обычно после восхода солнца, до второй половины дня.

Линь — красивая, будто отлитая из темноватой бронзы рыба. Любит он стоячие или слабопроточные травянистые водоемы с илстым дном. Это очень плодовитая рыба. Самка линя, которая весит около четырехсот граммов, выметывает триста тысяч икринок. Ловить линя можно на лесу сече-

майский
жук
и его
личинка

ручейник

опарыш
(личинка
синей
мухи)

комар-
толкучек
и его личинка
(мотыль)

уклейка

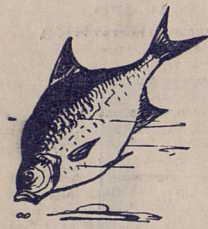
нием 0,25—0,35 миллиметра, крючок № 8—10. Лучшая насадка — навозные черви. На крючок следует наживлять сразу не менее трех червяков. Проклявывая их нужно с середины. Иногда лить берет на хлеб и на распаренный горох. Клев начинается с мая и продолжается до сентября. Лить ловится главным образом в тихие, ясные дни с утра и на закате солнца.

Ну, а кто из вас, ребята, не знает полосатого, с красными, как огоньки, плавниками окуня? Окунь очень прожорлив, он стремительно набрасывается на мелких рыбешек и на стайки мальков, поэтому рыбаки и прозвали этих полосатых рыб водяными тиграми. Берет окунь жадно, без промаха, как говорят рыболовы, без обмана.

Окунь — дневные хищники. Мелкие держатся в зарослях и корягах близ берегов, крупные предпочитают глубокие места. Их так же, как и плотву, много во всех наших водоемах.

Небольшие окуни — весом до двухсот граммов — хорошо клюют на червей, а крупных ловят на живцов. Лучший клев окуня в июне, вскоре после половодья, в конце лета и осенью. Леса та же, что и на лия, крючок № 15.

3

лещ

Пойманную рыбу лучше всего хранить в корзине, сплетенной из прутьев, погрузив ее в воду.

Но вот кончился день — пора идти домой. Не торопись, одну за другой аккуратно смотрите леса на мотовильца, прикрепленные к удилицу. Некоторые рыболовы небрежно сматывают леса, а крючки втыкают в удилица, а то и в поплавок. Этого делать не следует. Крючки затупятся, в дороге они могут отцепиться и поймать неаккуратного рыболова за одежду, а то и за ухо.

Около мотовильцев для крючков надо укрепить пучки сухих камышинок, туго связав их крепкой бечевкой в трех местах — по концам и в середине. Или приспособить для этого пробку, продеть в нее прочную нитку и укрепить у мотовильцев.

Когда удочки смотаны и связаны, проверьте, все ли уложено, не забыли ли вы чего-нибудь. И только после этого вынимайте из воды садок с рыбой. Рыбу в корзине переложите мокрой травой, в жаркие дни лучше нести домой вычищенную рыбу.

4

лйнь

Обязательно ведите дневник, ребята! Возьмите общую тетрадь и записывайте в нее все по порядку, начиная с того, когда и с кем ходили на рыбалку, и кончая результатами лова.

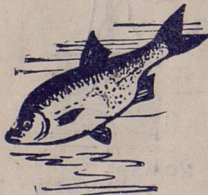
Если будете рыбачить на разных водоемах, то в дневнике записывайте, в каком из них лучше клюет рыба и какая. Опишите, как выглядят речка, озеро и пруд, отметьте, на какой глубине лучше ловилась рыба и в каких местах — на чистых или около зарослей; в какое время дня, на какую насадку, каких и сколько рыб было поймано.

Записывайте в дневник, и как вы отдыхали на рыбалке, что интересного видели и собрали.

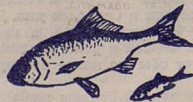
Если вы решили во время отдыха сварить уху, имейте в виду, что самая вкусная уха из разной рыбы. Только не забудьте у окуня вырезать жабры, а то уха будет горчить.

После обеда и чая хорошо полежать в тени. Отдохнув, пройдитесь по берегу, посмотрите, нет ли где небольших мелководных суходолов и озерков, оставшихся от половодья. Если они встретятся вам, выловите оттуда мальков недоткой (маленьким частым бредешком) или сачком и перенесите их в речку, чтобы они не погибли.

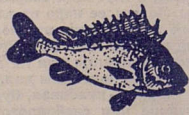
Берегите водоемы и рыбные запасы! Выявляйте браконьеров, вылавливающих рыбу запретными снастями — сетями, оханами, острогой!

язб

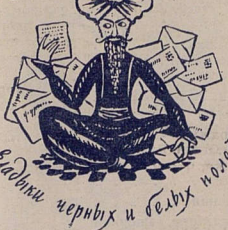
плотва

ёрш

В стране шаха

Поторапливайся, Пешкин!.. Уже раскрыта наша шахматная страница, а ты опаздываешь...

Был на почте, говорю, сумка у тебя очень тяжелая...

Смотрите, ребята, как Пешкин согнулся. Это он несет ваши письма с решениями и новые свои загадки.

Ну что же, начнем разговор с решений тех позиций, что были напечатаны в пятом номере журнала.

Почти все друзья Пешкина правильно решили первую загадку. К мату в два хода ведет отступление коня на h3. И со второй загадкой большинство ребят справились удачно. Мат в три хода достигается после 1. a4! g4! 2. Фa3!

А вот в третьей загадке Пешкин перекричал вас, друзья. Она решается не ходом 1. Кc7, а неожиданным маневром ферзя на b4. Проверьте внимательно положение, и вы сами в этом убедитесь.

А эту загадку решает так: 1. Le1! g2+2. Крf2 g1Ф+3. Крf3 Ф:ег пат.

Грамотами «Ферзя и ладьи» мы награждаем **Виктора Федорова** (г. Шумерля, Чувашская АССР) и **Олега Федяева** (Тамбовская область).

О чем ты задумался, Пешкин? Что ты так внимательно читаешь?

Да ведь это письмо **Вити Рехтюка** из поселка Кавалерова, Приморского края. Об этом письме стоит поговорить.

Витя рассказывает о том, что в прошлом году к ним в школу приехал новый учитель, Валентин Васильевич. Он организовал кружок шахматистов, в котором занимались более двадцати ребят. Некоторые получили спортивные разряды. А теперь учитель уехал, и кружок распался.

«Что же нам делать,— спрашивает Витя,— кто будет у нас руководить секцией?»

Ребята! Пешкин просит своих друзей—любителей шахмат посоветовать Вите, как организовать соревнования и тренировки. Советы Вите Рехтюку и другим ребятам из поселка Кавалерова мы поместим в следующих номерах журнала. А на некоторые другие вопросы ребят ответим сейчас.

«У нас есть такие шахматисты, которые играют по непонятным правилам,— пишет **Юра Перфильев** из села Нижне-Илимск, Иркутской области.— Ходят сразу двумя пешками, не признают взятия на проходе. Разве есть и такие правила?»

Дело в том, Юра, что шахматы за свою многовековую историю не раз существенно менялись. Одни правила отпадали, другие вводились. Игра становилась все интересней. Единые международные правила действуют немногим более ста лет. Двумя пешками сразу ходить, конечно, нельзя. Все правила игры есть в небольшой брошюре «Шахматный кодекс». Ее можно выписать из Центрального шахматного клуба СССР. Пишите туда по адресу: Москва Г-19, Гоголевский бульвар, 14.

А вот **Витя Астафьев** из села Анаш, Красноярского края, спрашивает: «Как научиться хорошо играть?»

Дорогой Витя! Ответ на свой вопрос ты найдешь в письме, которое прислали нам **Володя Третьяков**, **Витя Леонов** и **Витя Доценко** из города Медногорска, Оренбургской области. Вот что они пишут:

«В нашем 6 классе «б» ребята очень любят шахматы. Мы разбираем партии матча на первенство мира, которые были напечатаны в газетах, записываем и свои партии, а потом вместе разбираем, отыскиваем ошибки.

Конечно, в наших партиях пока много ошибок, но мы стараемся понять причины поражений, чтобы в новых партиях играть лучше».

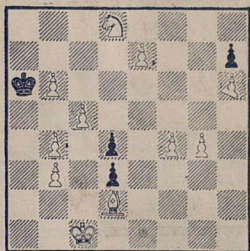

Правильно поступают ребята! Очень важно разбирать и анализировать партии. И, конечно, надо регулярно проводить соревнования.

Вот, например, ребята из школы № 19 поселка Уч-Кудук, Бухарской области. Они вместе изучают теорию и устраивают турниры. И загадки Пешкина решают ребята коллективно. Двадцать ребят уже получили спортивные разряды. Хорошо играют **Володя Соболев**, братья **Наиль** и **Равиль Шайдуллины**, **Костя Кадоркин** и другие пионеры.

Шахматную секцию этой школы мы награждаем грамотой «Ферзя и ладьи».

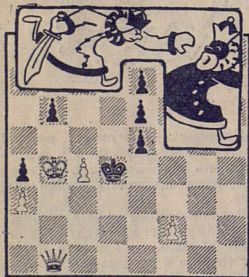
Советуем вам также решать и составлять задачи и этюды. И в этом деле добились успехов многие ребята. Смотрите, какую занятную задачу прислал нам **Саша Фроловский** из г. Вороткуй. Саша занимается в секции Дворца пионеров. Недавно в первенстве Коми АССР среди школьников Саша занял четвертое место.

В этом положении белые, начиная игру, дают мат в два хода черному королю. Задание не изменится, но решение станет совсем другим, если черного короля переставить а) на d5, б) на f6, в) на a1.

Пешкин включил задачу Саши Фроловского в свой конкурс. Он предлагает вам еще две загадки и напоминает, что победители заочного соревнования получат грамоты «Ферзя и ладьи».

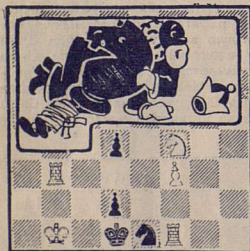
ФЕРЗЬ АТАКУЕТ

В этом положении хитрые маневры ферзя приводят к неизбежному мату в три хода. Как и обычно, в задачах игру начинают белые.

СВЯЗАННЫЙ КОНЬ

Связан конь е1 в следующей позиции

И все же этот конь храбро защищает позицию черных. Вы в этом убедитесь, когда попытаете дать мат черным в четыре хода.

Содержание

✓ Становись правофланговым, друг!	1
✓ Сразу после выборов...— Вожатый Сима Соловьев	2
Просто-напросто.— Маленькая повесть. Олег Тихомиров. Рисунки Д. Пятниной	6
3 дня в Карликинии.— Сказка, да не сказка. В. Левшин. Рисунки В. Кыштымова	21
Пашинна высота.— Рассказ В. Александровой. Рисунки А. Годова	28
✓ Ты в строю, Клава! — Виктор Крючков	30
Гвинейцы изучают азбуку.— Стихи Якова Хелемского. Рисунки Е. Молина	32
Ожившая старина.— Е. Мурин	33
Плавучий завод.— А. Мошковский	36
Тени долгой ночи.— Р. Канделаки. Рисунки Р. Войм	37
Звонок.— Стихи Мих. Садовского	43
13 Гагариных и один Титов.— Я. Голованов. Фото И. Гричера	44
Зеленые штаны. Фламинго.— Стихи Фазилы Искандера. Рисунки Ю. Кискачи	46
Что нам читать?	47
Копилка Днима Голпинса.— Рассказ А. Кардашовой. Рисунки Г. Филипповского	48
Сворצים прощаются с гнездом.— Стихи Риммы Галинской	53
В союзе с Аристотелем.— Повесть Г. Михасенко. Продолжение. Рисунки П. Саркисяна	54
Тучи на дорогах.— Стихи Вадима Левина	69
Художественная студия «Пионера».	
Давайте рисовать.— Занятия ведет Н. Ф. Кирпичева	70
2 дня. Какой из них лучше?	73
Постоянная Пионерская	
Техническая Выставка	
Изобретатели за партой.— В. Богатов, Д. Иванников, А. Стахурский	74
Советы рыбаков-новичкам.— Василий Алфиров	76
В стране шаха — владыки черных и белых полей.— Международный мастер М. Юдович	79

На вклеяках:

Молния в руках человека. Фото А. Узляна и Е. Умнова.

Московская улица XVII века. Сидение царя Михаила Федоровича с боярами. Едут. Шуба с царского плеча. Свадебный поезд в Москве.— Картины А. Рябушкина.

На обложке:

Снова в школе. Рисунок Э. Булатова.

Редактор **Н. В. ИЛЬИНА.**

Художественный редактор **П. Кузьмичев.**

Редакционная коллегия: **Т. В. Голубцова, В. А. Каверин, Л. А. Кассиль, Е. Л. Коваленко** (ответственный секретарь), **Ф. В. Лемкуль, А. И. Мошковский, А. И. Мусатов, А. С. Некрасов, В. И. Орлов, В. А. Поддубная, М. П. Прилежаева**

Адрес редакции: Москва, А-47, 1-я улица Ямского поля, дом 28. Телефон Д 3-30-73.

Рукописи не возвращаются.

Технический редактор **В. Пархоменко.**

А 00169.

Подписано к печати 16/VIII 1963 г.
Форм. бум. 84 × 108/16.

Тираж 580 000 экз. Изд. № 1486.
Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.

Заказ № 1875.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.

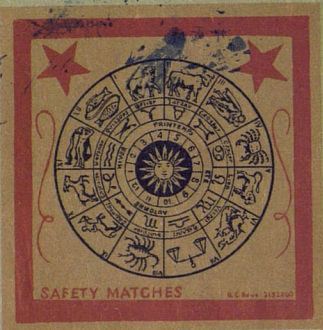

Из-за того, что Земля движется вокруг Солнца, оно как бы перемещается среди звезд. Кажущийся путь Солнца лежит в поясе из двенадцати созвездий, который называется поясом зодиака, а созвездия называются зодиакальными. В астрономии каждое из них обозначается определенным знаком.

Вот этикетки с изображением знаков зодиака, выпущенные в Греции. Их прислала в редакцию Люда Кандарели [г. Гори Грузинской ССР] на выставку Фестиваля разноцветных галстуков.

12 знаков зодиака.

Овен.

Телец.

Близнецы.

Рак.

Дева.

Весы.

Скорпион.

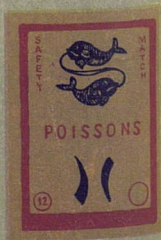
Стрелец.

Козерог.

Водолей.

Рыбы.

СОЗВЕЗДИЯ НА СПИЧЕЧНЫХ КОРОБКАХ